

948

Н. М. Ш А Н С К И Й

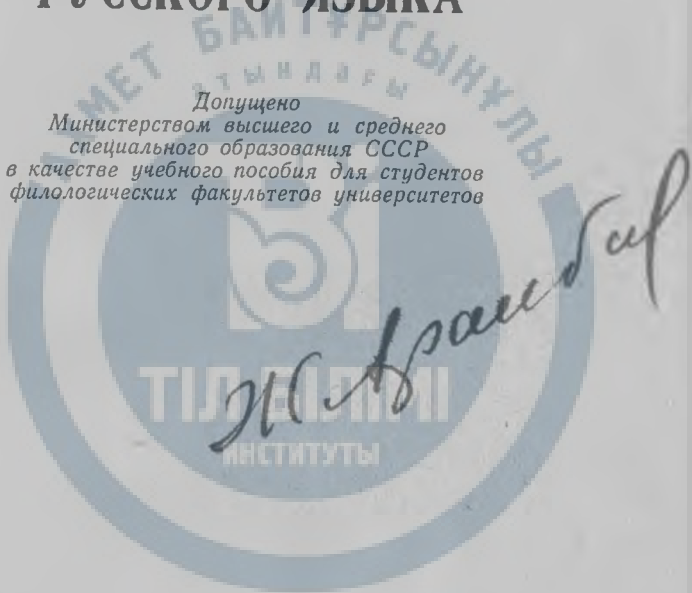
**ФРАЗЕОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО
ЯЗЫКА**

Н. М. ШАНСКИЙ

ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
филологических факультетов университетов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва — 1963

ОТ АВТОРА

Предлагаемое учебное пособие написано на основе лекций, читанных автором на филологическом факультете МГУ. В соответствии с ныне действующей вузовской программой курса «Современный русский язык» в нем освещаются все наиболее важные вопросы русской фразеологии. Принятое в пособии изложение целиком определяется его учебно-научным характером. С другими точками зрения по тому или иному вопросу, а также иногда с более детальной разработкой отдельных проблем читателю предлагается ознакомиться самостоятельно. Библиография наиболее важного и интересного по общей и русской фразеологии приводится в конце книги.

Автор признателен рецензентам — кафедре русского языкознания Самаркандского университета и проф. А. И. Ефимову — за те ценные замечания, которые позволили улучшить рукопись в процессе подготовки ее к изданию.

Автор будет благодарен за все отзывы о книге, которые просит направлять по адресу: Москва, проспект Маркса, 18, кафедра русского языка филологического факультета МГУ.

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ВВЕДЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Предмет и задачи фразеологии русского языка

Фразеология представляет собой раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему в ее современном состоянии и историческом развитии.

Объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, аналогичные по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц словам (*поставить на ноги, душой и телом, грудная клетка, без меня меня женили, молоко на губах не обсохло, отправиться на боковую, нож острый, Лес рубят — щепки летят, Человек — это звучит гордо* и т. д.). Таким образом, во фразеологии изучаются как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и устойчивые сочетания слов, в семантическом и структурном отношении представляющие собой предложения, т. е. все воспроизводимые единицы без исключения.

Отнесение тех или иных образований к фразеологическим явлениям или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются ли они из памяти целиком или творятся в процессе общения (подробно об этом см. § 3).

Такое определение объема фразеологии как языкового явления и, следовательно, предмета фразеологии как лингвистической дисциплины разделяется в настоящее время подавляющим большинством лингвистов.

Основная задача, которая стоит перед фразеологией, — познание фразеологической системы языка в ее настоящем и истории, в ее связях и взаимоотношениях с лексикой

и словообразованием, с одной стороны, и грамматикой, с другой.

Исследование фразеологических оборотов, наряду с глубоким и всесторонним анализом фразеологического богатства русского языка, позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов смежного характера, касающихся значимых единиц языка в целом, характера семантики слова в языковой системе, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряда проблем орфографии, стилистики художественной речи и языка писателя и т. д. Поскольку фразеология как языковое явление представляет собой не простую сумму фразеологических оборотов, а определенную систему соотносительных и взаимосвязанных со словами и друг с другом единиц, постольку в соответствующем разделе науки о языке фразеологические обороты должны изучаться с самых различных сторон.

Лучше всего они изучены в настоящее время с точки зрения их семантической слитности и стилистического использования в художественной и общественно-публицистической литературе¹.

Однако не менее важным является изучение фразеологических оборотов и в других аспектах, а именно с точки зрения специфических свойств в ряду других значимых единиц языка (прежде всего слов и морфем), лексического состава, структуры, значения, морфологических свойств составных частей, происхождения, сферы употребления и экспрессивно-стилистической окраски, а также в сопоставительном и сравнительно-историческом планах.

Всестороннее изучение фразеологической системы современного русского литературного языка позволяет нам глу-

¹ См. прежде всего В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, § 4; его же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: «А. А. Шахматов». Изд. АН СССР, М., 1946; его же. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5; его же. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В сб.: «Труды юбилейной сессии ЛГУ». Л., Изд-во Ленинградского университета, 1946; его же. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941; А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи (глава «Фразеология как средство художественной изобразительности»). М., Изд-во Московского университета, 1957; Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956; С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 2. Изд. АН СССР. М., 1957 и др.

боко проникнуть в сложную и разнообразную жизнь устойчивых сочетаний слов, иметь представление об их основных структурно-семантических и стилистических разрядах, знать их происхождение и особенности функционирования, объективно и правильно оценивать творческие поиски писателей и публицистов и т. д.

Однако фразеология как раздел в курсе современного русского языка не только дает систематическое описание современного состояния русской фразеологической системы. Она помогает также овладеть литературными нормами словоупотребления, в частности, фразеологических оборотов, что является совершенно необходимым для каждого изучающего русский язык, ибо без этого в его речи всегда будут ошибки, снижающие ее выразительные качества и действенность.

Ошибки в употреблении фразеологических оборотов носят различный характер и возникают как в результате незнания их лексико-грамматического состава и значения, так и в силу того, что не учитываются их словесные связи, экспрессивно-стилистические свойства, сфера применения, речевой контекст и т. д.

Приведем два примера.

В поэме Ю. Яковлева «Петрушка» (см. журнал «Юность», 1955, № 5) читаем:

*Петрушка! Добрый старый друг,
Ты создан для веселья.
Смотри, как радостно вокруг
Под новогодней елью.*

В угоду версификационным целям (чтобы срифмовать слово *веселья*), вместо общеупотребительного фразеологического оборота *новогодняя елка*, под пером поэта появляется сочетание *новогодняя ель*, вне особых стилистических задач явно ошибочное и совершенно немыслимое.

Грубой ошибкой, возникающей в результате контаминации двух фразеологических оборотов (*служить образцом* и *показывать пример*), является предложение *Хороший руководитель должен во всем показывать образец своим подчиненным*¹.

Таким образом, теоретическое изучение современной рус-

¹ Предложение взято из брошюры Д. Э. Розенталя «Культура речи». М., Изд-во Московского университета, 1960, стр. 34.

ской фразеологической системы не только позволяет познать ее как определенное языковое явление, но и дает возможность усвоить основные нормы литературного употребления фразеологических оборотов, что имеет определенное значение в повышении речевой культуры в целом.

§ 2. Формирование фразеологии как лингвистической дисциплины

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русском языкознании относится к 40-м годам XX столетия и неразрывно связано с именем акад. В. В. Виноградова. Именно им в ряде работ этого времени (они указаны в § 1) были поставлены и разрешены некоторые вопросы общего характера, позволившие создать базу для изучения устойчивых сочетаний слов современного русского литературного языка. Именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности¹ и были намечены пути и аспекты дальнейшего их изучения.

До названных выше работ В. В. Виноградова в русской лингвистической литературе из специальных работ по фразеологии можно назвать лишь статьи И. М. Вульфюс и С. И. Абакумова, представляющие собой работы скорее образовательно-методические, чем научно-исследовательские, хотя в них и содержатся отдельные интересные наблюдения и правильные выводы. В статье «К вопросу о классификации идиомов»² Вульфюс вначале знакомит читателей с классификацией фразеологических оборотов, данной Ш. Балли в книге «Précis de stylistique» (Женева, 1905)³.

Поскольку эта классификация Вульфюс не удовлетворяет, она дает свою, выделяя среди устойчивых сочетаний слов русского языка следующие группы: 1) идиомы, «представляющие собой неразложимое на свои словесные элементы единство» (*смотреть сквозь пальцы, спустя рукава, собаку съел, задать перцу* и т. д.), 2) предложения типа пословицы и 3) идиотизмы (такими считаются «выражения, которые

¹ Подробно о ней см. §§ 12—18.

² «Русский язык в советской школе», 1929, № 6.

³ С некоторыми изменениями она была повторена им в работе «Traité de stylistique française», под названием «Французская стилистика», переведенной недавно на русский язык (М., Изд-во ИЛ, 1961, стр. 87—111).

нарушают установленные в языке правила синтаксиса», «выражения, построенные на игре слов», и выражения с несуществующими вне фразеологизма словами типа *зга в ни зги не видно, тло в сгореть дотла* и т. д.). Классификация Вульфюис явно неудачна, так как построена на различных логических основаниях. Свойства, отмечаемые ею в качестве характерных лишь для идиотизмов, имеются и в идиомах, и в речениях типа пословицы, и наоборот (ср. *мал золотник, да дорог* — см. стр. 52; *водить за нос* — см. стр. 67; и т. д.).

И. М. Вульфюис не увидела важности и ценности для изучения русских фразеологизмов синхронной классификации фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности Ш. Балли. Предложенное ею собственное решение оказалось по существу шагом назад. Логически неупорядоченной и поверхностной была также и предложенная ею генетическая классификация фразеологических оборотов русского языка, целиком построенная на учете первоначальной сферы их бытования (ср. § 54). Вместе с тем в ее статье имеются и очень верные замечания, связанные с проблемами построения фразеологических словарей и сопоставительного изучения фразеологических оборотов различных языков.

Более интересной и ценной кажется статья «Устойчивые сочетания слов» С. И. Абакумова, помещенная в журнале «Русский язык в школе» за 1936 (в № 1).

В ней впервые делается попытка дать классификацию фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их структуры и «этимологического состава», а также содержится попытка описания наиболее важных общих свойств идиомов (с учетом сказанного о них по отношению к французскому языку Ш. Балли).

При рассмотрении фразеологизмов с точки зрения их происхождения в русском языке С. И. Абакумовым правильно отмечается наличие в нашей фразеологической системе фактов иноязычных и калькированных. С точки зрения семантической слитности устойчивые сочетания слов С. И. Абакумовым делятся на две группы: 1) идиомы, представляющие собой «словосочетание, которое имеет значение, не вытекающее из значений составляющих его элементов» и 2) названия, состоящие из нескольких слов (типа *Черное море, рабочий факультет, машинно-тракторная станция* и т. д.).

Эта классификация является также неудачной, поскольку в ней не учитывается все имеющееся разнообразие фразеоло-

логических оборотов русского языка, с одной стороны, и не выдерживается единый принцип деления, с другой (ср. хотя бы «название, состоящее из нескольких слов», — *Черное море*, которое одновременно является также и идиомой, так как его значение «не вытекает из значений составляющих его элементов»).

После появления работ по фразеологии В. В. Виноградова фразеологические обороты стали предметом пристального внимания и всестороннего изучения со стороны всех, интересующихся вопросами лексики современного русского языка и стилистики художественной речи. В дальнейшем фразеологизмы исследуются также и с точки зрения их структуры, грамматических свойств и происхождения.

Вышло в свет большое количество работ, посвященных изучению конкретного фразеологического материала, особенно много кандидатских диссертаций по фразеологии того или иного писателя.

В последнее время стали появляться также и работы общего характера. К числу интересных и полезных работ последнего времени по отдельным вопросам общей и русской фразеологии относятся, в частности, работы Н. Н. Амосовой, В. Л. Архангельского, Г. Я. Дементьевой, Л. П. Ефремова, И. С. Козырева, А. В. Кунина, И. И. Лаврова, О. И. Москальской, Л. И. Ройзензона, В. Ф. Рудова, А. Н. Тихонова, П. В. Ткаченко и др.¹ Среди них особенно — по ряду причин — следует отметить работы А. И. Ефимова, Б. А. Ларина, О. С. Ахмановой и С. И. Ожегова.

В книге «О языке художественных произведений» (М., Учпедгиз, 1954, стр. 181 и сл.) А. И. Ефимовым впервые были четко и определенно сформулированы цели и задачи фразеологического анализа художественного текста², а также дана классификация фразеологического материала со стилистической точки зрения и очерчен круг вопросов, связанных с фразеологическим новаторством писателей и публицистов.

¹ В данном пособии мы лишены возможности хотя бы кратко аннотировать все эти работы, поэтому читателю предлагается познакомиться с ними самостоятельно. Список соответствующей литературы дается в конце книги.

² «Фразеологический анализ художественного произведения преследует такие цели: определить состав фразеологических единиц, используемых писателем; установить источники, из которых черпалась эта фразеология; показать, как автор творчески использует этот материал, видоизменяя, обновляя его и перемещая из одной стилистической сферы в другую» (стр. 181).

В «Очерках по фразеологии» Б. А. Ларина¹ особенно важным является постановка ряда проблем диахронического изучения фразеологической системы русского языка, в частности, совершенно справедливое выдвижение в качестве наиболее актуальной и ответственной работы фразеолога «установление объективных закономерностей образования и развития несвободных словосочетаний» (стр. 203) и призыв к широкому применению в исследованиях по фразеологии сопоставительного и сравнительно-исторического методов.

В книге О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (М., Учпедгиз, 1957, стр. 166—191) особое внимание привлекает освещение характера лексико-фразеологического варьирования русского слова и подробное лексико-семантическое описание именных и глагольных фразеологических моделей типа *старая истина, зуб мудрости, знать меру, войти в историю* (см. §§ 28—34).

В статье С. И. Ожегова «О структуре фразеологии»² делается попытка определить, на каких научных основах должен строиться фразеологический словарь в качестве пособия, в котором будут отражены «все конкретные формы функционирования фразеологических единиц, их стилистические функции, происхождение и т. д.». Обращает внимание в этой статье также введение понятия фразеологии в широком и узком смысле и понятия опорного слова фразеологической единицы.

Как видим, в настоящее время нельзя уже согласиться с Б. А. Лариным, что «фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии скрытого развития»³. И все же он несомненно прав, когда указывает, что «она интересует многих, над нею задумываются, экспериментируют и стар и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она еще не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов»⁴. Именно поэтому до сих пор среди фразеологов нет единого мнения по вопросу об объеме фразеологии как языкового явления. Только этим объясняется также и тот факт, что нет пока единой классификации фразеологических оборотов с точки

¹ «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 200—223.

² «Лексикографический сборник», вып. 2. Изд. АН СССР. М., 1957.

³ Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. В сб.: «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 200.

⁴ Там же.

зрения их семантической слитности, хотя наиболее распространенной является, с уточнениями и дополнениями, классификация акад. В. В. Виноградова (см. §§ 12—18). Именно поэтому, наконец, многое в русской фразеологической системе только начинает изучаться. Целый ряд важных вопросов в настоящее время только ставится, и необходимо всестороннее как описательное, так и сравнительно-историческое и сопоставительное изучение, чтобы они могли быть решены. Особенно нужны еще многие подготовительные труды для построения исторической фразеологии русского языка.

§ 3. Фразеологические словари

Фразеологического словаря, в котором бы с лексико-грамматической и экспрессивно-стилистической точки зрения толковались все фразеологические обороты современного русского литературного языка, пока нет. Создание такого словаря — дело будущего. Несомненно, что в нем должны толковаться значения фразеологических оборотов, даваться указания, касающиеся их сочетаемости со словами и характера реализации морфологических форм, а также содержаться экспрессивно-стилистические пометы.

Однако вряд ли правильно включать в словарные статьи такого — толкового по своему существу — фразеологического словаря также и сведения по происхождению того или иного фразеологизма, как предлагает С. И. Ожегов (см. § 2). Происхождение фразеологических оборотов в системе русского языка должно быть предметом особой работы — этимологического словаря фразеологических оборотов русского языка.

Из существующих справочников по русской фразеологии наиболее известным и содержательным является словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (тт. I—II, 1903—1904). По замыслу автора, эта книга должна «знакомить своих читателей с фразеологией родного языка, как простой словарь знакомит их с словами, вообще входящими в состав того или иного языка».

Несмотря на большие недостатки (недифференцированное толкование как фразеологических оборотов, так и слов, отсутствие стилистических помет и разъяснений конкретных форм фразеологизмов, неразграничение активной и пассивной по своему употреблению фразеологии и т. д.), словарь

М. И. Михельсона до сих пор не потерял определенного научного значения. Это объясняется как богатством собранного в нем фразеологического материала и разнообразными иллюстрациями из русской художественной литературы, так и большим количеством верных этимологических справок.

В «Опыте русской фразеологии» по алфавиту располагаются исконно русские и заимствованные фразеологические обороты, цитаты русских и иностранных писателей, а также и отдельные образные слова. Если приводятся фразеологический оборот или образное слово, которые заимствованы русским языком из какого-либо другого, указывается язык-источник.

Словарная статья обычно включает фиксацию фразеологического оборота или образного слова, объяснение его значения, примеры использования в литературе (для заимствованных оборотов — указание языка-источника) и, наконец, многочисленные параллели одноструктурных или синонимических фразеологизмов и слов других языков (в основном западноевропейских и классических).

В конце второго тома дается алфавитный указатель соответствующих фразеологических оборотов и слов русского и других языков.

Как разрабатывается фразеологический материал в этом словаре, можно получить представление из следующих двух словарных статей:

313. **Рот (глотку) заткнуть** (зажать, заграждать) иноск. — заставить молчать.

Ср. Здесь не темные леса, а город: не *зажмешь* каждому рот... мало ли, что говорят. Писемский. Тысяча душ. 2, 8.

Ср. Я еду женихом и надеюсь, что *зажму рот* здешним сплетникам. Там же.

Ср. Да и кому в Москве не *зажимали рты* обеды, ужины и танцы. Грибоедов. Горе от ума. 2, 5. Чацкий.

Ср. Есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, каковым должно *заграждать уста*. Тит. 1, 10—11.

Ср. Праведники видят сне (милость к бедным) и радуются, а всякое исцеление *заграждает уста* свои. Пс. 106, 42. Ср. Матф. 22, 34. См. Рот открыть. См. Обеды.

619. **Положа руку на сердце** (по правде, по совести).

Ср. Скажите мне, *положа руку на сердце*, всю истинную правду, что это за девушка. Гр. Л. Н. Толстой. Война и мир. 2, 5, 4.

Ср. После месячного испытания могу, *положа руку на сердце*, свидетельствовать, что вы... удовлетворили всем моим требованиям... Салтыков. Убежище Монрепо. 2.

Ср. Я полагаю с своей стороны, *положа руку на сердце*, по восьми гривен за душу — это самая красная цена. Гоголь. Мертвые души. 1, 5. Чичиков.

Ср. Die Hand aufs Herz!

Ср. La main sur la conscience.

(Обыкновенное положение руки при уверениях, при подтверждении истины).

Кроме словаря М. И. Михельсона, среди работ, посвященных русской фразеологии, следует прежде всего отметить одноименные сборники «Крылатые слова» С. В. Максимова (Изд. 1-е — 1890 г.) и Н. С. и М. Г. Ашукиных (Изд. 1-е — 1955 г.) Несмотря на то, что эти работы составлены специалистами и в силу этого имеют очень существенные недостатки как в классификации материала, так и в его объяснении, они полезны: одна (Максимова) — для объяснения некоторых оборотов разговорной фразеологии, другая (Ашукиных) — для объяснения некоторых оборотов книжной фразеологии, появившихся в XX в.

При использовании этих сборников читателю следует знать, что в понятие крылатых слов их авторы включали также и такие языковые факты, которые в собственном смысле крылатыми словами, т. е. выражениями из художественной литературы и публицистики, имеющими автора, не являются.

Для С. В. Максимова крылатыми словами оказываются все фразеологические обороты образного характера, для Н. С. и М. Г. Ашукиных — все «ходячие выражения, которые возникли из литературных источников или исторических документов» (стр. 3). Более того, указанные книги (как и работа М. И. Михельсона) включают в себя не только фразеологический материал, но и однословные «крылатые слова», представляющие собой отдельные слова переносно-метафорического характера и поэтому никакого отношения к фразеологии не имеющие. Так, в «Крылатых словах» Максимова рядом с фразеологическими оборотами *во всю Ивановскую, после дождичка в четверг, турусы на колесах, Кондрашка хватил, на воре шапка горит, казанская сирота, дело в шляпе, глас народа — глас божий, камень за пазухой* и т. д. объясняются также слова *слоняться, опростоволоситься, подкузьмить, беспутный, покамест, пустозвон, накануне, затрапезный, халдей, щелкопер* и т. д.

В «Крылатых словах» Ашукиных наряду с фразеологизмами *в минуту жизни трудную, в поте лица, хлеба и зрелищ, гомерический хохот, держать порох сухим, клей и ножницы, лошадиная фамилия, пир во время чумы, от Понтия к Пилату* толкуются также слова *Ирод*,

благоглупости, буревестник, буцефал, гидра, головотяпы, голгофа, Диана, Нарцисс, Чичиков, зврика и т. п.

Представление о полубеллетристической книжке С. В. Максимова, посвященной им «летучим и крылатым словам и ходячим выражениям, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок», можно получить из объяснения в ней фразеологических оборотов *типун на язык* и *выдать головой*:

Типун на язык

Порода голубей и вообще всякая домашняя птица останавливает на этом общеупотребительном ответном выражении «типун бы тебе на язык» всякому, кто пугает недобрыми вестями, страшает худым предсказанием, высказывает слишком откровенно какое-либо злое пожелание. У птиц, исключительно принадлежащая им, болезнь эта, по объяснению Эльпе в 1-й серии «Обиходной рецептуры», — особое поражение гортани, полости носа, иногда покровов языка; то, что хозяйки дома обычно принимают за «типун», на самом деле есть особый придаток на кончике языка, вроде коготка, облегчающий при клеванье подхватывать языком зерна.

Выдать головой

Этот обычай известен был еще в XII веке, когда с князя за вина бралась волость, а прочих людей отдавали головой, причем последняя выражала понятие о личности. Отданный головой за долг поступал к займодавцу с женою и детьми в полное рабство и в работу, которую и отбывал до тех пор, пока не покрывал весь долг. Во время местничества оскорбитель был бит батогами и потом обязан был просить униженно прощения у обиженного и жалобщика: кланяться в землю и лежать ничком до тех пор, пока оскорбленный не утишится и не поднимет со словами: «Повинную голову и меч не сечет». Словом, в старину это означало предание суду за преступление с лишением гражданской свободы, а также во временное рабство за долги. Тогда «брат брату (шел) головой в уплату», а теперь нечаянно, без умыслу выговорить в неуказанное время неподлежащему человеку условленную тайну значит то же, что «выдать головой».

Характер объяснения фразеологизмов в «Крылатых словах» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной хорошо иллюстрируют словарные статьи, посвященные фразеологическим оборотам *злоба дня, чудаки украшают мир и знание — сила*:

28. Злоба дня

Выражение употребляется в значении: интерес данного дня и вообще данного времени, волнующий общество. Возникло из евангелия (см. Довлет диеви злоба его).

Моя деятельность почти исключительно посвящена злобам дня (М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма к тетеньке, 14).

Когда у нас злобой дня бывает, например, отставка ректора или декана, то я слышу, как он, разговаривая с молодыми сторожами, называет кандидатов (А. И. Чехов, Скучная история, 1).

49. Чудаки украшают мир

Афоризм М. Горького из «Рассказа о безответной любви» (1923).

Штерн вычитал в какой-то книге, что чудаки украшают жизнь, однако чудак, появившийся у него на пароходе, никому не понравился (К. Паустовский, Рассказы, М., 1940, стр. 98).

31. Знание — сила

Выражение английского философа-материалиста Френсиса Бэкона (1561—1626) в «Нравственных и политических очерках» 2, 11 (1597).

«Знание — сила» — название ежемесячного научно-популярного журнала рабочей молодежи, выходящего в Москве с 1926 г.

Полезна также книжка Эд. Вартаньяна «Из жизни слов», изданная с предисловием и под редакцией Л. В. Успенского (М., Детгиз, 1960), в форме маленьких рассказов она знакомит читателя с некоторыми фразеологизмами книжной и разговорной речи. Вот несколько наиболее типичных примеров:

Горе луковос

Если человек плачет, это плохо. Но причина, вызывающая на глаза слезы, не всегда бывает достойна внимания и уважения. Попробуйте почистить или потереть на кухне луковку: слезы у вас польются ручьем... От горя? От лукового горя!

Немцы знают другое выражение: «луковые слезы». Это те слезы, которые льются по пустякам. И в переносном смысле под «луковым горем» мы понимаем мелкие печали, ничтожные огорчения, не заслуживающие слез.

Задеть за живое

В этом выражении непонятно, что значит «за живое». За что «живое»? Оказывается, в виду имеется живое мясо. Когда в древности клеймили домашний скот, животное вздрагивало от боли, если накаленное тавро, прижигая кожу, задевало за «живое мясо».

У нас поговорка эта означает: задеть человека словом, грубо коснувшись чего-либо дорогого или очень болезненного для него.

Одним миром мазаны

Прежде всего не следует думать, что слово «миром» тут есть творительный падеж от слова «мир». Нет, это тоже творительный падеж от слова «мир». «Миро» — искусственно приготовляемое благовонное вещество, употребляющееся при церковных обрядах. В старину выражение: «мы одним миром мазаны» означало: мы одной веры. Потом стало значить другое: «они одним миром мазаны» — одного поля ягоды, одинаково подозрительные люди.

От этого же обычая (миром мазали и царей при их коронации) произошло выражение «помазанник божий» — то есть царь.

Чистой воды

Это означает: «самого лучшего качества», «без всяких недостатков». Слова «чистой воды» являются техническим термином ювелиров. Прозрачные драгоценные камни, в первую голову алмазы, делятся на совершенно бесцветные камни чистой воды и обладающие неполной прозрачностью, а значит, и более дешевые.

Опять мы видим, как профессиональное выражение получило более широкий смысл, более общее значение и живет в языке всего общества уже почти без связи с первоначальным термином.

В качестве небесполезных фразеологических сборников (правда, ставших сейчас библиографической редкостью) можно указать также работы Овсянникова («Литературная речь». М., 1933) и Займовского («Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма». М., 1930).

Кроме специальных справочников по фразеологии, фразеологический материал в известной степени освещается и в толковых словарях русского языка. Особенно богато он представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР. В толковых словарях фразеологические обороты даются после основной части словарной статьи, объясняющей то или иное слово. Фразеологизмам предшествуют значки \diamond и \sim . Так, в Словаре Ушакова под словом *колокол* после \diamond следует: «*колокола льют* (устар.) — поговорка, означающая, что данный слух неверен, является сплетней, ложью [объясняют существовавшим в старину суеверным обычаем распространять всякие небылицы во время отливки нового колокола, чтобы он громче звучал]»; под словом *грешный* после \diamond — «*грешным делом*, вводное слово (разг.) — к сожалению; хотя это и не хорошо. Я, грешным делом, люблю выпить рюмочку перед обедом. Грешный человек (разг.) — в значении вводного слова: виноват, каюсь. И я,

грешный человек, изредка пописывал передовые статьи. Салтыков-Щедрин»; под словом *барабанищик* после ◇ — «отставной козы барабанщик (разг. ирон.) — незначительный человек, потерявший общественное положение [от старинной забавы: коза, т. е. наряженный козой, и барабанщик сопровождали вожака с медведем]»; под словом *трамвай* после ◇ — «речной трамвай (нов.) — небольшой пассажирский пароход или катер, совершающий рейсы по рекам в черте и окрестностях города»; под словом *тварь* после ◇ — «всякой твари по паре (разг. шутл.) — о смешанном, пестром составе какой-н. людской группы, толпы, общества [от библейского сказания о Ноевом ковчеге, в который Ной взял с собой по одному самцу и одной самке от всех животных для сохранения жизни на земле после потопа]. Вагон битком набит: тут и дамы, и военные, и студенты, и курсистки — всякой твари по паре. Чехов» и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБОРОТ КАК ЗНАЧИМАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

§ 4. Понятие «фразеологический оборот»

Помимо отдельных слов, в современном русском языке, как и во всяком другом, существуют и более сложные образования, обычно называемые фразеологическими оборотами, или фразеологизмами.

Вопрос о том, что собой представляет фразеологический оборот как значимая единица языка, является чрезвычайно важным. Ответ на него будет являться одновременно ответом на то, что должно изучаться во фразеологии. О важности четкого определения фразеологического оборота как элемента языка (помимо имеющих теоретических разногласий среди лингвистов по поводу объема фразеологии) ярко свидетельствует существующая лексикографическая практика.

В Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова после значка \diamond , за которым, как указывается во вводной статье, «приводятся и объясняются ходячие цельные выражения», помещаются самые разнообразные факты, например: *выходной день; капля в море; сломя голову; взятки гладки; дама сердца; как снег на голову; мал золотник, да дорог; надоел хуже горькой редьки; не в коня корм* и т. д. и рядом *эле-эле, не жилец, в пользу, до смерти, раным-рано, в обрез, на совесть* и т. п.

В качестве выражений (а выражение всегда мыслится как определенное сочетание слов) в нем даются и такие факты, как *с дребезгом* (ср. *свысока*), *до упаду* (ср. *доверху*), *с панталыку*, *с кондачка* (ср. *сначала*).

С. И. Ожегов в своем «Словаре русского языка» фразеологизмами считает и выражения типа *бабушка надвое сказала, голова кругом идет, земля горит под ногами*,

мурашки пошли, и выражения типа чувство локтя, сказка про белого бычка, военные действия, прибрать к рукам, и — с ходу, в общем, по-настоящему, ни-ни, ну-ка, на протяжении и т. д.

При определении специфики фразеологического оборота как определенного явления языковой системы с необходимостью возникает задача четкого отграничения его 1) от свободного сочетания слов и 2) от отдельного слова. Это объясняется тем, что, с одной стороны, фразеологический оборот функционирует в языке на правах отдельного слова, а с другой — является сложным целым, состоящим из отдельных самостоятельных слов.

Разберем сначала качества, отличающие фразеологический оборот от свободного сочетания слов и сближающие его со словом, с тем, чтобы отметить потом и то, что отграничивает фразеологический оборот от слова.

Как и слова, вошедшие в систему языка, фразеологические обороты не образуются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые значимые единицы.

Воспроизводимость в качестве целостных единиц — основное качество, сближающее фразеологические обороты со словами и отграничивающее их от свободных сочетаний слов. Действительно, фразеологизмы *поставить все точки над и; скатертью дорога; пуд соли съесть; а воз и ныне там; живая вода; нечем крыть; пришел, увидел — победил* и т. д. не создаются в процессе общения, подобно свободным сочетаниям слов (*Все точки были поставлены там, где нужно, и очень аккуратно; Крыть крышу оказалось нечем; Воз стоял там же, в густом заросшем лесу* и т. д.), а воспроизводятся в качестве целостных оборотов.

Обороты *стереть в порошок; раз, два и обчелся* и т. п. не образуются говорящим во время общения из слов *стереть, в, порошок, раз, два, и, обчелся* и т. д., а воспроизводятся так же, как, например, синонимические им слова *уничтожить, мало* и пр.

Как и слова, фразеологические обороты являются устойчивыми в своем составе и структуре. Они состоят из определенных слов, следующих друг за другом обычно в строго установленном порядке и тесно связанных между собой.

Это свойство, как и воспроизводимость в качестве готовых значимых единиц, присуще всем фразеологическим оборотам, независимо от их сложности и значения.

Состав компонентов является всегда постоянным, всякое

изменение воспринимается как новообразование, несвойственное системе языка, точно так, как и словарные неологизмы. Чеховское выражение *светить во всю ивановскую* в предложении *Луна светит во всю ивановскую*, созданное им на базе оборота *кричать во всю Ивановскую*, является таким же неологизмом во фразеологии, каким является слово *глупицизм*, образованное Белинским, в сравнении с общеупотребительным словом *глупость* в лексике.

Что касается таких оборотов, как *нести ахинею* и *нести чушь*, *с головы до ног* и *с головы до пят* и т. д., то они являются по отношению друг к другу такими же самостоятельными образованиями, как, например, синонимические однокорневые слова типа *лукавство* и *лукавость*, *ароматный* и *ароматический*, *убожество* и *убогость*, *неритмичный* и *аритмичный* и т. п.

Порядок слов в фразеологическом обороте отличается устойчивостью и постоянством. Например, фразеологические обороты как *попало, через пень колоду, типун тебе на язык, черным по белому, в общем и целом, игра не стоит свеч* и т. п. невозможны и не существуют в виде «попало как», «через колоду пень», «тебе на язык типун», «по белому черным», «в целом и общем», «игра свеч не стоит» или «свеч игра не стоит» и т. д.

Как правило, местоположение членов фразеологического оборота является закрепленным и меняться не может.

Только в определенной группе устойчивых сочетаний — глагольно-именных и глагольно-наречных — довольно часто возможно двойное расположение компонентов, например: *считать ворон — ворон считать, пропасть даром — даром пропасть, пускать пыль в глаза — пыль в глаза пускать* и т. д.

Исключительно редко, но такого рода явления наблюдаются и в словах, образованных сложением, т. е. в словах, имеющих две равноценные величины (ср.: *скалозуб — зубоскал, лизоблюд — блюдолиз* и т. п.¹)

подавляющее большинство фразеологических оборотов, как и отдельные слова, «непроницаемы» и составляют целостные единицы, внутрь которых вставки невозможны. Если взять, например, такие фразеологизмы, как *детский сад, без ножа зарезать, ни то ни се, узы Гименея, пальчики оближешь, не поминай лихом, давать стрекача, сго-*

¹ Ср. русское *водовоз* и польское *woziwoda*.

реть со стыда и т. д., то сразу видно, что все они представляют собой такие значимые единицы языка, между членами которых никаких вставок быть не может.

Правда, есть и такие разряды фразеологических выражений, внутрь которых вполне возможны внесения (ср.: *одержать победу* и *одержать большую победу*, *хлебнуть лишнего* и *хлебнуть немного лишнего* и т. д.).

Но надо сказать, что такое явление не чуждо совершенно и словам. Вставки внутрь, как в свое время отмечал акад. В. В. Виноградов¹, имеются и в отдельных типах слов (ср.: *никто — ни о ком, нездоровится — не очень здоровится* и т. д.).

Таковы наиболее яркие черты, отличающие фразеологизм от свободных сочетаний слов.

Характерные отличия подавляющего большинства фразеологических оборотов от слов выступают довольно четко и ярко. В самом деле, слова являются образованиями, не имеющими в своем составе частей, которые могли бы употребляться самостоятельно. Они делятся (если не представляют собой корневых слов, не обладающих формами словоизменения) на морфемы, реально существующие лишь в слове (ср.: *по-дорож-ник, пис-а-тель* и т. д.).

Что же касается фразеологических оборотов, то они в отличие от слов состоят не из морфем, а из целых слов со свойственными им формами словоизменения (напр.: *у разби-того корыта, хоть пруд пруди, кровь с молоком* и др.).

Слова, составляющие фразеологические единства, сочетания и выражения (о них см. в § 14—16), имеют яркую семантическую и фонетико-морфологическую самостоятельность. Поэтому фразеологизмы этого типа отграничиваются от слов без затруднений.

Более сложным оказывается в ряде случаев вопрос о разграничении слова и фразеологического сращения, целостного оборота, в котором слова семантической отдельности не имеют (о них см. § 13).

Особенно близкими к фразеологическим сращениям оказываются слова, образовавшиеся с помощью лексико-синтаксического способа, т. е. в результате слияния сочетаний слов в одно слово: *сегодня, тотчас, чтобы, заблагорас-судится, восвояси, намедни, втридорога, Новгород* и т. п.

Здесь наиболее важную роль приобретает фактор фоне-

¹ См. его книгу «Русский язык». М., Учпедгиз, 1947, стр. 8.

тический, прежде всего, акцентологическое оформление соответствующего языкового факта. Необходимо при этом учитывать традиционность многих наших отдельных написаний, сейчас уже совершенно не отражающих наблюдаемое лексическое членение речи.

Для научного решения вопроса, слово это или фразеологическое сращение, нужно прежде всего преодолеть то магическое влияние, которое иногда в таком случае оказывает орфография. Думается, что определяющим фактором при разграничении слова и фразеологического сращения будет характер ударения, наблюдаемый в анализируемом явлении.

Если перед нами одно основное ударение — это слово, если два и более — фразеологическое сращение.

Так как, стало быть и т. п. должны быть охарактеризованы как слова, а не фразеологические сращения, несмотря на наличие в языке слов *так* и *как*, *стало* и *быть*.

Так как и стало быть не только представляют собой неразложимое семантическое целое, но и имеют одно основное ударение как одиночное самостоятельное слово: никакой разницы в этом отношении между словами *сегодня*, *тотчас* и *так как*, *стало быть* нет. Разница носит чисто орфографический характер. Напротив, *сема* и *оама*, *ничтоже сумняшеся*, *паче чаяния*, включающие в себя не существующие сейчас в языке слова, должны быть признаны фразеологическими сращениями, не словами, а оборотами, в силу того, что они имеют два основных ударения, делятся на два речевых такта (ср. аналогичное явление в оборотах *собаку съел*, *как пить дать* и т. п.).

Естественно, что совершенно неверно считать фразеологизмами такие факты, как *не жилец* (ср. *неряха*), *не сидится* (ср. *нездоровится*), *на ять* (ср. *наугад*), *до упаду* (ср. *доглы*), *с панталыку* (ср. *сначала*) и т. д.

Это простая дань орфографии, ничего общего с научным объяснением языковых фактов не имеющая, ибо здесь нет ни семантико-грамматической, ни фонетической самостоятельности и расчлененности.

Все сказанное выше позволяет дать следующее определение фразеологического оборота:

Фразеологический оборот — это воспроизводимая языковая единица из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре.

§ 5. Структура фразеологического оборота

В качестве воспроизводимой языковой единицы, состоящей из слов, фразеологический оборот всегда выступает как определенное структурное целое. Составляющие его слова представляют собой систему связанных и так или иначе соотношенных друг с другом компонентов, проявляющих себя в качестве значимых частей по-разному, однако, несомненно, аналогично значимым частям слова.

«Морфемный» характер слов в фразеологическом обороте особенно ярко виден при сопоставлении фразеологических оборотов и синонимичных им слов: одни морфемы и даже целые слова выполняют роль формообразующих аффиксов, другие слова и их части являются выражением вещественного значения фразеологического оборота, т. е. выполняют роль основы слова. Так, во фразеологизмах *подняла бокал, хранить молчание, подруга жизни*, соответственно равнозначных «выпила», «молчать», «жена», вещественное значение выражается частями *подн-, бокал, молчание* и *подруг-, жизни*, а грамматические значения — частями *-я-л-а* (ср. *поднимала, поднял* и т. д.), *хранить* и *-а* (ср. *подругу, подружками* и т. д.) по своему существу так же, как в их словных синонимах (ср. *вы-пи-л-а* рядом с *выпивала, выпил* и т. д., *молч-а(ть), жен-а* и т. п.).

Различное проявление слов как значимых частей фразеологического оборота зависит и от морфологического характера, и от семантической слитности фразеологического оборота (об этом см. § 9).

По своей структуре фразеологические обороты с учетом общего характера сочетания и грамматически стержневого слова делятся на целый ряд групп (о них см. §§ 25—41), в ряде случаев соотносительных с теми, на которые они распадаются с точки зрения их общего лексико-грамматического значения (см. § 8).

Особой структурной слитностью обладают такие фразеологические обороты, слова в которых совершенно не способны к реализации каких-либо морфологических форм (ср. *спустя рукава, от нечего делать* и т. д.); не случайно устойчивые сочетания слов этого типа назывались в свое время слитными словами¹.

Очень часто, как об этом уже говорилось (см. § 4),

¹) В. К. Поржезинский. Введение в языковедение. Изд. 3-е. М., 1916, стр. 184.

такие фразеологизмы отличаются от слов, возникших в результате лексико-синтаксического способа словообразования, лишь акцентологически (ср. *за здорово живешь — заблагорассудится, в один голос — втридорога, собаку съел*¹ — *сумасшедший, задним числом — сегодня* и т. д.).

§ 6. Значение фразеологического оборота

Среди фразеологических оборотов с точки зрения их значения следует выделить две группы в зависимости от того, с чем — словом или предложением — они соотносятся. Одну группу составляют фразеологизмы, равнозначные по своей семантике предложению (такие обороты являются предложениями и по структуре: *Не боги горшки обжигают, дело горит, молоко на губах не обсохло, только держись, сердце жжет* и т. д., см. § 26), другую образуют фразеологизмы, выступающие как семантические эквиваленты слов и словосочетаний (ср. *как в аптеке* — «точно», *дар слова* — «красноречие», *держать язык за зубами* — «молчать», *набить оскомину* — «надоест», *в час по чайной ложке* — «медленно» и т. д., см. §§ 27—36).

Группа фразеологических оборотов, равнозначных слову или словосочетанию, обладает значением, во всех отношениях аналогичным лексическому значению слова. Это значение может быть в фразеологизме единственным (фразеологизмы с такой семантикой можно назвать однозначными, или моносемичными: *оставить в дураках* — «одурачить», *нечистая сила* — «черт», *отправиться к праотцам* — «умереть», *семи пядей во лбу* — «очень умный» и т. д.). Однако оно может быть в обороте также и наряду с другим или с другими значениями (фразеологизмы с такой семантикой можно назвать многозначными, или полисемичными:

¹ По мнению А. А. Потебни, это фразеологическое сращение родилось в крестьянской среде и связано с земледельческим трудом: лишь «тот, кто искутился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел» (К истории звуков русского языка, IV. Варшава, 1883, стр. 83), однако В. В. Виноградов считает, что это объяснение очень похоже на так называемую «народную этимологию» (Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 23). Явно неверным является толкование этого фразеологизма у С. Максимова (Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955, стр. 194—196), который возводит его к соответствующему свободному сочетанию слов, являющемуся будто бы насмешкой над петрозаводцами, нечаянно чуть не съевшими на свадьбе щи с собачиной.

дурак дураком — «очень глупый человек; в глупом положении», *не по зубам* — «трудно разжевать; не доступно пониманию», *во весь рост* — «выпрямившись; во всем своем значении» и др.). В последнем случае одно значение выступает как основное, исходное, а другое или другие — как производные, вторичные.

Так, в многозначном фразеологическом обороте *разинув рот* наблюдаются два значения: 1) «широко раскрыв рот» и 2) «в изумлении». Первое из них является исходным, прямым, второе выступает как производное, переносное, возникшее на базе прямого, номинативного значения. Как правило, многозначные фразеологические обороты в своих разных значениях различаются также и степенью семантической слитности: *разинув рот* — «широко раскрыв рот» является фразеологическим сочетанием, *разинув рот* — «в изумлении» представляет собой фразеологическое единство.

Отмечая наличие в русском языке многозначных фразеологических оборотов, вместе с тем следует отметить, что явление полисемии в фразеологической системе русского языка наблюдается значительно реже и не носит такого яркого и разнообразного характера, как в лексической системе, в сфере отдельных слов: подавляющее большинство фразеологизмов однозначны, среди многозначных почти все имеют не более двух значений.

Как и в словах, различия между фразеологическими оборотами русского языка в смысловом значении не ограничиваются тем, что одни обороты выступают как однозначные, а другие как многозначные. Они отличаются друг от друга также и самим характером значения, его специфическими особенностями и проявлением в устойчивом сочетании слов.

В них наблюдаются те же три основных типа значений, которые принято выделять в лексических единицах: свободное значение, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное. Так, фразеологические обороты *носить на руках* — «обожать», *дом отдыха*, *анютины глазки* имеют свободное значение номинативного характера. Связи и отношения этих фразеологизмов со словами определяются предметно-логически, т. е. соотношениями самих обозначаемых фразеологическими оборотами явлений действительности, и поэтому являются широкими и разнообразными. Например, *анютины глазки* в качестве определенного цветка могут быть красивыми, свежими, только что сорванными или,

напротив, давно сорванными, их можно сорвать, поставить, посадить, полить, они могут быть на земле, в вазочке, в руках и т. д. В соответствии с этим фразеологизм *анютины глазки* может соединяться в предложении со словами *красивые, свежие, посадить, полить, вазочка, руки* и т. д. Но поскольку *анютины глазки* не могут быть ни глубокими, ни социальными, их нельзя ни рецензировать, ни наказывать, постольку фразеологизм *анютины глазки* не способен к сочетанию с глаголами *рецензировать, наказывать*, с прилагательными *глубокие, социальные* и т. д.

Совершенно другими по своему существу, узкими и строго ограниченными, будут связи и отношения со словами у таких фразеологизмов, как *без задних ног* — «очень крепко», *благим матом* — «очень сильно», *во все лопатки* — «очень быстро», *как свои пять пальцев* — «очень хорошо» и т. д. Все они будут иметь уже не свободное значение номинативного характера, а фразеологически связанное, реализующееся лишь в соединении с определенными словами, принадлежащими, если их несколько, к одной и той же семантической сфере.

Связь фразеологических оборотов такого рода с называемыми явлениями действительности является не прямой, как у фразеологизмов со свободными значениями, а опосредованной. Их значение становится совершенно определенным лишь при подстановке синонимических им слов с прямым, номинативным значением. Действительно, названные выше обороты выступают всегда в соединении с одними и теми же словами. Фразеологический оборот *без задних ног* употребляется в настоящее время лишь в соединении со словом *спать*, фразеологический оборот *благим матом* как значимая единица реализуется только в соединении со словами *кричать, реветь, орать*, фразеологический оборот *во все лопатки* существует лишь рядом со словом *бежать*, фразеологический оборот *как свои пять пальцев* известен в языке лишь в соединении со словом *знать* и т. д.

Связи этих фразеологических оборотов с другими словами не являются свободными, обусловленными предметно-логически, как у фразеологизмов, имеющих свободное значение. Они определяются лексико-фразеологической системой современного русского литературного языка и обусловлены ее историческим характером. Например, *во все лопатки*, т. е. очень быстро, можно не только бежать, но и работать, писать, уставать, лететь, забыть и т. д. Поэтому, если бы

связи фразеологического оборота *во все лопатки* определялись предметно-логически, он должен был бы связываться не только со словом *бежать*, но и со словами *работать*, *писать*, *расти*, *забыть*, *уставать* и др. Однако он соединяется лишь со словом *бежать*. Это значит, что его связи с другими словами определяются не соотношениями, существующими между обозначаемыми явлениями объективной действительности, а выводятся из внутренних закономерностей системы современного русского литературного языка.

Фразеологические обороты фразеологически связанного характера (ср. *как дома* — «непринужденно», *до корней волос* — «очень сильно», *на чем свет стоит* — «очень сильно», *как убитый* — «очень крепко» и т. д.) в своей реализации в качестве значимых единиц аналогичны словам, имеющим фразеологически связанное значение. Как такие слова (ср. слово *чревато*, известное только в обороте *чревато последствиями*, *скоропостижная*, известное только в обороте *скоропостижная смерть*, *щекотливый*, известное лишь в оборотах *щекотливый вопрос* и *щекотливое положение* и т. д.) они также известны лишь в качестве компонентов более сложных словесных образований, являющихся своеобразными «фразеологическими оборотами второй степени» (ср. *чувствовать себя как дома*, *быть как дома*, *покраснеть до корней волос*, *ругаться на чем свет стоит*, *спать как убитый* и т. д.), с точки зрения степени семантической слитности представляющих собой такие фразеологические сочетания (о них см. § 15), в которых компонентом свободного употребления является слово, а компонентом связанного употребления — фразеологический оборот.

Кроме фразеологических оборотов, имеющих свободные значения, и фразеологических оборотов, для которых характерны значения фразеологически связанные, в фразеологической системе русского языка существует также сравнительно немногочисленная группа фразеологических оборотов, обладающая синтаксически обусловленным значением, реализующимся в них лишь в том случае, если они выступают в предложении в качестве сказуемого (ср. *чучело горюховое*; *слуга покорный*; *кровь с молоком*; *из молодых, да ранний*; *палка о двух концах* и т. п.).

В роли других членов предложения отдельные фразеологизмы с таким значением могут употребляться только анафорически, т. е. во фразе вслед за предложением, в котором они были сказуемыми.

Как и слова с синтаксически обусловленным значением (ср. *молодёц, загляденье, бред, змея, шляпа* и т. д.)¹, фразеологические обороты, обладающие подобным значением, представляют собой не нейтральные названия явлений действительности, а их экспрессивно-эмоциональные характеристики положительного или отрицательного характера.

§ 7. Состав фразеологического оборота

Одной из наиболее характерных особенностей фразеологического оборота в качестве воспроизводимой единицы языка является постоянство его состава. Любое устойчивое сочетание слов состоит всегда из одних и тех же слов. Всякое изменение состава фразеологизма воспринимается как его индивидуально-художественная трансформация, т. е. как ситуационный, или контекстный фразеологический неологизм (ср.: *телега внутреннего сгорания* у И. Ильфа и Е. Петрова, *в недоброе старое время* у И. Рябова, *делать муху из слона нерентабельно: слишком много отходов* у Э. Кроткого, *артезианская глубина* у В. Маяковского² и т. д., подробнее об этом см. § 71).

Определение состава фразеологического оборота в целом трудностей не представляет. Однако для этого необходимо строго разграничивать слова, входящие в фразеологизм, от тех, которые находятся вне его. Последнее (между прочим, самое элементарное лексикографическое требование) выполняется далеко не всегда, в силу чего в фразеологическом материале существующих толковых словарей русского языка наблюдается немало ошибок и непоследовательностей.

Устанавливая границы фразеологического оборота, сле-

¹ О словах с синтаксически обусловленным значением см. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов. «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

² Вместо фразеологического сочетания *артезианский колодец* (этот оборот является фразеологической полукалькой — об этом см. § 52 — франц. *puits artésien*):

*Пуд, как говорится, соли столовой
съешь*
*и сотней папирос клуби,
чтобы добыть
драгоценное слово
из артезианских людских глубин.*

дует иметь в виду, что устойчивое сочетание слов всегда представляет собой воспроизводимую единицу (и, следовательно, — значимую единицу с постоянным составом).

Если это фразеологизм, эквивалентный слову, то в предложении он всегда выступает как единица неразложимая, выполняющая роль какого-либо, но обязательно одного его члена. Несколькими примерами.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова в числе фразеологизмов приводится сочетание *передать из рук в руки* (стр. 679), объясняемое как «непосредственно передать кому-нибудь». В действительности, устойчивым сочетанием слов здесь является адverbиальный оборот *из рук в руки* (имеющий, правда, фразеологически связанное значение и реализующийся лишь в сочетании со словом *передать*), по своей сути такой же, как оборот *верой и правдой*, лексический состав которого установлен в названном словаре совершенно правильно. Ведь *передать из рук в руки* не является целостным по своему значению и в предложении выполняет функцию не одного члена предложения, а двух, что совершенно ясно видно даже из толкования этого сочетания в словаре («непосредственно передать кому-нибудь»).

В том же словаре как фразеологизм дается *в духе и не в духе* (стр. 177), хотя, на самом деле, лексический состав данного фразеологизма является обширнее и в качестве обязательного компонента включает также глагол *быть* (в настоящем времени — в нулевой форме).

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» в качестве фразеологического оборота указано сочетание *падать, как снег на голову* (т. 9, стр. 14), хотя речевая практика совершенно ясно указывает (даже по данным того же словаря: *налет был как снег на голову; как снег на голову явился он сам*; т. 3, стр. 214), что слово *падать* в лексический состав фразеологизма не входит. Здесь же (т. 9, стр. 455) как фразеологизм указывается слово *с перевальцем*, тогда как в данном случае глагол *ходить, идти* составляет неотъемлемую часть оборота и его лексический состав должен быть определен в виде *ходить (идти) с перевальцем*.

Таким образом, при установлении лексического состава фразеологического оборота необходимо отчленять постоянное от переменного, целостный по значению оборот от семантически самостоятельных единиц, первичные фразеологи-

ческие образования от «фразеологических оборотов второй степени», а также учитывать формы функционирования фразеологизма, его различные варианты и т. д.

§ 8. Фразеологический оборот в его отношении к части речи

Если фразеологический оборот не представляет собой законченной информации, т. е. не является предложением как по структуре, так и по смыслу, то он всегда выступает в предложении синтаксически неразложимым, в качестве того или иного его члена.

Преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения целиком зависит от его отнесенности к определенной части речи, т. е. от его лексико-грамматического значения. Например, фразеологизмы *к шапочному разбору* — «слишком поздно», *раз плюнуть* — «легко», *рукой подать* — «близко», *хоть отбавляй* — «очень много» по своему лексико-грамматическому значению аналогичны наречиям и в силу этого в предложении являются обстоятельствами, фразеологизмы *задавать храповицкого* — «спать», *кривить душой* — «лгать», *действовать на нервы* — «раздражать» соотносительны с глаголами и поэтому в предложении выступают в качестве сказуемого и т. д.

В отнесении фразеологического оборота к той или иной части речи большое значение имеет характер грамматически стержневого слова, однако лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с лексико-грамматическим значением фразеологизма (ср. приведенные выше *раз плюнуть*, *рукой подать*; *битый час*, *слуга покорный*, *себе на уме* и т. п.). Так, фразеологизм *рукой подать* в качестве стержневого слова имеет глагол *подать*, фразеологизм *битый час* имеет в качестве стержневого слова существительное *час*, однако в лексико-грамматическом отношении оба аналогичны наречию. По своему общему значению и синтаксическим функциям в предложении являются также различными такие, например, обороты, как *кровь с молоком* и *борьба за существование* и т. д.

С точки зрения эквивалентности фразеологических оборотов той или иной части речи их можно разделить на семь основных групп:

1) глагольные фразеологические обороты (*упустить из*

виду, *восстать от сна, пить горькую, плакать в жилетку, стереть с лица земли, натянуть нос, пройти мимо* и т. д.);

2) субстантивные фразеологические обороты (*игра слов, краска стыда, лучевая болезнь, хлебная слеза* — «водка», *дневное светило* — «солнце», *авгиевы конюшни* и т. д.);

3) наречные фразеологические обороты (*хоть пруд пруди, на веки вечные, без году неделя, в три ручья, как снег на голову, как вол* — «много», *изо дня в день* и т. д.);

4) адекватные фразеологические обороты (*какой ни на есть, кожа да кости* — «худой», *в чем мать родила* — «голый», *себе на уме* — «хитрый», *подбитый ветром, видал виды* — «опытный», *чистой воды* — «настоящий», *еще какой* — «замечательный» и т. д.);

5) междометные фразеологические обороты (*Вот тебе и на! Вот оно что! И никаких звезд! Давно бы так! Скажите пожалуйста!* и др.);

6) модальные фразеологические обороты (*Что за вопрос? Как бы не так! Если хотите, К слову сказать, Вообще говоря* и т. п.);

7) союзные фразеологические обороты (*несмотря на то что, в силу того что, подобно тому как, между тем как* и т. д.).

Наиболее богатыми и продуктивными, а также структурно более или менее однотипными являются фразеологические обороты первых трех групп.

§ 9. Морфологические свойства фразеологического оборота

Образующие тот или иной фразеологический оборот слова выступают в устойчивом сочетании слов или как морфологически неизменяемые, или как реализующие какие-либо грамматические формы, которые им свойственны в свободном употреблении. Поскольку это наблюдается в пределах фразеологического оборота, условно можно говорить о морфологических свойствах фразеологизма, постоянно, однако, имея при этом в виду, что речь здесь идет, по существу, лишь о морфологии составляющих его компонентов. Так, слова *считанные, битый, ясное, действующее, беговая, хлебная, дни, час, дело, лицо, дорожка, слеза* и т. д., употребляясь свободно, как отдельные лекси-

ческие единицы, обладают всеми присущими формами рода, числа и падежа.

Иную картину мы будем наблюдать в фразеологических оборотах *считанные дни, битый час, ясное дело, действующее лицо, беговая дорожка, хлебная слеза* — «водка» (устарелое)¹.

В первых трех оборотах слова не изменяются совершенно, они закреплены в одной-единственной форме. В устойчивых сочетаниях слов *действующее лицо, беговая дорожка* компоненты реализуют все формы, известные им, взятым отдельно (*действующие лица, действующего лица, беговыми дорожками, беговую дорожку* и т. д.). В последнем обороте слова *хлебная* и *слеза* реализуют лишь формы склонения (формы *хлебные слёзы* нет).

Как видим, несмотря на одинаковую структуру (прилагательное + существительное), отмеченные фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга своей «морфологией».

Чем обусловлено различное «поведение» исходно одних и тех же по морфологическим свойствам слов в рамках фразеологического оборота? Морфологические свойства слов в пределах фразеологического оборота зависят от целого ряда причин, в первую очередь, от его лексико-грамматического значения и степени семантической слитности.

Фразеологические обороты всегда предстают перед нами как морфологически неизменяемые, если с точки зрения эквивалентности той или иной части речи они принадлежат к числу наречных, междометных, модальных или союзных. В глагольных, субстантивных и адъективных фразеологизмах морфологические формы компонентов могут так или иначе реализоваться.

Грамматически зависимые слова реализуют эти формы очень ограниченно. Значительно свободнее они проявляются в компонентах, в грамматическом отношении выступающих как стержневые.

В адъективных фразеологических оборотах способностью к образованию форм обладают лишь такие члены, как прилагательные и глаголы (ср. *какой ни на есть, какая ни на есть, какому ни на есть* и т. д., *видал виды, видали виды* и т. п.). О характере реализации морфологических форм в именных и глагольных фразеологизмах подробно

¹ Оборот возник как образное обозначение хлебного вина (при перегонке капающего, как слезы).

говорится ниже (см. §§ 28—35), при разборе различных структурных типов.

Ограничения в реализации морфологических форм слов в пределах именных оборотов, представляющих собой модель «прилагательное + существительное», касаются лишь образования форм числа и зависят от характера значения синонимичного обороту слова: если последнее имеет абстрактное значение и форм числа не имеет, не будет его иметь и равнозначный ему по семантике фразеологизм (ср. *запретный плод* и «желанное, но запрещенное», *краеугольный камень и основа, вавилонское столпотворение и суматоха* и т. д.).

Ограничения в образовании морфологических форм слов в пределах глагольных фразеологизмов ярче и чаще всего проявляются в неспособности многих глаголов к образованию видовых пар. Последнее в первую очередь зависит от степени семантической слитности фразеологического оборота: «изменяемость по видам минимальная в фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях»¹.

Однако большую роль в этом играет также та конкретная семантика, которая свойственна фразеологизму как значимой единице (ср. одновидовые глаголы в *пороть чушь, играть первую скрипку, точить лясы, натянуть нос, набрать воды в рот, выкинуть из головы* и др., с одной стороны, и *свести — сводить с ума, навести — наводить тень на плетень, мозолить — намозолить глаза, попасть — попадать впросак* и т. д., с другой).

Отсутствием и, напротив, наличием соотносительных форм числа (в именных фразеологизмах) и вида (в глагольных фразеологизмах) нередко дифференцируются различные фразеологические обороты или фразеологический оборот от свободного сочетания слов. Например, *свалить дурака* значит «сделать глупость», а *валять дурака* — «дурачиться», *закрывать глаза* значит «умереть», а *закрывать глаза* — «игнорировать», *пялить глаза* значит «таращить глаза», а *выпялить глаза* — «широко раскрыть глаза от сильного удивления»; группы *точить нож, утереть нос* являются

¹ А. П. Тихонов. К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц. В сб.: «Вопросы фразеологии». Самарканд, изд-во Самаркандского университета, 1961, стр. 167. См. также В. Н. Жуков. Видо-временная характеристика устойчивых сочетаний глагольного типа. «Уч. зап. Гурьевского пединститута», вып. 1. Гурьев, 1959.

фразеологическими единствами, что касается групп *наточить нож, утирать нос*, то они являются свободными сочетаниями слов. То же можно отметить и относительно *зеленая улица* (фразеологический оборот) и *зеленые улицы* (свободное сочетание слов), *крокодиловы слезы*¹ (фразеологический оборот) и *крокодилова слеза* (свободное сочетание слов), *белая кость* (фразеологический оборот) и *белые кости* (свободное сочетание слов) и т. д.

В том случае, когда компоненты фразеологизма оказываются способными к образованию тех или иных морфологических форм, возникают различные формы одного и того же фразеологизма (ср. *срывать цветы удовольствия*²), *срывают цветы удовольствия*, *будет срывать цветы удовольствия*, *срывающая цветы удовольствия* и т. д.). От них надо отличать фразеологические варианты (см. § 10).

§ 10. Варианты фразеологического оборота

В качестве определенных значимых единиц фразеологические обороты употребляются в языке по-разному: одни всегда выступают в одном лексико-грамматическом составе (*плачущая ива*, *ирония судьбы*, *мертвые сраму не имут*³, *по образу и подобию*⁴, *лечь в основу* и т. д.), другие функционируют в виде нескольких (обычно двух) равноправных вариантов. Варианты фразеологического оборота — это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности.

Различия фразеологических вариантов могут быть большими и меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота как такового.

Варианты одного и того же фразеологического оборота могут отличаться друг от друга отдельными элементами в его лексическом составе и структуре, а также и стили-

¹ К происхождению оборота ср. цитату из одного Азбуковника XVII в.: «Коркодил зверь водный... Егда имать человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает» (такое поверье существовало очень долго).

² Оборот восходит к словам Хлестакова (*Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия*) из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

³ Слова князя Святослава перед битвой с греками в 970 г. (*Не посрамим земли Русския, поляжем костьми ту: мертвые бо сраму не имуть*).

⁴ Заимствовано из старославянского языка.

стической окраской. Так, фразеологические варианты *бросить камень*¹ и *бросить камнем, особь статья* и *особая статья* отличаются один от другого морфологической формой грамматически зависимого компонента; фразеологические варианты *гроша ломаного не стоит* и *гроша медного не стоит* — определением к слову *грош*; фразеологические варианты *что есть силы* и *что было силы* — временем глагола. Что касается фразеологических вариантов *растекаться мыслью по древу*² и *растекаться мыслью, быть в интересном положении* и *быть в положении, не было печали, черти накачали* и *не было печали, стереть с лица земли* и *стереть с земли, через пень колоду валить*³ и *через пень колоду, старость — не радость, где мои 17 лет* и *старость — не радость* и т. п., то они относятся друг к другу как полные и сокращенные формы, отличающиеся друг от друга также и стилистически. Например, вариант *через пень колоду валить* отличается от варианта *через пень колоду* своим архаическим характером, вариант *не было печали, черти накачали* отличается от сокращенного варианта эфонической организованностью и т. д.

От вариантов фразеологического оборота следует отграничивать синонимические фразеологические обороты, имеющие в своем лексическом составе общие члены.

Такие фразеологизмы-синонимы можно назвать дублетными (ср. *задать баню — задать перцу*⁴, *от всего сердца — от всей души, бить баклуши — бить шабалу, молоть вздор — молоть ерунду, сложить голову — сломить голову, взять под стражу — заключить под стражу, гонять лодыря — гонять собак, бог весть — бог знает, стать на дороге — стать на пути, набитый дурак — круглый дурак* и т. д.).

¹ Этот оборот считается заимствованием из старославянского языка, однако в своем современном виде — с глаголом *бросить*, а не *кинуть* — он возник в русском языке. Это доказывается тем, что в современном значении глагол *бросить* является собственно русским и в памятниках известен лишь с XVII в.

² Выражение из «Слова о полку Игореве». Слово *мысль* здесь появилось на месте *мысь* (вместо *мышь* — по псковскому произношению; слово *мышь* в некоторых северовеликорусских говорах значит «белка»).

³ Ср. у А. С. Пушкина: *Я работаю лениво, через пень колоду валю.*

⁴ Оборот представляет собой неточную кальку нем. *einen verpfeffern*. Ср. устаревшее *задать феферу*, соответственно являющееся полукалькой.

По своему лексико-семантическому характеру такого рода фразеологизмы аналогичны однокорневым синонимам типа *топонимия* — *топонимика*, *синь* — *синева*, *трешка* — *трешница*, *лукавость* — *лукавство* и т. п.

В подавляющем большинстве по происхождению дублетные фразеологические обороты связаны между собой как производные и производящие (так, оборот *на всех парах* появился позже и на базе фразеологизма *на всех парусах*, оборот *аллах ведает* возник позже и на базе фразеологизма *бог ведает*), однако с точки зрения функционирования в современной системе русского языка все они соотносятся друг с другом как самостоятельные, хотя и родственные образования.

§ 11. Фразеологические обороты синонимического характера

В качестве значимой единицы фразеологической оборот может быть эквивалентным не только слову (ср. *как бог свят* — «обязательно», *дама сердца* — «возлюбленная», *дать маху* — «ошибиться», *молодые люди* — «юноши», *сплошь и рядом* — «часто» и т. д.), но и какому-либо другому фразеологическому обороту (ср. *намылить шею* — *дать нагоняй*, *подруга жизни* — *дражайшая половина*, *заложить за галстук* — *промочить горло*, *была не была* — *либо пан либо пропал*, *и в ус не дует* — *и горя мало*, *в два счета* — *в один прием* и т. д.). Последним объясняется в языке наличие явления фразеологической синонимии.

Синонимическими фразеологизмами называются обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, обозначая одно и то же, синонимические фразеологизмы серьезно отличаются друг от друга как тем, каким образом они это одно и то же обозначают, так и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи.

Синонимические обороты могут, в частности, дифференцироваться друг от друга оттенками в семантике, стилистической окраской, сферой употребления, словесными связями и т. д. Так, фразеологизмы-синонимы со значением «умереть» — *сыграть в ящик*, *дать дуба*, *ноги протянуть*, *испустить дух*, *уснуть вечным сном*, *приказал долго жить*, *отправиться к праотцам*, *богу душу отдать*, *сойти в могилу* и др. — различаются между собой экспрессивно-

стилистическими свойствами и сферой употребления; фразеологизмы-синонимы *полон рот, куры не клюют, хоть пруд пруди, с три короба, хоть отбавляй* и другие, одинаково обозначающие «много», различаются между собой прежде всего своими словесными связями.

Синонимические устойчивые сочетания слов наблюдаются во всех группах фразеологических оборотов, которые можно выделить, имея в виду их лексико-грамматическое значение (о нем см. § 8).

Но богаче всего фразеологическая синонимия представлена во фразеологизмах глагольного и наречного характера. Стилистически окрашенные и выразительные фразеологические эквиваленты глаголов и наречий встречаются чаще, чем какие-либо другие, и во многих случаях образуют большие и разнообразные синонимические ряды (ср. фразеологизмы, передающие понятия «много», «мало», «быстро», «громко», «сильно», «плохо», «далеко», «хорошо», «бездельничать», «выпить», «умереть», «выругать», «обманывать» и т. д.: *капля в море, всего ничего, полтора человека, раз — два и обчелся, кот наплакал, без году неделя; во все лопатки, сломя голову, во весь дух, высуня язык, со всех ног; сидеть сложа руки, лодыря корчить, слонов слонять, бить баклуши, сидеть богородицей, собак гонять; дать нагоняй, намылить голову, продрать с песочком, отделать под орех, задать баню; заправлять арапа, водить за нос, вводить в заблуждение, втирать очки* и т. д.

Среди синонимических фразеологизмов особо выделяется группа одноструктурных синонимических фразеологизмов, содержащих в своем лексическом составе одинаковые компоненты. В качестве общих компонентов здесь могут быть как полнозначные слова, выступающие в роли стержневого или зависимого члена, так и слова служебные, выполняющие роль структурных вех или скрепок (ср. *чесать языком — трепать языком, выпучить глаза — вытаращить глаза, задать лататы — задать стрекача, тянуть канитель — тянуть волюнку, сесть в лужу — сесть в калошу, ни рыба ни мясо — ни два ни полтора, тютелька в тютельку — точка в точку* и т. д.).

В том случае, если в качестве одинаковых для синонимических оборотов выступают полнозначные слова, являющиеся в нем грамматически стержневыми или зависимыми компонентами, соответствующие фразеологизмы можно считать дублетными (о них см. § 10).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЛИТНОСТИ

§ 12. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности

В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда представляют собой единое смысловое целое, однако соотношение семантики фразеологизма в целом и значений составляющих его компонентов может быть различным.

С точки зрения семантической слитности, т. е. соотношения, существующего между общим значением фразеологизма и «частной» семантикой образующих его частей, фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на 4 группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Первые две группы составляют семантически неделимые обороты. Они эквивалентны с точки зрения своего значения одному какому-нибудь слову. Третья и четвертая группы, т. е. фразеологические сочетания и фразеологические выражения, представляют собой уже семантически членимые обороты. Их значение равнозначно семантике составляющих их компонентов.

Предлагаемая классификация фразеологических оборотов представляет собой разработку и уточнение классификации соответствующих языковых единиц, принадлежащей В. В. Виноградову, творчески переработавшему — с учетом специфических особенностей фразеологии русского языка — фразеологическую схему Ш. Балли, данную им еще в «Кратком очерке стилистики» в 1905 г.¹

¹ Ch. Bally. Précis de stylistique. Genève, 1905.

В этой работе Ш. Балли все фразеологические обороты — в отличие от свободных сочетаний слов (*Les groupements libres*)—разделил на три разряда: обычные сочетания (*les groupements usuels*), возникающие тогда, когда свобода выбора ограничена определенными пределами (*une grave maladie — тяжёлая болезнь*), фразеологические группы (*les séries phraséologiques*), образующиеся тогда, когда два понятия почти сливаются в одно (*remporter une victoire — одержать победу*) и фразеологические единства (*les unités phraséologiques*), которые обозначают одно неразложимое целое (*faire table rase — очистить место*). По существу ту же самую классификацию фразеологических оборотов мы находим в его более поздней книге «*Traité de stylistique française*»¹.

Как будет ясно из дальнейшего (§§ 13 — 18), Ш. Балли не расчленял среди фразеологизмов, образующих оборот, эквивалентный по семантике слову, два принципиально разных разряда, объединяя их в фразеологических единствах (*les unités phraséologiques*). Кроме многого другого, большой заслугой В. В. Виноградова при использовании фразеологической схемы Ш. Балли было выделение среди семантически неделимых оборотов, с одной стороны, фразеологических единств, а с другой — фразеологических сращений. Термином Ш. Балли им были названы только фразеологизмы первого типа (см. § 14).

Дальнейшее изучение русской фразеологии, помимо трех намеченных В. В. Виноградовым типов фразеологических оборотов (сращений, единств и сочетаний), выявило наличие среди них еще одной группы — фразеологических выражений.

Последний термин был использован² и используется здесь не для обозначения (как это иногда бывает) фразеологического оборота вообще, а для обозначения фразеологического оборота определенного типа.

Таким образом, термин «фразеологический оборот» выражает понятие значительно шире по своему объёму, нежели

¹ В переводе: Ш. Балли. Французская стилистика. М., ИЛ, 1961. стр. 87 и сл.

² См. Н. М. Шанский. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке. «Русский язык в школе», 1957, № 3; его же. Лексика и фразеология современного русского языка. М., Учпедгиз, 1957, стр. 121.

то, которое выражается термином «фразеологическое выражение» (о нем см. § 16).

Данная классификация фразеологических оборотов с точки зрения семантической слитности представляется как общепринятой, так и, главное, наиболее целесообразной и точной.

Выше уже отмечалось (§ 12), что она ни в коей мере не исключает иных классификаций фразеологизмов, коль скоро они рассматриваются с точки зрения своего лексико-грамматического состава, значения, происхождения и т. д. (см. ниже).

§ 13. Фразеологические сращения

Фразеологическими сращениями называются такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроемной основой.

Например, фразеологические обороты *бить баклуши*, — «бездельничать» и *очертя голову*, — «безрассудно» являются такими же немотивированными и условными обозначениями явлений объективной действительности, какими являются составные по образованию слова типа *подражать*, *стремглав* и т. д., где производность совершенно не чувствуется и значение слова абсолютно несоотносительно со значениями составляющих их частей. В самом деле, так же, как значение слова *стремглав* не выводится из значения частей *стрем*—вниз (ср.: *стремнина*, *стремительный* и т. д.) и *глав* (ср.: *главный*, *голова* и др.), так и значение фразеологизма *очертя голову* не выводится из значения слов *очертя* и *голову*.

Таким образом, фразеологические сращения — это такие обозначения тех или иных явлений действительности, которые аналогичны тому, что мы наблюдаем в словах с непроемной основой, в словах, в которых уже не чувствуется признак, положенный в основу названия. Признак, положенный в основу названия, как в непроемных словах, так и во фразеологических сращениях может быть вскрыт лишь с этимологической точки зрения.

В фразеологических сращениях слов с их самостоятель-

ными значениями по существу нет. Входящие в их состав слова не имеют каких-либо отдельных значений. Значение целого здесь и не выводится и не вытекает из смысла составляющих его компонентов.

Выражение *неровен час*, представляющее собой фразеологическое сращение, равно по смыслу «а вдруг» (например, *неровен час, он заметит это*). По своей семантике оно совершенно несоотносительно с теми значениями, которые свойственны словам *неровен* и *час*.

Такой оборот, как и *никаких гвоздей*, по значению равен словам «баста», «хватит», «ничего больше». Его целостное значение как фразеологической единицы не составляется из значений слов *и, никаких, гвоздей* и не вытекает из тех отдельных значений, которые присущи данным словам в их свободном употреблении.

Если элементы, составляющие фразеологическое сращение, и имеют одинаково звучащие с ними слова, то это соотношение является чисто омонимическим.

Так, например, сочетание слов *перемывать косточки*, с одной стороны, может выступать перед нами как фразеологическое сращение, значение которого не вытекает из реальных значений отдельно взятых слов *перемывать* и *косточки* («сплетничать»), а, с другой стороны, может быть свободным употреблением этих слов в их прямом, номинативном, значении (*косточки ископаемой птицы пришлося перемывать несколько раз*.)

Таким образом, фразеологические сращения — это эквиваленты слов, подводимые под определенные грамматические категории как единые, абсолютно неразложимые смысловые единицы. Наивысшая степень семантической слитности, которая характерна для этих фразеологических оборотов, может закрепляться и поддерживаться, а иногда и возникать благодаря следующим фактам.

Во-первых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения устаревших и в силу этого непонятных слов. В качестве примеров можно привести такие фразеологические сращения, как *попасть впросак*, *точить балясы*, *бить баклуши*, где имеются устаревшие, вышедшие из употребления слова: *просак* (станок для кручения веревок), *балясы* (точеные столбики перил), *баклуши* (чурки для выделки мелких щепных изделий).

Во-вторых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения грамматических архаизмов. В качестве

примеров можно указать фразеологические сращения *спустя рукава, сломя голову*, в которых архаической формой будут деепричастия *спустя, сломя* (в современном русском языке деепричастия совершенного вида образуются при помощи суффиксов *-в* и *-вши*, поэтому должно было бы быть *спустив, сломив*, а не *спустя, сломя*); оборот *ныне отпускаешь* (ср. *отпускаешь*), *темна вода во облацех* (ср. в *облаках*) и др.

В-третьих, благодаря отсутствию в пределах фразеологического сращения живой синтаксической связи между составляющими его словами, наличию синтаксической неупорядоченности и нечлененности. Ср., например, фразеологические сращения *чем свет, как пить дать, шутка сказать, была не была, хоть куда, себе на уме*, в которых ясных и четких синтаксических связей между словами, мотивированных с точки зрения современных грамматических правил, не существует.

§ 14. Фразеологические единства

Вторую группу фразеологических оборотов составляют фразеологические единства. Это такие фразеологические единицы, которые, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако в них, в отличие от фразеологических сращений, их целостная семантика является уже мотивированной отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого.

Семантическая неделимость такого рода фразеологических оборотов сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслом отдельных слов отличает их от фразеологических сращений.

Если мы возьмем в качестве примеров фразеологические единства *закинуть удочку, тянуть лямку, зарыть талант в землю, семь пятниц на неделе, мелко плавает, из пальца высосать, первый блин комом, положить зубы на полку* и т. д., то их значения, в отличие от фразеологических сращений, являются производными, мотивированными и вытекающими из семантики образующих их слов. В этом

отношении они аналогичны словам с производной основой, т. е. основой, делимой на морфологические части. Однако необходимо отметить, что эта мотивированность, производность значений рассматриваемых фразеологических оборотов не прямая, а опосредованная. Все весьма многочисленные в русском языке фразеологические единства являются образными выражениями, составными единицами, понимание которых обязательно связано с пониманием того внутреннего образного стержня, на котором они строятся.

Свойство реально существующей образности — это основное свойство фразеологических единств¹. Именно это отличает их от омонимических свободных сочетаний слов.

Такие сочетания слов, как *намылить голову, брать в свои руки, заткнуть за пояс, прокатить на вороних* и т. д., одинаково возможны и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных, значениях).

В отличие от фразеологических сращений, фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться друг от друга вставками других слов. Это свойство фразеологических единств резко отделяет их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

Фразеологические сращения и фразеологические единства как эквиваленты слов нередко объединяются в одну группу. В таких случаях их называют обычно идиомами, или идиоматическими выражениями. Фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам (*собаку съел, во всю Ивановскую, ломиться в открытую дверь, стереть в порошок* и т. д.) противостоят фразеологические сочетания и фразеологические выражения, не являющиеся семантически неделимыми эквивалентами слов, а представляющие собой семантически членимые обороты, значение которых целиком соответствует значению образующих их слов (*насунуть брови, заклятый враг, проверка исполнения, борьба за мир, счастливые часов не наблюдают, жизнь прожить — не поле перейти* и др.).

¹ Термин *фразеологическое единство*, введенный В. В. Виноградовым, представляет собой фразеологическую кальку франц. *unité phraséologique* (о калькировании см. §§ 49—51).

§ 15. Фразеологические сочетания

Фразеологические сочетания — это такие обороты, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением.

Рассмотрим оборот *закадычный друг*. Перед нами фразеологическое сочетание, составленное из двух слов. Из них слово *друг* имеет свободное употребление. Оно может сочетаться не только со словом *закадычный*, но и с целым рядом других слов, самых различных по своему лексическому значению, экспрессивно-стилистической окраске и т. д. Что же касается слова *закадычный*¹, то оно как бы прикреплено к слову *друг* и может употребляться только с ним.

То же самое будет наблюдаться и в фразеологическом сочетании *заклятый враг*, в котором прилагательное *заклятый*, в отличие от слова *закадычный*, является напротив «вечным спутником» существительного *враг*.

Естественно, в данном случае, как и в других, разбирая факты языковой системы, мы имеем в виду именно то, что ей в действительности как общенародному средству общения свойственно. В индивидуально-авторском употреблении в целях большей выразительности и образительности словесные связи слов связанного употребления могут быть значительно шире.

Ср., например, «антонимичное» использование прилагательных *заклятый* и *закадычный* у поэта Филлипова:

*Это ты ругаешь то, что свято,
И возводишь в общее пустяк.
Это ты пока мой друг заклятый —
Самый главный, закадычный враг.*

Еще пример: фразеологические сочетания *щекотливый вопрос*, *щекотливое положение* — сочетания слова *щекотливый* со словами *вопрос* и *положение*.

Слово *щекотливый* в соответствующем значении выступает только в сочетании с этими двумя словами, т. е. имеет связанное употребление. Что же касается слова *вопрос* и *положение*, то они имеют свободное употребление и могут сочетаться с самыми различными словами.

Приведем некоторые другие примеры фразеологических сочетаний: *расквасить нос*, *утлый челн*, *кромешный ад*,

¹ Образовано суффиксальным способом словообразования на базе фразеологического оборота *залить за кадык* — «выпить».

кромешная тьма, скоропостижная смерть, скалить зубы, трескучий мороз, насунуть брови и т. д.

Следовательно, фразеологическими сочетаниями называются такого рода устойчивые в своем составе обороты, которые образуются из слов со свободным и фразеологически связанным значением.

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова с фразеологически связанными значениями могут заменяться синонимическими (*скоропостижная смерть — внезапная смерть, расквасить нос — разбить нос* и т. д.). Чем шире круг слов, с которыми может соединяться член фразеологического сочетания, имеющий несвободное употребление, тем ближе это фразеологическое сочетание к разряду фразеологических выражений.

§ 16. Фразеологические выражения

Фразеологическими выражениями следует назвать такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями (*Любви все возрасты покорны; оптом и в розницу; всерьез и надолго; Волков бояться — в лес не ходить; социалистическое соревнование; Не все то золото, что блестит* и т. д.).

От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний (например, *разинуть рот — раскрыть рот*).

По характеру связей слов, составляющих их, и общему значению фразеологические выражения ничем не отличаются от свободных словосочетаний.

Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Употребление фразеологического выражения *Любви все возрасты покорны* отличается от употребления, например,

предложения *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* тем, что оно извлекается говорящим из памяти целиком, так же как отдельное слово или фразеологические обороты, равнозначные слову, в то время как предложение *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* создается говорящим по законам русской грамматики из отдельных слов в самом процессе общения. Фразеологическое выражение *партийный билет* характеризуется прежде всего тем, что оно не образуется говорящими заново, всякий раз, как только им случается об этом говорить, а воспроизводится так же, как, например, слово *партбилет*.

Что касается сочетаний *партийное отношение, партийная прослойка, партийный стаж* и т. д., равно как и сочетаний *билет в кино, хороший билет, железнодорожный билет* и др., то все они создаются в соответствующей речевой ситуации.

Среди фразеологических выражений следует различать две группы: фразеологические выражения коммуникативного характера и фразеологические выражения номинативного характера.

Фразеологические выражения первого типа представляют собой предикативные словосочетания, равные предложению. Они всегда являются целым высказыванием, выражают то или иное суждение: *Человек — это звучит гордо; Хрен редьки не слаще; Без труда — не вытащишь и рыбку из пруда; Суждены нам благие порывы* и т. д.

Фразеологические выражения второго типа являются сочетаниями слов, идентичными лишь определенной части предложения. Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т. е. назывную) функцию: *трудовые успехи, на данном этапе, поджигатели войны, высшее учебное заведение* и т. д.

§ 17. Определение степени семантической слитности фразеологического оборота

Характеристика степени семантической слитности того или иного конкретного фразеологического оборота и, следовательно, отнесение его к одной из 4 намеченных выше групп должно целиком опираться на факты семантики и употребляемости слов в наличной языковой системе.

Так же, как и при словообразовательном анализе слова, при этом ни в коем случае (если рассматривается фразеологическая система современного русского литературного языка) нельзя выходить за ее пределы, четко и определенно отграничивая принадлежащие ей факты от фактов иных систем и эпох.

Наибольшие трудности в определении степени семантической слитности фразеологических оборотов могут возникать и обычно возникают в дифференциации фразеологических сращений и фразеологических единств.

Что касается фразеологических сочетаний и выражений, то установление их специфики оказывается в подавляющем большинстве случаев простым и бесспорным. Сомнения и ошибки здесь чаще всего имеют иной характер: нередко фразеологические обороты этих типов смешивают со свободными сочетаниями слов (см. выше, § 4).

Основным критерием, которым следует руководствоваться при определении того, что представляет собой данный оборот — сращение или единство, является наличие или отсутствие в нем образности и мотивированности. Если фразеологический оборот является единицей немотивированной, образностью не обладает, перед нами — фразеологическое сращение (ср. *железная дорога, чем свет, собаку съел* и т. д.).

Если фразеологический оборот выступает как единица мотивированная, обладающая определенным образным стержнем, перед нами фразеологическое единство (*уйти в свою скорлупу, кровь с молоком, держать камень за пазухой, играть в прятки, ноль внимания, довести до белого каления* и др.).

§ 18. Вопрос о месте фразеологизмов терминологического характера

Ученые, совершенно правильно включающие лексикализованные словосочетания терминологического характера в состав фразеологии (см. § 1), разбирают их в аспекте семантической слитности пока что по-разному.

В частности, довольно распространенным является выделение их в особую группу¹.

¹ Ср. у В. В. Виноградова: «Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия».

Однако такое выделение составных терминов как одной из групп фразеологических оборотов возможно лишь с точки зрения экспрессивно-стилистической, но ни в коем случае не с точки зрения их семантической слитности.

Это неправомерно именно потому, что в ряде случаев составные термины становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами, почему среди них наблюдаются самые различные с точки зрения мотивированности и слияния обороты.

Так, если мы возьмем в качестве примеров фразеологические обороты *кесарево сечение*, *железная дорога*, *белый гриб*, *слепая кишка*, *фрикативные звуки*, *вопросительный знак*, *политическая экономия*, *социалистическое соревнование*, то все они с экспрессивно-стилистической точки зрения будут составными терминами, однако по степени семантической слитности различными: составные термины *кесарево сечение*, *железная дорога* являются (как совершенно немотивированные и безобразные) фразеологическими сращениями, составные термины *белый гриб*, *слепая кишка*, обладающие образным стержнем, являются фразеологическими единствами, лексикализованные сочетания *фрикативные звуки*, *вопросительный знак*, включающие в свой состав слова со связанным употреблением, будут уже фразеологическими сочетаниями, а обороты *политическая экономия*, *социалистическое соревнование*, по семантике целиком соответствующие сумме значений образующих их, свободных по своему употреблению слов,— фразеологическими выражениями.

Таким образом, в постановке в один ряд таких понятий, как сращения, единства, сочетания, выражения и составные термины, наблюдается нарушение единого принципа классификации.

Составные термины можно как особую группу выделять лишь тогда, когда фразеологические обороты рассматриваются с экспрессивно-стилистической точки зрения.

В таком случае они могут быть противопоставлены общеупотребительной и разговорно-бытовой фразеологии, фразеологизмам арготического характера, поэтической фразеологии и т. д. (см. об этом §§ 65—68).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

§ 19. Классификация фразеологизмов русского языка по их лексическому составу

Фразеология современного русского языка, как и всякого другого, представляет собой глубоко своеобразное явление, имеет яркий национально-русский характер. Составляющие ее фразеологические обороты в своем большинстве дословно не переводятся на другие языки (даже близко родственные — славянские) и при переводе должны заменяться однозначными выражениями, имеющими ту же сферу употребления и стилистическую окраску.

При изучении фразеологической системы современного литературного языка следует учитывать характер лексического состава фразеологических оборотов, т. е. специфические особенности слов, образующих фразеологические обороты как определенные языковые единицы.

В этом отношении все устойчивые сочетания слов русского языка распадутся на две большие группы, различные по своему объему и продуктивности.

Одну группу фразеологизмов образуют обороты, которые состоят целиком из слов, обладающих свободным употреблением и принадлежащих к активной лексике современной речи (например, *как снег на голову* — «внезапно», *через час по чайной ложке* — «медленно», *бросить взгляд* — «взглянуть», *подруга жизни* — «жена» и т. д.). Слова в этих оборотах за редким исключением (ср. *будь друг* — вместо *будь другом*; *шутка сказать* — вместо *шутку сказать*; *врачу, исцелись сам* — вместо *врач, исцелись сам* и т. п.) связаны между собой в соответствии с нормами современной грамматики.

Другую группу фразеологизмов составляют обороты,

в которых имеются слова с закрепленным употреблением или устаревшие лексико-семантические факты (например, *мурашки бегают* — «знобит», *оторопь нашла* — «в замешательстве», *елико возможно* — «насколько возможно», *и стар и млад* — «все» и т. д.). Слова в этих оборотах могут иногда выступать в архаических для современного языка формах (*погибоша аки обри* — буквально «погибли как авары», *сим победиши* — буквально «этим победишь», *притча во языцех* — буквально «притча в народах» и т. д.).

Первая из названных групп включает подавляющее большинство существующих сейчас фразеологических оборотов и является такой, которая постоянно и интенсивно увеличивается. Вторая — объединяет сравнительно небольшую часть употребляющихся сейчас фразеологических оборотов и является такой, которая пополняется новыми образованиями очень нерегулярно и медленно. Так как по целому ряду причин эта группа вызывает больше методических затруднений, чем первая, то ниже мы остановимся более подробно именно на ней.

§ 20. Фразеологические обороты из слов свободного употребления

Как было сказано, обороты первой группы состоят целиком из слов, известных как внутри, так и вне фразеологизма. В них нет ни одного слова, которое бы не могло быть употреблено (иногда с другим, не прямым, а переносным значением) отдельно, в составе свободных сочетаний слов. Поэтому эти фразеологизмы внешне не содержат в своем составе ничего отличающего их от свободных сочетаний слов. Слова в них те же, связаны они между собой так же. Отличает их от свободных сочетаний слов не эта материальная, внешняя, «лицевая» сторона, а внутренняя. От последних их отграничивает свойство воспроизводимости.

Свободные сочетания слов *большой шаг вперед, поднять бокал*. (ср. *Она сделала большой шаг вперед и нагнулась, чтобы поднять бокал*) создаются с помощью грамматики из отдельных слов в процессе общения.

Омонимичные же им фразеологические обороты *большой шаг вперед* («прогресс, успех в чем-либо»), *поднять бокал* («выпить за чье-нибудь здоровье») воспроизводятся,

т. е. извлекаются из памяти как готовые языковые единицы, целостные по значению и устойчивые в составе и структуре (см. § 4).

Правда, будучи образованными из слов, известных как внутри, так и вне фразеологического оборота, фразеологизмы этой группы не представляют собой единства в лексико-синтаксическом отношении.

Среди них имеются такие выражения, которые обращают на себя внимание (в отличие от большинства фразеологических оборотов этой группы, вроде *вариться в собственном соку, как в аптеке, взять за горло, елки зеленые, поднять голову, куда глаза глядят* и т. д.) тем, что в составе их сочетаются друг с другом слова (в ряде случаев имеющие не прямые, а переносные значения), которые предметно-логически, казалось бы, никаких связей между собой иметь не должны. Такими являются, например, выражения *тоска зеленая, флексия основы, горькая истина, взрослые дети, дело горит, время терпит, реветь белугой*¹, *ходячая газета, стоять грудью, золотой дождь, соломенная вдова* (калька нем. *Strohwitwe*), *жгучая брюнетка, бросать слова на ветер, полтора человека, бешеные деньги, ветер в голове, дырявая память* и т. п. Они состоят из таких слов, которые выражают не соотносительные друг с другом, а иногда просто противоположные понятия и носят нередко алогичный и каламбурный характер.

Так, разве может в действительности белуга реветь, а время терпеть, разве может быть какого-либо цвета (например, зеленого) тоска, существовать у основы окончание, т. е. флексия, и т. д.?!²

В ряде случаев такого рода фразеологические обороты объясняются полным или частичным калькированием иноязычных оборотов (ср. *желтая пресса*, англ. *yellow press*; *земляное яблоко* — «картофель», франц. *potte de terre*; *строить куры* — «ухаживать за женщиной», франц. *faire la cour* и т. п.)³.

Однако несмотря на определенное лексико-синтаксическое различие, которое существует между оборотами типа *поднять знамя, елки зеленые*, с одной стороны, и *поднять*

¹ Это выражение является переделкой оборота *реветь белухой*, в котором *белуха* — полярный дельфин (способный реветь!)

² О калькировании иноязычных фразеологических оборотов см. §§ 51—53.

голос, тоска зеленая, с другой, со стороны лексического состава они друг от друга не отличаются: все слова, имеющиеся в них, представляют собой реальные языковые единицы активной лексики современной литературной речи, живущие как в фразеологических оборотах, так и вне их (пусть иногда с иным, прямым или переносным значением).

§ 21. Фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями

Резко противоположной этой группе является вторая группа фразеологизмов, в лексическом составе которых наблюдаются как бы особые словесные инкрустации, вкрапления, известные лишь в качестве компонентов этих оборотов. Такие фразеологические обороты имеют внешние приметы, сразу отличающие их от свободных сочетаний слов, — всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением.

Специфические слова этих фразеологизмов для говорящих на современном русском литературном языке выступают как неотъемлемая часть таких оборотов, в качестве самостоятельных словесных единиц осознаваемые нередко очень слабо.

Именно поэтому фразеологические обороты этой группы представляют особый интерес: изучая такие фразеологизмы, мы должны объяснить не только обороты в целом, но и отдельные входящие в него слова или их старые (по крайней мере, для современного русского языка) значения.

Все устойчивые сочетания слов разбираемой группы распадаются на два разряда: 1) фразеологические обороты, в лексическом составе которых имеются слова, не известные вне фразеологизмов, и 2) фразеологические обороты, включающие в свой лексический состав слова с устаревшими или диалектными значениями.

§ 22. Фразеологические обороты со словами, известными лишь в их составе

Фразеологические обороты со словами, живущими в настоящее время как лексические единицы только в пределах устойчивых сочетаний слов, могут быть двух типов: одни содержат в своем составе такие слова закрепленного употребления, которые явного оттенка устарелости на себе

Не несут (*скалить зубы* — «смеяться», *распускать нюни* — «хныкать», *потупить глаза* — «опустить глаза», *задавать храповицкого* — «спать», *мозолить глаза* — «надоедать» и т. д.), другие — такие слова, которые определенно являются сейчас устаревшими, т. е. архаизмами или историзмами (как *зеницу ока* — «заботливо, тщательно», буквально — «как зрачок глаза»; *бразды правления* — «власть», буквально — «вожжи правления»; *прописать ижицу* — «высечь», где *ижица* — название ныне не существующей в русской азбуке буквы; *мал золотник, да дорог* — о небольшом, но важном, где *золотник* — название старой русской меры веса, и т. п.).

Однако все эти фразеологические обороты выделяются среди остальных словами фразеологически связанного характера: их нет без этих слов так же, как не существует подобных слов за их пределами.

Укажем некоторые, в том или ином отношении остаивающие внимание (естественно, с необходимыми разъяснениями).

Оборот *точь-в-точь* — «совершенно точно» имеет в своем составе самостоятельно неизвестное существительное *точь* — «счет», давнее прилагательное *точный*.

В выражении *камень преткновения* — «затруднение, помеха» имеется архаизм *преткновение*, представляющий производное с помощью суффикса *-ение* от глагола *преткнуться* — «споткнуться» и входящий в словообразовательный ряд *столкновение* (от *столкнуть*), *вдохновение* (от *вдохнуть*), *возникновение* (от *возникнуть*), *дуновение* (от *дунуть*) и т. п.

Фразеологический оборот *задать стрекача* — «убежать» содержит в литературной речи отсутствующее вне его существительное *стрекач* — «бегство», в диалектах еще понимаемое как суффиксальное образование от *стрекать* — «бежать, прыгать, прыгать».

Устойчивое сочетание слов *разводить антимонию* или *разводить антимонии* — «вести пустые разговоры, отвлекающие от серьезного дела», включает в свой состав только ему свойственное слово *антимония*, представляющее собой метатезную форму (пережившую перестановку звуков *м* и *н*) латинского слова *антиномия* (лат. *antipontia* — «противоречие»). Пришло это выражение в литературную фразеологию русского языка из аргументов семинаристов.

Поэтическое выражение *в объятиях Морфея* — «во

сне» строится на утраченном из активной лексики современной литературной речи существительном *Морфей*, представляющем собой название греческого бога сна (ср. общепотребительное родственное слово *морфий*).

В фразеологизме *трен жизни* — «образ жизни», возникшем в русском языке как полукалька французского оборота *train de vie* (первое слово было заимствовано, два других переведены), мы находим нигде не известное более слово *трен*, буквально обозначающее «шлейф».

Историзм *сокол*, обозначающий старое стенобитное оружие, большой таран, можно выделить в поговорке *гол, как сокол*.

Старославянское по своему происхождению выражение, *во время оно* — «некогда, когда-то очень давно» в качестве одного из компонентов включает в себя устарелое указательное местоимение краткой формы *оно* — «то».

В фразеологизме *ни зги не видно* выделяется только в нем известное слово *зга* — «дорога» (из древнерусского *стьга*, после выпадения редуцированного *ь*, упрощения *сте* в *сг* и озвончение звука *с* перед *г* в *з*), однокоренное с просторечным словом *стежка* — «тропинка», книжным *стезя* — «путь», поэтическим *стогна* — «площадь» и др.

Обороты *тьма крошечная* — «беспросветная тьма», *ад крошечный* — «сутолока, шум, ссора» содержат в своем составе фразеологически связанное в своем употреблении прилагательное *крошечный*, обозначающее ранее «внешний, находящийся по ту сторону» и образованное с помощью суффикса *шьн'* (> *шн'*) от *кромь* в значении «вне» по типу *домашний, внешний, вчерашний* и т. д. Само *кроме* по происхождению является формой местного падежа существительного *крома* — «граница, край» (ср. современное *кромка*).

В выражении *за тридцать земель* — «очень далеко», вошедшем в литературный обиход из сказок, имеется исчезнувшее в самостоятельном употреблении числительное *тридцать* — «27», которое указывает на существование в прежние времена девятиричной системы исчисления, когда считали не десятками, а девятками (так, в одной грамоте XVI в. встречается *тридцать кречетов* — «27 кречетов», в диалектах говорят о привередливой невесте: *Она только за тридцатого жениха пойдет*¹ и т. д.)

¹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., ГИС, 1956, стр. 430.

Только во фразеологических оборотах *застать врасплох*, *застигнуть врасплох*, *напасть врасплох* проявляет себя как слово наречие *врасплох*, возникшее в результате слияния предлога *в* и формы винительного падежа единственного числа устаревшего и диалектного существительного *расплох* — «замешательство, отсутствие готовности», родственного, вероятно, словам *оплошность*, *сплоховать* и т. д.

Фразеологизм *млечный путь*, представляющий собой кальку с лат. *via lactea*, включает в свой состав архаизм старославянского происхождения *млечный* — «молочный».

Сразу два устаревших слова содержат в себе выраженные *семо* и *овамо* — «туда и сюда, по ту сторону и другую сторону», в котором общеупотребительным словом активной лексики современного литературного языка является лишь соединительный союз *и*. Архаические наречия *семо* и *овамо* (ср. также одноструктурные древнерусское *камо* — «куда», современное *там* из *тамо* и др.) представляют собой производные посредством суффикса *-мо* от указательных местоимений *сь* — «этот» (с указанием на ближний предмет) и *овъ* — «тот» (с указанием на дальний предмет), в древнерусском языке и диалектах еще известных.

Фразеологизмами со словами закрепленного употребления являются также обороты *вверх тормашками* (*тормашка* — от *тормошить*), *души не чаёт* (*чаять* — «ждать»), *паче чаяния* (*паче* — «сверх», *чаяние* — «ожидание»), *разводить сентименты* (франц. *sentiment* — «чувство»), *таращить глаза* (*таращить* — «широко раскрывать»), *чреватое последствиями* (*чреватое* — «способно породить», от *чрево* — «живот»), *как кур во щи* (вероятно, из *как кур в ощиц*, *кур* — «петух», ср. *кураца*), *разбить вдребезги* (ср. диал. *дребезги* — «осколки», родственное словам *дробь*, *раздробить* и др.).

§ 23. Фразеологические обороты со словами устаревшей или диалектной семантики

Кроме устойчивых сочетаний слов с только им «принадлежащими» словами, есть фразеологические обороты, специфичность которых проявляется в наличии у них слов с особым (архаическим или нелитературным сейчас) значением. В ряде случаев особенности семантики входящих во фразео-

логизм слов ощущаются ясно и определенно (ср. *остальное от лукавого*, где *лукавый* — «черт»; *на худой конец*, где *худой* — «плохой»; *пропасть даром*, где *даром* — «напрасно»; *красная девица*, где *красная* — «красивая», ср. *прекрасная*; *вульгарная латынь*, где *вульгарная* — «народная», ср. лат. *vulgaris*; *Фома неверный*, где *неверный* — «неверящий»; *всякой твари по паре*, где *тварь* — «живое существо»; *в мгновение ока*, где *мгновение* — «мигание»; *страна света*, где *страна* — «сторона»; *не на живот, а на смерть*; *не щадя живота*, где *живот* — «жизнь» и т. д.).

Однако иногда указанные смысловые особенности архаического и диалектного характера осознаются только после специального разбора фразеологического оборота в целом с этимологической точки зрения (об этимологии фразеологических оборотов см. § 60).

Изучение происхождения выражения *зарыть талант в землю* показывает, что в этом изречении слово *талант* было употреблено в значении «крупная серебряная монета».

Подобное изучение также говорит о том, что в оборотах *иметь сердце* (на кого-нибудь) — «сердиться, быть недовольным», *сорвать сердце* (на ком-либо) — «излить злобу» слово *сердце* имеет иное значение, чем во фразеологизмах *от сердца отлегло* — «стало легче», *положа руку на сердце* — «откровенно», *близко принять к сердцу* (что-либо) — «отнестись к чему-нибудь с большой заинтересованностью» и т. д., именно старое (известное сейчас лишь в диалектах) значение — «гнев, злоба» (ср. *серчать* — от *сердце*, *сердитый* с суф. *-ит-* от *срьдъ* без уменьшительно-ласкательного суффикса *-ыце* и т. д.). Архаическое для литературного языка значение «гнев, злоба» у слова *сердце* (от *срьдъ*, ср. *предсердие*) является вторичным и возникло в результате переноса по смежности (сердце считалось вместилищем гнева, злобы, но и любви, ср. *сердечный разговор* и пр.).

Во фразеологизме *ни кола, ни двора* — «ничего» слово *кол* употребляется в старом значении — «небольшой участок земли»; в выражении *с грехом пополам* — «кое-как» слово *грех* имеет архаическое нерелигиозное значение — «ошибка» (ср. *огрех*), в обороте *собак вмешать* (на кого-нибудь) — «обвинять, бранить» слову *собака* свойственно значение «репей», в диалектах еще употребляющееся.

Среди фразеологических оборотов встречаются, естест-

венно, и такие, в которых архаичными или диалектными могут быть как слова, так и значения. Например, разбор лексико-семантического характера выражения *благим матом* — «изо всех сил, громко» показывает, что в нем имеется как устаревшее, исчезнувшее сейчас слово *мат* — «голос» (ср. белор. *мат* с тем же значением), так и архаическое значение в слове *благой* — «сильный» (ср. диалектное *благо* — «сильно, много»).

§ 24. Соотношение семантической слитности фразеологического оборота и его лексического состава

Между наменными группами фразеологических оборотов с точки зрения лексического состава и их делением на группы с точки зрения семантической слитности (т. е. на фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения) существует известная связь и соотнесенность. Фразеологические выражения по лексическому составу могут быть только оборотами первой группы, целиком состоящими из свободных по употреблению слов активной лексики нашей речи (например, *запасные части*; *проверка исполнения*; *числом поболее, ценою подешевле* (Грибоедов); *Судьба играет человеком* (Н. С. Соколов); *Пусть сильнее грянет буря* (Горький) и др.).

Фразеологические единства могут содержать в своем составе, кроме слов свободного употребления, только не осознаваемые говорящими семантические архаизмы (например, *семь пятниц на неделе*, *спустя рукава*, *остаться с носом*, *зарыть талант в землю* и пр.). Фразеологические сочетания, как правило, включают в свой состав слова закрепленного употребления (ср. *закадычный друг*, *скоропостижная смерть*, *крошечный ад* и т. п.), в том же случае, если они состоят целиком из слов, известных в свободном употреблении, то одно из них обязательно выступает как слово с переносным, фразеологически связанным значением (ср. *щекотливое положение*, *злость берет*, *принять решение* и т. д.), как бы омонимичное тому же слову вне фразеологизма (ср. *щекотливая девушка*, *Дима берет с полки книгу*, *принять товар* и пр.).

Что касается фразеологических сращений, то лексически они могут быть самого разнообразного характера (ср.

собаку сѣл, как пить дать, проходить красной нитью, тихой сапой, за тридевять земель, семо и овамо, благим матом, прописать ижицу, собак вешать и т. д.), но именно среди них больше всего оборотов, содержащих устаревшие лексико-семантические факты.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СТРУКТУРЫ

§ 25. Структурные типы фразеологических оборотов в русском языке

В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как определенное структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях.

Конкретно по своему строению фразеологические обороты в русском языке делятся на два больших разряда:

1) фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению (ср: *Куры не клюют; Раз, два и обчелся; Руки не доходят; Кот заплакал; Риск — благородное дело; Дело хозяйское; Голод не тетка; То густо, то пусто; Что было, то сплыло; Счастливые часов не наблюдают*¹ и т. д.);

2) фразеологические обороты, по своему строению представляющие собой то или иное сочетание слов (*старший лейтенант*², *встречаться глазами, подруга жизни, чудеса в решетке, с головы до ног, по старой памяти, сесть в лужу, чревато последствиями, не от мира сего, не в своей тарелке, хоть глаза выколи, как выжатый лимон, и в хвост и в гриву, охи да вздохи, ни пава ни ворона* и т. д.).

¹ Выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

² Оборот является полужакой немецкого слова *Oberleutnant*.

§ 26. Фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению

Не следует думать, что все фразеологизмы, структурно равнозначные предложению, являются предложениями, т. е. самостоятельными единицами сообщения, и по смыслу.

Среди фразеологических оборотов, структурно составляющих целое предложение, по значению выделяются две группы фразеологизмов. Одни из них являются коммуникативными единицами и передают целое сообщение (*голод не тетка, счастливые часов не наблюдают* и др.). Они употребляются или самостоятельно, или в качестве «строительного материала» более сложного по структуре предложения. Другие выступают как номинативные единицы, называющие то или иное явление действительности (*кот заплакал* — «мало», *руки не доходят* — «некогда» и др.). Такие обороты, будучи структурно равнозначными предложению, выступают как часть предложения в виде каких-либо его членов, т. е. так же, как фразеологизмы, по своему строению представляющие сочетание слов.

Среди коммуникативных фразеологизмов, имея в виду характер выражаемого ими сообщения, можно выделить две группы.

Первую группу составляют коммуникативные обороты афористического характера (крылатые слова и пословицы): *Любви все возрасты покорны* (Пушкин); *Если враг не сдается, его уничтожают* (Горький); *Блажен, кто верует, тепло ему на свете* (Грибоедов); *Знание — сила* (Бэкон); *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях* (Д. Ибаррури); *Муж и жена — одна сатана*; *Жизнь прожить — не поле перейти*; *Пуганая ворона и куста боится*; *Не все то золото, что блестит*; *Посади свинью на стол, а она и ноги на стол*; *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*; *Не в свои сани не садись* и т. д.

Вторую группу образуют коммуникативные обороты, представляющие собой разнообразные разговорно-бытовые штампы: *Глаза разбегаются, Аллах ведает, Все там будем, Воля ваша, Голова идет кругом, Бабушка надвое сказала, Держи карман шире, Молчанье — знак согласия, Комментарии излишни, Гора родила мышь, Лиха беда — начало, Мир дому сему, Всего хорошего* и т. д.

Среди номинативных фразеологизмов, структурно равнозначных предложению, основную группу составляют обо-

роты, являющиеся образными и выразительными эквивалентами слов. Как синонимы соответствующих слов они могут быть по лексико-грамматическому характеру самыми различными (ср. *в чем мать родила* — «голый», *куры не клюют* — «много», *куда глаза глядят* — «куда-нибудь», *след простыл* — «нет», *кто в лес, кто по дрова* — «нестройно, вразброд» и т. д.), однако в стилистическом отношении все являются одинаковыми, поскольку всегда выступают в речи как яркая принадлежность разговорного языка.

§ 27. Классификация фразеологических оборотов, представляющих собой сочетания слов

Среди фразеологических оборотов этого типа, учитывая специфический характер образующего их сочетания слов, следует выделить как наиболее типичные и регулярные модели следующие фразеологические обороты, представляющие собой сочетание: 1) прилагательного и существительного, 2) существительного и родительного падежа другого существительного, 3) существительного и предложно-падежной формы другого существительного, 4) предложно-падежных форм существительного и прилагательного, 5) предложно-падежной формы существительного и родительного падежа другого существительного, 6) предложно-падежных форм существительных, 7) глагола и имени существительного (с предлогом или без предлога), 8) глагола и наречия, 9) деепричастия и существительного, а также фразеологические обороты, представляющие собой конструкции: 10) с сочинительными союзами, 11) с подчинительными союзами, 12) с отрицанием *не*.

§ 28. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное»

В фразеологических оборотах, состоящих из прилагательного и существительного, грамматически опорным словом является существительное, по отношению к которому прилагательное всегда выступает как слово зависимое.

Что касается семантического соотношения этих слов в пределах фразеологизма, то они могут быть двоякого типа: 1) существительное и прилагательное семантически равноправны и оба являются смыслообразующими (*золотой*

фонд, новый год, битый час, гнетущее впечатление, белая ночь, задним числом, сиамские близнецы и т. д.), 2) смыслообразующим компонентом оборота выступает существительное, прилагательное же употребляется как семантически опустошенный член, имеющий чисто экспрессивный характер (ср. голова и голова садовая, шут и шут гороховый, столпотворение и столпотворение вавилонское, тоска и тоска зеленая и т. д.).

Смыслообразующие прилагательные при лексически пустых существительных не наблюдаются. Порядок следования компонентов за редким исключением постоянный. Прилагательное в оборотах данной модели, как правило, препозитивно, т. е. стоит перед существительным. Значительно реже наблюдается обратный порядок слов, когда прилагательное употребляется постпозитивно (ср., например, чучело гороховое, нож острый, гусь лапчатый, сосуд скудельный, сума переметная).

Подавляющее большинство фразеологизмов модели «прилагательное + существительное» известно в исходной форме именительного падежа (ср. бабье лето, всякая всячина, недвижимое имущество, стреляный воробей, ахиллесова пята, белая кость, голубая кровь, арабские сказки, поваренная соль, белый гриб, зеленая улица, высокосный год, считанные дни, собачий холод, военные действия и т. д.). Такого рода обороты делятся на две группы в зависимости от наличия или отсутствия у них парадигмы склонения. Одни имеют все возможные падежные формы (ср. постный сахар, железный занавес, блудный сын и т. д.), другие известны лишь в одной исходной форме (ср. битый час, нож острый, слуга покорный и др.). Реализация падежных форм или, напротив, неспособность к их образованию в этой группе фразеологизмов зависит от семантики и синтаксических свойств оборота в целом (см. об этом в § 8). Субстантивные обороты, эквивалентные существительным, способны к образованию падежей; субстантивные обороты, эквивалентные наречиям или глаголам, реализацией падежных форм не обладают.

Что касается форм числа, то их в субстантивных оборотах данной модели могут иметь лишь те, исходной формой которых является именительный падеж единственного числа (ср. действующее лицо, новогодняя елка, круглый дурак, лошадиная фамилия и др.).

Фразеологизмы, исходной формой которых выступает

именительный падеж множественного числа, форм единственного числа не имеют: «соответствующие им формы единственного числа образуют свободное сочетание»¹ (ср. *арабские сказки и арабская сказка, крокодиловы слезы и крокодилова слеза* и т. д.).

Наличие или отсутствие форм множественного числа у оборотов типа *живая вода, сберегательная книжка, слабый пол, чёртова кукла, выходной день, золотой дождь* и т. д. зависит или от категориального значения опорного существительного, или от степени семантической слитности фразеологического оборота.

Значительно меньшую группу среди фразеологизмов модели «прилагательное + существительное» составляют такие, которые функционируют в какой-либо форме косвенного падежа: *благим матом, задним числом, тихой сапой, целую вечность, грешным делом, божьей милостью, веселыми ногами*² и др. Они, как правило, соотносительны с наречиями и в предложении поэтому выступают в качестве обстоятельств. Реализация морфологических форм компонентов в оборотах этого рода не наблюдается.

Местоположение прилагательного и существительного относительно друг друга такое же, как в устойчивых сочетаниях слов типа *зеленая улица*.

К фразеологизмам модели «прилагательное + существительное» примыкают обороты, представляющие собой 1) сочетания существительного и местоимения (*наш брат, ваше сиятельство, иными словами, экая невидаль* и т. д.) и 2) сочетания существительного и числительного (*одним словом, одного помету*³ и пр.³

§ 29. Фразеологические обороты модели «существительное + родительный падеж существительного»

Фразеологические обороты этого типа являются субстантивными, так как они по своему категориальному значению

¹ В. М. Никитевич. О лексико-грамматической структуре несвободных определительных сочетаний в современном русском языке. В сб.: «Вопросы фразеологии». Самарканд, Изд-во Самаркандского университета, 1961, стр. 142.

² Выражение (в значении «навеселе, подвыпив») возникло из фразы пасхальной песни *К свету идячу, христе, веселыми ногами*.

³ Слово *помет* имеет в этом обороте значение «происхождение, приплод».

и синтаксическим функциям эквивалентны существительным: *яблоко раздора, секрет Полишинеля, суд Линча, точка зрения, стечение обстоятельств, корень зла, власть тьмы, избивание младенцев, камень преткновения, блюститель порядка, дар слова, пальма первенства, полнота власти, подруга жизни* и т. д. По характерной для них структуре они являются объединением грамматически стержневого существительного (оно всегда выступает как препозитивное) с зависящим от него существительным в родительном падеже (оно всегда является постпозитивным).

Слова, образующие фразеологические обороты этой модели, семантически равноправны. Реализация морфологических форм наблюдается лишь у опорного существительного и зависит как от его значения и исходной числовой формы, так и от специфики фразеологического оборота в целом.

Если исходной формой опорного существительного в фразеологизме является форма множественного числа (*цветы жизни, муки слова* и т. д.), то оно единственного числа не имеет. Если исходной формой опорного существительного в фразеологизме является форма единственного числа (*война нервов, голубь мира, тюрьма народов* и др.), то наличие или отсутствие коррелятивной формы множественного числа будет определяться либо лексико-грамматическими свойствами этого имени, либо степенью семантической слитности фразеологизма в целом, ср. *дом отдыха — дома отдыха, точка зрения — точки зрения, но только власть тьмы*¹, *яблоко раздора* и т. д.

Реализация опорным существительным падежных форм является в общем свободной, однако нередко проводится последовательно и неполно.

Рассматриваемая модель является регулярной и продуктивной, постоянно пополняющейся новыми фразеологическими оборотами: *аттестат зрелости, работник прилавка, флексия основы, болезнь роста, дом отдыха, сигнал бедствия* и т. д.

К разбираемому типу примыкают две группы фразеологизмов, выступающих как различные осложнения основной структуры. Таковыми будут: 1) обороты с прилагательным перед опорным существительным (*последний крик моды,*

¹ Название драмы Л. Н. Толстого.

жалкий лепет оправданья, убогая роскошь наряда¹⁾ и 2) обороты с прилагательным перед зависимым существительным в родительном падеже (*капли датского короля, бред сивой кобылы, женщина легкого поведения, кандидат технических наук, люди доброй воли, одного поля ягода, дистанция огромного размера*² и т. д.). Эти модели регулярны и довольно многочисленны. Другие осложненные виды модели «существительное + родительный падеж существительного» (ср. *слуга двух господ* — «двурушник» — заглавие комедии К. Гольдони, *герой нашего времени* и т. д.) являются единичными.

§ 30. Фразеологические обороты модели «существительное + предложно-падежная форма существительного»

Близкой к предыдущему типу фразеологизмов является группа фразеологических оборотов, состоящих из существительного в сочетании с предложно-падежной формой другого существительного: *искусство для искусства, борьба за существование, человек в футляре, притча во языцех, бок о бок, бег на месте, ветер в голове, рот до ушей, день ото дня, точь-в-точь, горе от ума, калиф на час, ноль без палочки, руки в брюки, борьба за мир, карты в руки, дело в шляпе, кровь с молоком* и т. д. Эта близость проявляется как в лексико-грамматической специфике оборота в целом, так и в морфологии опорного и зависимого существительных. Все такие фразеологические обороты в лексико-грамматическом отношении соотносительны с существительным, во всех зависимые существительные неизменяемы, а опорные способны к образованию различных падежных форм.

Реализация формы множественного числа у опорного существительного в единственном числе также происходит лишь тогда, когда нет каких-либо ограничительных фактов (абстрактное значение существительного, идиоматичность оборота и т. д.).

Порядок следования компонентов строго закрепленный

¹ Цитата из стихотворения Некрасова «Убогая и нарядная», в настоящее время чаще употребляется в сокращенном виде и в связи с этим совершенно с другой структурой: *убогая роскошь*.

² Оборот восходит к соответствующему свободному сочетанию слов из комедии Грибоедова «Горе от ума».

и меняться не может. Почти во всех фразеологизмах предложно-падежная форма существительного является постпозитивной, случаи типа *от жилетки рукава, без году неделя* и т. д. являются немногочисленными и стилистически окрашены (см. § 41). Модель в целом является малопродуктивной, новообразований советской эпохи немного.

Осложненным видом фразеологических оборотов данной модели являются выражения типа *сказка про белого бычка, книга за семью печатями, палка о двух концах, буря в стакане воды*¹, *башня из слоновой кости* и т. д.

§ 31. Фразеологические обороты модели «предлог + прилагательное — существительное»

По своему лексико-грамматическому значению и синтаксическому употреблению в предложении фразеологизмы этого типа соотносительны с наречиями и могут быть охарактеризованы как наречно-обстоятельственные², или адвербиальные³. Составляющие их слова семантически всегда равноправны. Порядок следования компонентов друг за другом постоянный.

Реализация морфологических форм у прилагательных и существительных не наблюдается. Модель в целом является малопродуктивной, хотя в количественном отношении образующие ее фразеологические обороты довольно многочисленны и среди них встречаются сравнительно недавние. В качестве примеров устойчивых сочетаний слов разбираемого типа можно указать следующие: *без задних ног, до греческих календ, у разбитого корыта, к шапочному разбору, по старой памяти, по щучьему велению, на седьмом небе, среди бела дня, на живую нитку, на первый взгляд*⁴, *со спокойной совестью, по свежим следам, по пьяной лавочке, с незапамятных времен*. К этим фразеологизмам примыкают обороты, имеющие вместо прилагательного аналогичные им по формам словоизменения местоимения и числительные (ср. *от всего*

¹ Фразеологическая калька, выражение *Монтескье по поводу политических событий, происшедших в его время в карликовой республике Сан-Марино (на Апеннинском полуострове)*.

² Термин А. И. Ефимова (Стилистика художественной речи. М., Изд-во Московского университета, 1957, стр. 280).

³ См. И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка, М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1959, стр. 193

⁴ Фразеологизм является калькой с франц. *au premier aspect*.

сердца, в один голос, на одну колодку, изо всех сил, в своем роде, во весь голос, на одно лицо, на свой салтык¹, в одно мгновение и т. д.).

§ 32. Фразеологические обороты модели
«предложно-падежная форма существительного +
+ родительный падеж существительного»

Фразеологические обороты данного типа могут быть или наречными (*во веки веков, до глубины души* и т. д.), или атрибутивными (*в костюме Адама — «голый»* и др.).

Морфологическими формами существительные в пределах фразеологизма не обладают. Порядок следования компонентов закреплённый. Модель в целом представляет собой непродуктивную. Кроме отмеченных, в качестве примеров можно указать следующие: *в объятых Морфея, до мозга костей, в поте лица, в пылу гнева, во цвете лет, до скончания века, на вес золота* и др.

§ 33. Фразеологические обороты модели
«предложно-падежная форма существительного +
+ предложно-падежная форма существительного»

Данная модель продуктивной не является, образующие ее фразеологизмы численно ограничены. По своему лексико-грамматическому значению и синтаксическим функциям все они представляют собой обороты, соотносительные с наречиями.

Существительные, входящие в такие обороты, или тавтологически повторяются (ср. *из кулька в рогожку, от доски до доски², от зари до зари, от корки до корки, из года в год, изю дня в день*), или противопоставляются как «антонимичные» (ср. *с головы до пят, с корабля на бал* (выражение из романа «Евгений Онегин» Пушкина, гл. 8, строфа 13), *от Понтия к Пилату, от мала до велика* и т. д.).

Фразеологические обороты рассматриваемого типа грамматически опорного слова не имеют, образующие их ком-

¹ Фразеологизм представляет собой сокращение пословицы *У всякого шлык на свой салтык*, в которой существительное *салтык* значит «образец».

² В старину переплет книг был из досок, покрытых кожей, *от доски до доски* буквально — «от первой доски переплета до последней».

поненты в семантическом отношении являются всегда равноправными. Морфологические формы существительных в составе целого реализоваться не могут. Порядок слов — постоянный, «исключения» типа *с ног до головы* и *с головы до ног* являются мнимыми (см. § 4).

§ 34. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное (с предлогом и без предлога)»

Фразеологические обороты, относящиеся к этому разряду, являются самыми продуктивными и многочисленными.

С лексико-грамматической точки зрения почти все они являются глагольно-предикативными и в предложении выступают в функции сказуемого: *наострить уши, закинуть удочку, тянуть ляжку, пустить корни, сидеть богородицей, кривить душой, хранить молчание, заливаться смехом, понурить голову, сделать предложение, просить руки, сорить деньгами, тянуть ляжку, заварить кашу, сыграть свадьбу, задать перцу, тянуть вольнку, задавать тон, пустить по миру, пойти насмарку, сесть в калошу, прибрать к рукам, носить на руках, идти на убыль, купаться в золоте, высосать из пальца, остаться с носом¹, сгореть со стыда, разделать под орех* и т. д. Обороты типа *рукой подать* — «близко», *раз плюнуть* — «легко» и т. д., имеющие наречный характер и выполняющие в предложении роль обстоятельства, встречаются редко и регулярной модели не образуют.

В подавляющем большинстве глагольно-именных фразеологизмов порядок компонентов может быть как прямым, так и обратным, хотя обычно все же глаголы употребляются препозитивно.

В качестве опорного слова словосочетания всегда выступает глагол, однако смыслообразующим отдельно он бывает довольно редко. Семантическое соотношение глагола и существительного в пределах фразеологизмов этой мо-

¹ Этот оборот в своем возникновении не имеет ничего общего со словом *нос* как обозначением одной из частей человеческого тела. Слово *нос* в нем означало «калым» (от глагола *нести*, ср. *ноша*), который приносился женихом родителям невесты. Когда жениху отказывали, он оставался с «носом». Возникшее таким образом выражение *остаться с носом* после исчезновения слова *нос* в значении «калым» было связано со словом *нос* как обозначением определенной части человеческого тела. Таким оно осознается и сейчас, выступая в одном ряду с оборотами *натянуть нос, показать нос, водить за нос*.

дели может быть тройкого рода: 1) глагол и существительное семантически равноправны и оба являются словообразующими (*бить баклуши, задавать стрекача, сесть в лужу, знать назубок, бить в набат, выбросить за борт* и т. д.); 2) в качестве смыслообразующего компонента оборота употребляется существительное, глагол же является лексически пустым и служит лишь для выражения чисто грамматических значений (см. об этом § 61); 3) в качестве смыслообразующего компонента оборота выступает глагол, существительное же или представляет собой семантически опустошенное слово, имеющее чисто экспрессивный характер (ср. *городить* и *городить вздор* и т. п.), или выполняет роль своеобразной морфемы (ср. *зажмуриться* и *зажмурить глаза* и др.¹).

Первый тип смыслового соотношения между глаголом и существительным наблюдается в фразеологических сращениях и фразеологических единствах, третий характерен для фразеологических сочетаний. Что касается второго, то он встречается в таких фразеологических оборотах различной семантической слитности, которые являются «перифразами простых глаголов, содержащими существительное того же корня, что и соответствующий глагол»² (ср. *справиться* и *навести справки, взглянуть* и *бросить взгляд, обязаться* — *взять обязательство, ударить* и *нанести удар, зазудеть* и *дать гудок* и т. д., об этом см. подробнее в § 63).

В немногочисленных оборотах, состоящих из глагола и существительного, соотносительных с наречием, морфологические формы составляющих их слов не реализуются совершенно.

В основной же массе фразеологизмов, соотносительных с глаголом, реализация грамматических форм компонентов осуществляется в общем довольно широко и свободно, хотя, естественно, далеко не всех. Глагол как опорное слово фразеологизма может реализовать в нем категорию лица, времени, вида, наклонения, в прошедшем времени — рода, образовывать соотносительные деепричастия и причастия и т. д. Степень реализации имеющихся у глагола в свободном употреблении грамматических форм в различ-

¹ О причинах такой синонимии слова и фразеологического оборота см. § 61.

² Понятие введено Ц. Балли (Французская стилистика. М., ИЛ, 1961, стр. 94).

ных фразеологизмах является разной и зависит от степени семантической слитности фразеологического оборота, а также от его структуры и семантики.

Наибольшая реализация грамматических форм у глагола наблюдается в фразеологических сочетаниях и фразеологических выражениях, наименьшая — в фразеологических сращениях. Так, в обороте *принять решение* глагол обладает всеми возможными для него грамматическими формами, в обороте же *собаку съел* глагол имеет лишь способность к образованию форм рода и числа.

Что касается зависимого слова, каким в фразеологических оборотах данной модели является существительное, то оно в отдельных оборотах способно лишь к реализации форм числа (ср. *разинуть рот* — *разинуть рты, нанести удары* — *нанести удар, подвело живот* — *подвело животы, запечатлеть поцелуй* — *запечатлеть поцелуи* и т. д.).

Фразеологизмы разбираемого типа, кроме основного вида, имеют ряд осложненных, также в общем регулярных и продуктивных.

Поскольку помимо глагола и существительного фразеологизмы в свой состав могут включать также и прилагательные, выступающие как определения к существительному, и другие существительные, а иногда и то и другое, постольку осложненные виды модели «глагол + существительное» (с предлогом и без предлога) являются очень разнообразными: *гадать на кофейной гуще, ходить на задних лапках, положить зубы на полку, стоять одной ногой в могиле, ставить каждое лыко в строку, брать быка за рога, завить горе веревочкой, стричь всех под одну гребенку* и т. д.

§ 35. Фразеологические обороты модели «глагол + наречие»

Фразеологизмы этого типа с точки зрения их лексико-грамматического значения являются глагольными и в предложении выступают в качестве сказуемых.

Образующие оборот компоненты всегда семантически равноправны. Реализация морфологических форм (в силу отсутствия их у наречия также и в свободном употреблении) наблюдается лишь у глагола. Местоположение компонентов может быть двойким (как прямым, так и инвер-

сивным). В целом модель является малопродуктивной, новые образования немногочисленны. В качестве наиболее ярких примеров фразеологизмов данного типа можно привести следующие: *пропасть даром, напиться вдрызг, разбиться вдребезги, попасть впросак, видеть насквозь, выйти замуж* и т. д.

§ 36. Фразеологические обороты модели «деепричастие + существительное»

Фразеологизмы из деепричастия и существительного представляют собой небольшую группу оборотов, образующую совершенно непродуктивную в настоящее время модель.

Деепричастия в качестве грамматически опорного слова выступают в старой форме на *-а, -я* (вместо *-в, -вши*) и являются морфологическими архаизмами.

Обороты такого рода соотносительны по своему категориальному значению с наречием и в предложении выступают как обстоятельство. Порядок слов закрепленный. Реализации морфологических форм (они в принципе здесь могут быть лишь у существительного) не наблюдается.

Как примеры фразеологизмов такого рода могут быть названы следующие: *очертя голову, скрепя сердце, высуня язык, сложя руки, спустя рукава* и др. Осложненным видом фразеологических оборотов данной модели являются устойчивые сочетания слов типа *положа руку на сердце*.

§ 37. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами

Фразеологизмы подобного типа по своему лексико-грамматическому значению равнозначны тем (они всегда одинаковы в этом отношении) компонентам, из которых обороты состоят.

Компоненты по отношению друг к другу представляют собой однородные члены предложения, выраженные словами одной и той же части речи. Порядок компонентов закрепленный и меняться не может. Ограниченной возможностью реализации морфологических форм обладают в оборотах этой модели лишь глаголы (ср. *судить да рядить, судили да рядили* и т. д.).

Среди фразеологизмов из существительных наиболее

яркой и типичной группой являются обороты с синтаксически обусловленным значением типа *кожа да кости* (об этом см. § 6). Слова, объединяющиеся с помощью союзов в целую единицу, выступают или как синонимические, или как антонимические.

В качестве соединительных слов чаще всего употребляются союзы: *и, да, ни—ни, то—то: взад и вперед, тут и там, целиком и полностью, туда и сюда, охи да вздохи, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни два ни полтора, ни сучка ни задоринки¹, то густо то пусто, и в хвост и в гриву, день и ночь, клей и ножницы, вкривь и вкось, ни конца ни краю* и т. д.

§ 38. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с подчинительными союзами

Фразеологические обороты данной модели с точки зрения своего лексико-грамматического значения и, следовательно, соотношенности с той или иной частью речи являются адвербиальными и адъективными. Грамматически стержневыми словами, «организующими» фразеологические обороты как целое, здесь следует считать союзы, с которых они начинаются (ср. *хоть кол на голове теши, как снег на голову* и т. п.). Порядок компонентов закрепленный и не меняется. К реализации морфологических форм (рода и числа) способны лишь фразеологизмы, «оканчивающиеся» на прилагательное или причастие (ср. *как угорелый, как убитый, как в воду опущенный* и т. д.).

В зависимости от характера подчинительного союза, начинающего фразеологический оборот, в фразеологизмах данной модели выделяются два основных разряда: 1) фразеологические обороты с уступительным союзом *хоть* и 2) фразеологические обороты со сравнительным союзом *как* (реже—*будто, словно, точно*).

Фразеологизмы с уступительным союзом *хоть* распадаются в свою очередь на две группы: 1) обороты, имеющие в своем составе глагол в форме повелительного наклонения (он может сопровождаться зависимыми от него существительными), и 2) обороты, глагола в своем составе не имеющие. Первая группа является большой и продуктивной (ср. *хоть брось, хоть убей, хоть отбавляй, хоть глаза выколи, хоть топор вешай, хоть пруд пруди, хоть*

¹ Выражение из профессионального арго столяров.

волком вой, хоть шаром покати, хоть трава не расти, хоть кол на голове теши, хоть веревки вей, хоть караул кричи, хоть в гроб ложись, хоть на части режь и т. д.), вторая включает в себя единичные примеры (ср. *хоть в воду, хоть голову на отсечение, хоть в петлю, хоть какой, хоть куда*).

Фразеологизмы со сравнительным союзом как также можно разделить на две группы: 1) обороты, «оканчивающиеся» на прилагательное или причастие, и 2) обороты, атрибутивных слов не имеющие. Первая группа небольшая (ср. *как подкошенный, как ошпаренный, как потерянный, как вкопанный, как ужаленный* и др.), вторая является продуктивной и многочисленной (ср. *как в лесу, как две капли воды, как душе угодно, как корове седло, как маков цвет, как на грех, как на ладони, как водится, как об стенку горох, как огурчик, как по маслу, как по нотам, как сквозь землю, как часы, как смерть, как боги, как бритва, как дома, как зеницу ока, как с гуся вода, как сапожник* и т. д.).

Все фразеологические обороты с подчинительными союзами осознаются как превратившиеся в устойчивые сочетания слов части предложений, однако это не значит, что все они имеют именно такое происхождение: среди них есть и такие, которые возникли по модели или были заимствованы.

§ 39. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с отрицанием *не*

По своему лексико-грамматическому значению фразеологизмы этого рода являются или глагольными, или наречными, выполняя в предложении тем самым роль сказуемого и обстоятельства. Составляющие оборот члены всегда семантически равноправны. Порядок их следования закрепленный. Соотносительных форм без *не* не встречается.

В качестве примеров фразеологизмов такого рода можно привести следующие: *не щадя живота* (сущ. *живот* здесь обозначает «жизнь»), *не солоно хлебавши, не робкого десятка, не в своей тарелке*¹, *не от мира сего* и др.

¹ Этот оборот представляет собой неправильную фразеологическую кальку с французского выражения *ne pas dans son assiette*, в котором слово *assiette* (состояние, положение) при переводе было смешано с его омонимом *assiette* (тарелка) и неправильно передано словом *тарелка*

§ 40. Нерегулярные модели фразеологических оборотов

Кроме типичных и регулярных типов, в современной русской фразеологической системе имеются нерегулярные модели фразеологизмов, численно очень ограниченные и совершенно непродуктивные. Сюда можно отнести, например, такие обороты, как *чревато последствиями, манера выражаться, вверх дном, волосы дыбом, полтора человека, всегда готов¹, елико возможно, семи пядей во лбу², легок на помине, губы бантиком, для ради важности³, нищие духом, сапоги всмятку, наука побеждать* (название книги А. В. Суворова по военному искусству), *от нечего делать, вещь в себе⁴, при всем том, подбитый ветром* и т. д.

§ 41. Фразеологические обороты с особенностями художественно-поэтического характера

Как среди фразеологических единиц, структурно равнозначных предложению, так и среди фразеологических единиц, являющихся словосочетанием, наблюдаются устойчивые обороты, имеющие в своем значении и оформлении специфические признаки художественно-поэтического характера.

В качестве фразеологических оборотов такого рода можно отметить следующие:

1. Фразеологические обороты со словами-антонимами: *нет худа без добра; старая погудка на новый лад; и стар и млад; черным по белому; не на живот, а на смерть; всеми правдами и неправдами; ни туда ни сюда; вопрос жизни и смерти; с больной головы на здоровую; ни дать ни взять; вдоль и поперек; ни с того ни с сего; ни жив ни мертв; и нашим и вашим.*

2. Фразеологические обороты со словами-синонимами: *из огня да в полымя, переливать из пустого в порожнее,*

¹ Выражение представляет собой, вероятно, кальку англ. *ever ready*, являющегося возгласом английских бойскаутов («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, стр. 610).

² Пядь — старая мера длины, расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами.

³ Выражение из романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева.

⁴ Оборот является калькой нем. *Ding an sich*, принадлежащего И. Канту.

ум за разум заходит, судить да рядить, вокруг да около и т. д.

3. Фразеологические обороты, представляющие собой алогичные по смыслу конструкции каламбурного характера: *сам не свой, квадратура круга, живой труп, голубая кровь, без ножа зарезать, без году неделя, флексия основы* и т. д.

4. Фразеологические обороты, представляющие собой тавтологические сочетания, т. е. сочетания форм одного и того же слова или однокорневых слов (не являющихся по отношению друг к другу синонимами и антонимами): *зуб за зуб, святая святых, живая жизнь, мал мала меньше, из года в год, дурак дураком, из уст в уста, в конце концов, шутки шутить, все и вся, жевать жвачку* и т. д.

5. Фразеологические обороты, имеющие эвфонический характер. Компоненты таких оборотов связаны между собой не только определенными лексико-грамматическими отношениями, но и рифмой: *сухо — по самое ухо; на своих двоих; еле-еле душа в теле; Федот, да не тот; ни ответа ни привета; последняя спица в колеснице; ни кожи ни рожи; щипи свищи; то густо то пусто; шито крыто; дела как сажа бела¹; на вкус и цвет товарища нет; старость — не радость; рожки да ножки; хлопот полон рот²; сами с усами³; гол, как сокол; старый друг — лучше новых двух⁴; смех и грех; ни слуху ни духу; руки в брюки; от скуки на все руки; взятки гладки; на нет и суда нет* и т. д.

ИНСТИТУТЫ

¹ *Бела* — краткая форма от *белая*, прилагательное употреблено в качестве определения к существительному *сажа*.

² Выражение возникло в результате сокращения пословицы *Хлопот полон рот, а перекусить нечего*.

³ О происхождении этого оборота см. § 59.

⁴ Как свидетельствует рифмовка *друг — двух*, оборот возник в южновеликорусском наречии, где звук *г* является не взрывным, а фрикативным.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 42. Классификация фразеологических оборотов
по их происхождению

В генетическом аспекте фразеологические обороты современного русского литературного языка подобны словам. Среди них выделяются четыре различные группы: 1) исконно русские фразеологические обороты, 2) заимствованные фразеологические обороты, 3) фразеологические кальки и 4) фразеологические полукальки.

Основную массу употребляющихся в настоящее время фразеологических оборотов составляют устойчивые сочетания слов исконно русского происхождения: *ищи ветра в поле, как огня бояться, в чем мать родила, водой не разольешь, в один голос, и курица пьет, чреватو последствиями, расквасить нос, в карете прошлого далеко не уедешь*¹, *квасной патриотизм*² и т. д.

Значительно меньшую часть составляют остальные группы, хотя и они в русской фразеологической системе играют довольно заметную роль. Как особенно продуктивные и употребительные здесь можно отметить фразеологические кальки и полукальки (*разбить наголову* — калька нем. *Aufs Haupt schlagen*, *убить время* — калька франц. *tuer le temps*, *железный занавес* — калька англ. *iron curtain*, *порочный круг* — калька лат. *circulus vitiosus*; *проглотить пилюлю* — полукалька франц. *avalier la pilule*; *бемское стекло* — полукалька нем. *bötmisch Glas* и т. д.).

¹ Оборот восходит (с заменой *никуда* на *далеко*) к цитате из пьесы «На дне» А. М. Горького.

² Оборот впервые употреблен в «Письмах из Парижа» (1827 г.) П. А. Вяземским.

Среди фразеологических оборотов, заимствованных из других языков без перевода, в том виде, в каком они бытуют или бытовали в языке-источнике, устойчивым и богатым разрядом являются лишь фразеологические старославянизмы (см. § 47). Все остальные заимствованные фразеологические обороты (ср. *tutti quanti*¹ из итал. яз., *tête-à-tête*² из франц. яз., *cum grano salis*³ из лат. яз. и т. д.) не только в общем очень немногочисленны и ограничены в сфере своего употребления письменной речью, но и представляют собой явление преходящее (см. § 48).

Определение исконного или заимствованного характера фразеологического оборота является одной из задач этимологии как науки о происхождении значимых единиц языка и может быть задачей разной степени трудности. Если отграничение исконно русских фразеологических оборотов от заимствованных фразеологических оборотов и фразеологических полудалек особых затруднений не вызывает, то определение, что это — исконно русский фразеологический оборот или фразеологическая калька (в силу возможности одного и того же образа, положенного в основу названия, у самостоятельных выражений одного и того же значения в разных языках), — оказывается в ряде случаев очень трудным (см. § 60).

§ 43. Исконно русский фразеологический оборот как языковая единица

Под исконно русским фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве воспроизводимой единицы или возникло в русском языке, или унаследовано им из более древнего языкового источника. Имея в виду время появления исконно русских фразеологических оборотов в русском языке, их, как и слова, можно разделить на три группы: общеславянские фразеологические обороты, восточнославянские фразеологические обороты и собственно русские фразеологические обороты. Две первые группы сравнительно немногочисленны. Третья, включающая фразеологические обороты, возникшие

¹ Итал. *tutti quanti* — «всякие другие».

² Франц. *tête-à-tête* — «с глазу на глаз, наедине» (буквально «голова к голове»).

³ Лат. *cum grano salis* — «с умом, язвительно» (буквально — «с крупинкой соли»)

в эпоху раздельного существования трех самостоятельных восточнославянских языков, является самой богатой, постоянно и интенсивно увеличивающейся и сейчас. К общеславянским фразеологическим оборотам относятся фразеологические обороты, унаследованные русским языком из общеславянского языка (распадение последнего относится к V—VI вв. н. э.). В подавляющем большинстве такие фразеологические обороты являются и всеславянскими, т. е., будучи полученными из общеславянского языка, они известны во всех славянских языках и сейчас.

В качестве примера общеславянского устойчивого сочетания слов можно назвать, например, *водитъ за нос* (ср. укр. *водити за нiс*, польск. *wodzić za nos*, болг. *водя за носа* и т. д.). Видоизменением общеславянского оборота *бити въ очи* является *бить в глаза* (ср. укр. *бити в очи*, польск. *bić w oczy*, болг. *бия в очи* и др.)¹. Общеславянскими по своему происхождению и времени появления являются ныне устаревшие, но в древнерусском языке актуальные фразеологизмы *идти войной* — «воевать», *поить жену* — «жениться» и т. д.

К восточнославянским фразеологическим оборотам относятся фразеологизмы, возникшие в эпоху существования древнерусского языка (VI—XV вв.). Эти обороты сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Именно поэтому, встречаясь и сейчас, как правило, во всех восточнославянских языках, такие устойчивые сочетания слов не наблюдаются в других (южнославянских и западнославянских). К разряду восточнославянских фразеологических оборотов относится, например, *под горячую руку* (укр. *пiд горячу руку*, бел. *пад гарачую руку*). Древнерусским фразеологическим оборотом является также *иду на вы* — «иду на вас» (*вы* — энклитическая форма местоимения 2 лица в вин. пад. множ. числа), представляющий собой, по свидетельству летописей, выражение князя Святослава, означавшее объявление войны.

Собственно русские фразеологические обороты, как уже было сказано, образуют устойчивые сочетания слов, ставшие такими в русском языке в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков

¹ В русском языке слово *око* впоследствии было вытеснено существительным *глаз*.

(в основном с XV в. по настоящее время). Они являются специфической особенностью нашей речи и не встречаются, кроме случаев их заимствования из русского языка, ни в одном из других языков. Это именно те фразеологические обороты, которые образуют глубоко своеобразный и национально-русский характер фразеологической системы нашего языка.

Входящие в эту группу фразеологические обороты в своей массе (если они не калькируются или заимствуются в целом) дословно не переводятся и при переводе должны заменяться синонимическими оборотами, имеющими ту же стилистическую окраску. Так, оборот *тише едешь — дальше будешь* соответствует нем. *eile mit Weile* (буквально — «спеши с медленностью»), представляющему собой кальку лат. *festina lente*, итал. *chi va piano, va sano* (буквально — «кто идет медленно, идет быстро»); др. греч. *kichanei toi bradys okyn* (буквально — «спешащего медленный догоняет») и т. д.; оборот *как кур во щи* соответствует в болгарском языке выражению *като петел в кълчища* (буквально — «как петух в пеньку»), в польском — *jak kozioł w studnię* (буквально — «как козел в колодец»); обороту *дело в шляпе* в чешском языке соответствует *ruka je v rukáve* (буквально — «рука в рукаве»); фразеологический оборот *душа в пятки ушла* соответствует в английском языке выражению *his heart sank into his boots* (буквально — «его сердце упало в его ботинки») и т. д.

В подавляющем большинстве исконно русские фразеологические обороты возникли из первоначально свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент стали фразеологическими, т. е. воспроизводимыми целиком, как единое целое. Но среди устойчивых сочетаний слов исконно русского происхождения есть и такие, которые не восходят к свободным сочетаниям, а были образованы как фразеологические обороты сразу, по аналогии с уже существующими выражениями (см. § 45).

§ 44. Причины превращения свободных сочетаний слов в фразеологические обороты

Основными причинами превращения свободных сочетаний слов в устойчивые по своему составу и строению и целостные по значению фразеологические обороты являются следующие: 1) постоянное и повторяемое употребление свободных

сочетаний слов не в прямом, а в обобщенном и образно-переносном значении¹, 2) появление в свободном сочетании слов слова связанного, фразеологически ограниченного употребления и 3) выражение свободным сочетанием слов единого понятия, принадлежащего к актуальным для данной исторической эпохи².

Так, фразеологические обороты *у разбитого корыта*, *как белка в колесе*, *человек в футляре*, *бывшие люди* возникли на базе свободных сочетаний слов, появившихся соответственно под пером Пушкина, Крылова, Чехова и Горького, в результате метафоризации, при постоянном и повторяемом употреблении в переносном, образно-обобщенном значении вне того художественного контекста, в котором они зародились.

По этой же причине, в силу частого и длительного использования в метафорическом значении (опять-таки вне той речевой ситуации, в которой они возникли как свободные сочетания слов с прямым, номинативным значением) превратились в фразеологические обороты сочетания *кричать во всю Ивановскую*³, *в час по чайной ложке* (первоначально формула, разъясняющая способ приема лекарства), *хоть кол на голове теши* («такая крепкая голова»), *на безрыбье и рак рыба*, *цыплят по осени считают* и т. д.

Совсем по другой причине превратились в фразеологические обороты первоначально бывшие свободными сочетаниями слов *красная девица*, *во сто крат* (*крат* — «раз»), *потерпеть фиаско*, *пропасть даром* (слово *даром* здесь употребляется в значении «бесполезно»), *скоропостижная смерть*, *истошный крик*, *чревата последствиями* и т. д. Они стали фразеологизмами потому, что в их составе с течением времени у слов со свободным значением появилось значение фразеологически связанное. Так, фразеологическое сочетание *красная девица* состоит сейчас из двух слов: фразеологически связанного по своему употреблению в значении

¹ Б. А. Ларин (Очерки по фразеологии. «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 219) дает этому следующую формулировку: «метафоризация, расширение и обобщение значения в сторону образной типичности».

² См. понятие актуализации у Л. И. Ройзензона (Фразеологизация как лингвистическое явление. «Труды Самаркандского ун-та», № 113, 1961, стр. 113).

³ Возникло в начале XVI в., после возникновения в Кремле Ивановской площади (около колокольни Ивана Великого), на которой во всеулышание, громко дьяки оглашали царские указы.

«красивая, хорошая» слова *красная* и свободного по своему употреблению слова *девица*. О том, что *красная* — «красивая, хорошая» было раньше свободным по своему употреблению, говорят факты древнерусского языка, в котором это слово способно было соединяться с любым существительным: *уноша красньнъ зъло* (юноша очень красив); *коль красьна милость въ врѣмя скръби* (сколь хорошо благорасположение во время горя); *отврати очи твои отъ жены красьны* (отведи глаза твои от красивой женщины); *красенъ гласъ* (красивый, хороший голос); *егда слышимъ пѣсньныи птиць, различньныи гласы поющие пѣсни красньны* (когда слышим певчих птиц, различными голосами поющих красивые, хорошие песни) и т. д.

Если мы поставим вопрос о причине превращения в фразеологические обороты словосочетаний *страны народной демократии, сдать в эксплуатацию, социалистическое соревнование, педагогическая практика, режим экономики* и т. п., то таковой будет обозначение ими единого и притом актуального в настоящее время понятия. Это не значит, что для того, чтобы свободное сочетание слов превратилось в фразеологизм, оно должно обязательно стать «единственным выразителем соответствующего понятия»¹ (последнее может иногда выражаться и другими языковыми средствами), однако оно все-таки обязательно должно быть привычной и актуальной, а также частой или даже преимущественной формой обозначения соответствующего понятия, по сравнению с которой другие являются или производными и зависимыми (ср. *педагогическая практика — подпрактика* и т. д.), или менее яркими (ср. *на все сто процентов — полностью* и т. п.).

Благодаря постоянному и повторяемому употреблению вначале свободных сочетаний слов в обобщенном, образно-переносном значении, в языке возникают исконно русские фразеологические единства и фразеологические выражения коммуникативного характера (см. § 26). В результате появления в составе первоначально свободного сочетания слов слова связанного употребления в языке образуются исконно русские фразеологические сочетания. Постоянное и повторяемое обозначение исходно свободным сочетанием слов одного — актуального в данное время — понятия приводит к образо-

¹ Л. И. Ройзензон. Фразеологизация как лингвистическое явление. «Труды Самаркандского ун-та», № 113, 1961, стр. 118.

ванию на его месте исконно русского фразеологического выражения номинативного характера.

Исконно русские фразеологические сращения непосредственно из свободных сочетаний не образуются, они возникают в языке как вторичное явление, явление высшей степени фразеологизации, на базе различных фразеологических оборотов (в первую очередь — в результате потери мотивированности и метафоричности — на базе фразеологических единств, см. § 56).

Не являются причинами превращения свободного сочетания слов в фразеологический оборот «утрата подробностей» (об этом см. § 58) и изменение исходного грамматического строения (об этом см. § 59). Напротив, и утрата подробностей (ср. *ни кола, ни двора, ни милого живота* > *ни кола, ни двора*¹), и изменение исходного грамматического строения (ср. *на сон грядущим* > *на сон грядущий*) являются не причиной фразеологизации, а ее следствием и ведут не к появлению из свободного сочетания слов фразеологического оборота, а к возникновению на базе исходной формы фразеологического оборота новой, к той или иной трансформации в самом фразеологическом обороте.

Что касается «утраты реалии, того жизненного опыта, явления, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции»² (также указываемой иногда в качестве причины превращения свободного сочетания слов в фразеологический оборот), то на самом деле она представляет собой одну из причин превращения фразеологических единств во фразеологические сращения (см. § 56).

Нельзя также считать, что появление на базе свободных сочетаний слов фразеологических оборотов вызывается лишь двумя причинами: «необходимостью обозначить новые понятия и стремлением к более яркому выражению понятий, уже нашедших обозначение в языке»³.

¹ Ср. дальнейшую эллипсизацию этого выражения в индивидуально-авторском употреблении П. Антокольского:

*Нет ни изданных книг, ни любовниц, ни славы,
Ни жилья, ни угла, ни кола.
Лишь бы молодость старостью не заросла бы,
Не смолчала бы, не солгала.*

² Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 220.

³ П. А. Вовчок. К вопросу о природе идиом. «Уч. зап. Уральского ун-та», вып. 20. Свердловск, 1958 стр. 138.

Во-первых, потому, что только вторая причина является действительной причиной появления некоторых типов фразеологических оборотов; что касается «необходимости обозначить новые понятия», то она вызывает к жизни только новые слова и свободные сочетания слов (из которых лишь впоследствии могут образоваться или, напротив, не образоваться по той или иной причине фразеологические обороты).

Во-вторых, потому, что «стремление к более яркому выражению понятий, уже нашедших обозначение в языке», получает непосредственное воплощение лишь в образовании устойчивых сочетаний слов по готовой модели (см. § 45).

Подавляющее большинство существующих в современном русском литературном языке фразеологических оборотов появилось и появляется в нем по иным причинам, разобранным выше.

§ 45. Исконно русские фразеологические обороты, образованные по модели

Кроме исконно русских фразеологических оборотов, возникших в результате словоупотребления на базе свободных сочетаний слов (они образуют основную массу исконно русских фразеологизмов), в фразеологической системе русского языка есть разряд фразеологических оборотов, созданных по модели¹. Фразеологизмы такого рода образуются по аналогии и появляются в речи всегда как новообразования, подобно тому, как слова, созданные тем или иным морфологическим способом словообразования.

Первоначально, таким образом, они возникают в речи как неологизмы, лишь постепенно входя в общее употребление. Как фразеологические обороты аналогического происхождения, они всегда связаны в своем появлении со стремлением более ярко и выразительно назвать то, что в языке уже было названо, и, тем самым, подобны номинативно-стилистическим неологизмам словного характера².

В качестве примеров моделированных фразеологизмов

¹ См. С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 45.

² О номинативно-стилистических неологизмах в лексике см. А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., Изд-во Московского университета, 1957, стр. 240 и сл., а также Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., Учпедгиз, 1959, стр. 240—242.

можно назвать такие обороты, как *березовая каша*, *кормить завтраками*, *городить чушь*, *помирать со смеху*, *заложить за галстук*, *сапоги всмятку*, *без ножа зарезать*, *без году неделя*, *живой труп* и т. п. Все они возникли по модели уже существовавших в языке фразеологических оборотов, причем в одном случае с использованием одной их структуры, а в другом — с использованием как структуры, так и отдельных их компонентов (подробнее об этом см. § 71).

Так, фразеологизм *березовая каша* — «порка» возник в качестве фразеологического единства не на базе свободного словосочетания *березовая каша* (такого никогда не было, как не было и нет березовой каши!), а сразу, по модели, причем с использованием не только структуры фразеологических сочетаний типа *манная каша*, *пшеничная каша*, *гречневая каша* и т. д., но и их грамматически опорного слова — *каша*.

Так же, по модели, но уже с использованием одной структуры именных конструкций оксюморонного характера типа *белая ворона* образовано в едином акте речетворчества фразеологическое единство *живой труп* Л. Н. Толстым.

Таким образом, моделированные фразеологизмы «не проходят» стадии свободных сочетаний слов с прямым, номинативным значением. По аналогии с уже имеющимися в языке фразеологическими оборотами они создаются сразу и как образное наименование того, что уже так или иначе названо. Появляются такого рода фразеологизмы всегда как фразеологические неологизмы индивидуально-авторского характера, однако они далеко не всегда закрепляются впоследствии в общем употреблении. Последнее особенно характерно для новообразований, возникающих в художественной и публицистической литературе, которые по самой своей природе из контекстуальных оборотов превращаются в общеязыковые фразеологизмы особенно редко.

§ 46. Понятие «заимствованный фразеологический оборот»

Под заимствованным фразеологическим оборотом следует понимать такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве готовой воспроизводимой единицы языка пришло в русский язык извне и употребляется в нем в том виде, в котором оно известно или было известно в языке-источнике. Таким образом, заимствованные фразеологические обороты — это

иноязычные по происхождению фразеологизмы, употребляющиеся без перевода.

К разбираемой группе, например, относятся выражения *соль земли, исчадие ада* (*исчадие* — «детище»), заимствованные русским языком из старославянского, фразеологические обороты *alma mater* — «университет» (буквально — «кормящая мать»), *modus vivendi* — «образ жизни», пришедшие в русский язык из латинского, и т. д.

По своему характеру имеющиеся в современном русском литературном языке заимствованные фразеологические обороты распадаются на два разряда: 1) фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка, и 2) иноязычные обороты без перевода из западноевропейских языков. Первый разряд является довольно большим, более или менее стабильным и совершенно «орусевшим», второй представляет собой небольшую (постоянно уменьшающуюся) группу книжных и явно нерусских выражений, которые (если не исчезают вовсе) или вытесняются соответствующими фразеологическими кальками, или превращаются в слова.

От заимствованных фразеологических оборотов следует отграничивать как фразеологические кальки и полукальки (см. ниже), так и исконно русские фразеологические обороты, состоящие из иноязычных по происхождению слов. Последние «иноязычны» лишь по составу, но отнюдь не по происхождению, поскольку фразеологизация иноязычных слов в воспроизводимую единицу произошла уже в русском языке.

Так, фразеологизм *алгебра революции* состоит целиком из заимствованных слов, однако в качестве устойчивого сочетания слов он возник в русском языке (исходное выражение как определение философии Гегеля принадлежит Герцену) и, тем самым, является исконно русским (ср. исконно русские слова типа *акмеизм, нигилист, психопат* и т. д., состоящие из иноязычных морфем, но возникшие в русском языке).

Следует отметить также, что не гарантирует исконно русского происхождения фразеологического оборота исконно русское происхождение составляющих его компонентов. Здесь уже исконно русские обороты следует отграничивать от фразеологических калек (см. § 49) и фразеологических старославянизмов. Например, выражение *соль земли* — «наиболее творческая часть народа» целиком состоит из исконно русских слов общеславянского характера. Тем не менее оно не является исконно русским, возникшим из свободного

сочетания слов в русском языке, а представляет собой заимствование из старославянского языка. В последнем — это выражение из евангелия (так Иисус назвал своих учеников).

§ 47. Фразеологические обороты, заимствованные из старославянского языка

После появления на Руси христианства в результате влияния старославянского языка на древнерусский в последнем закрепилось довольно большое количество выражений, представляющих собой ходячие цитаты из книг священного писания (библии, псалтырей, нового завета и т. д.)

Многие из этих фразеологических старославянизмов (в силу близости словарного состава и грамматического строя старославянского и древнерусского языков) настолько прочно вошли в нашу фразеологическую систему, что не чувствуется не только их заимствованный характер, но и первоначально характерная для них книжная стилистическая окраска.

Например, усвоенные нашим языком старославянские фразеологические обороты *злачное место, всей душой, в плоть и кровь, ради бога, корень зла, знамение времени, козел отпущения, на сон грядущий* и т. д. не только не осознаются сейчас чужими для фразеологии русского языка, но и не имеют никакого специфически книжного оттенка с точки зрения стилистической. Правда, среди фразеологических старославянизмов имеется определенная часть устойчивых сочетаний слов, которым присущи книжный оттенок и архаический характер, однако таких оборотов в общем немного и употребляются они все меньше и меньше (ср. *врачу, исцелился сам* — «врач, исцелись сам», *ищите и обряцете* — «ищите и найдете», *ложь во спасение, со страхом и трепетом, терновый венец* — «терновый веноч», *смертный грех, ныне отпущаеши* и т. д.). Значительная часть фразеологических старославянизмов в своем лексическом составе не содержит никаких специфических слов и грамматических форм, не известных современному русскому литературному языку в свободном употреблении (ср. *нищие духом, не сотвори себе кумира, имеющий уши да слышит, метать бисер перед свиньями, альфа и омега, по образу и подобию, всем сердцем* и др.).

Однако многие старославянские по своему происхождению

фразеологические обороты в силу традиции их употребления и устойчивости свойственного им лексического состава имеют в себе как устаревшие слова, так и архаичные грамматические формы. Следует отметить, что наличие в лексике и грамматике выражения устаревших элементов механически не означает, что тем самым устаревшим является и выражение в целом: отношения здесь значительно сложнее (см. § 23). Во всяком случае общеупотребительными и привычными в качестве целых значимых единиц, т. е. принадлежащими к активному фразеологическому запасу современного языка, является, несмотря на наличие в их составе архаизмов, довольно большое число оборотов, усвоенных русским языком из старославянского.

К этой группе, в частности, относятся следующие выражения: *ничтоже сумняшеся* (*ничтоже* — «ничуть не», *сумняшеся* — «сомневались»), *питаться акридами* (*акриды* — «съедобная саранча» или «съедобное растение *Akris*»), *око за око, зуб за зуб* (*око* — «глаз»), *страха ради иудейска* (*иудейска* — род. пад. ед. числа краткого прилагательного *иудейскъ*), *тьма кромешная* (*кромешная* — «беспросветная», буквально — «внешняя»), *как зеницу ока* (*зеница* — «зрачок»), *в поте лица* (*в поте* — «в поту»), *всякое даяние благо* (*даяние* — «подношение, дар», *благо* — «хорошо»), *глас вопиющего в пустыне* (*глас* — «голос», *вопиющий* — «кричащий»), *не от мира сего* (*сей* — «этот»), *краеугольный камень*, *притча во языцех* (*языцех* < *языцьхъ* — старая форма предложн. пад. мн. числа от слова *языкъ* в значении «народ»), *земля обетованная* (*обетованная* — «обещанная»), *бразды правления* (*бразды* < *броды* < *бръзды* — «вожжи, удила»), *иже с ними* (*иже* — «которые»), *во время оно* (*оно* — форма ср. рода от *онъ* — «оный, тот»), *до скончания века* (*скончание* — «конец», *век* — «жизнь»), *имя им легион* (*легион* — «10000»), *святая святых* (*святая* — им. пад. множ. числа от *святое*) и др.

От фразеологических оборотов, заимствованных из старославянского языка и представляющих собой те или иные изречения из церковно-богослужебных книг, следует отличать фразеологизмы, возникшие позднее на базе библейских и евангельских мифов уже в русском языке.

Такими, например, являются в фразеологической системе современного русского языка обороты *избиение младенцев*, *зарыть талант в землю*, *строить на песке*, *волк в овечьей шкуре*, *вавилонское столпотворение*, *Содом и Гоморра* и т. д.

Так, фразеологизма *волк в овечьей шкуре* как такового в старославянском языке не было. Он появился в русском языке на базе евангельского отрывка: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»¹. Образ, положенный в основу фразеологического оборота *волк в овечьей шкуре*, заимствован, сам же фразеологический оборот — в характерной для него форме и лексико-грамматическом составе — по своему возникновению в качестве целостной единицы является исконно русским.

§ 48. Фразеологические обороты без перевода из западноевропейских языков

В отличие от фразеологических старославянизмов, в своем подавляющем большинстве совершенно неощущаемых как иноязычные обороты, иностранный характер выражений, заимствованных русским языком без перевода из западноевропейских языков, как правило, совершенно ясен. Нерусское происхождение этих фразеологизмов, по своему употреблению ограниченных книжной речью, проявляется как в том, что нередко они не транслитерированы и передаются не русскими буквами, а посредством латинского алфавита, так и в том, что слова, из которых они состоят, сохраняют обычно все присущие им в языке-источнике свойства (ср., впрочем, *идея фикс* вместо *idée fixe* — из франц. яз.). В этом отношении иноязычные фразеологические обороты без перевода аналогичны лексическим варваризмам, почему могут быть названы иностранными фразеологическими оборотами (ср. *Alea jacta est* — «жребий брошен» (Ю. Цезарь) — из лат. яз., *honoris causa* — «ради почета, за заслуги» — из лат. яз., *à la guerre comme à la guerre* — «на войне как на войне» — из франц. яз., *ол райт* — «хорошо, все в порядке» — из англ. яз.). Чужезычность соответствующих выражений лишней раз подчеркивается наличием у многих из них соответствующих им фразеологических калек (ср. лат. *o tempora, o mores* и *о времена, о нравы* (Цицерон), итал. *dolce far niente* и *сладкое ничегонеделание*, франц. *фасон парле* < *façon de parler* и *манера выражаться* и т. д.). Как выше уже отмечалось, в количественном отношении

¹ Ср. в Остромировом евангелии: *Приходять къ вамъ въ одеждахъ овьчахъ, утрьюду* (*утрь* — «внутри», *юду* — суффикс наречия, ср. *всюду* от *вьсь* — «весь») *же суть вълци и хищници*.

разбираемая группа является небольшой и не увеличивается в своем составе, а, напротив, все более и более уменьшается.

Сужение круга иностранных фразеологических оборотов происходит не только за счет ухода из употребления в силу их архаизации (ср. устаревшие и малоупотребительные сейчас выражения *ipso facto* — «в силу самого факта», *profession de foi* — «символ веры», *ultima ratio* — «последнее средство» и т. д.), но также и в силу того, что они или вытесняются более употребительными однозначными фразеологическими кальками, или сливаются в слова.

Так, иностранные фразеологизмы *homo homini lupus est* (из лат. яз., выражение из комедии «Ослы» древнеримского писателя Плавта), *tertium non datur* (из лат. яз.), *time is money* (из англ. яз., афоризм американского политического деятеля В. Франклина), *enfant terrible* (из франц. яз.) и т. д. все более и более вытесняются соответствующими фразеологическими кальками (о них см. § 49 и сл.): человек человеку — волк, третьего не дано, время — деньги, ужасный ребенок и т. д. Что касается, например, иностранных фразеологизмов *table d'hôte* (из франц. яз.), *chef d'œuvre* (из франц. яз.), *qui pro quo* (из лат. яз.), *salto mortale* (из итал. яз., буквально — «смертельный прыжок»), *bon mol* (из франц. яз.), *beau monde* (из франц. яз.), *va banque* (из франц. яз.), *comme il faut* (из франц. яз.), *i grec* (из франц. яз., буквально — «греческое i»), то они превратились сейчас в целостные слова *табльдот*, *шедевр*, *квипрокво*, *сальто-мортале*, *боммо*, *бомонд*, *ва-банк*, *комильфо*, *игрек*.

Языком-источником подавляющего большинства иностранных фразеологизмов является латинский язык (ср. *argumentum ad hominem*, буквально — «аргумент применительно к человеку», *nomina sunt odiosa*, буквально — «имена ненавистны», *aqua vita* — «водка», *alter ego* — «второе я», *volens nolens* — «волей-неволей», *персона грама*, буквально — «желанная личность», *pater familias* — «отец семейства», *deus ex machina*, буквально — «бог из машины», *in medias res*, буквально — «в середину дела», *pro et contra* — «за и против», *quo vadis* — «куда идешь», *casus belli* — «состояние войны», *terra incognita* — «неизвестная земля» и т. д.). Фразеологические обороты, заимствованные из остальных языков, представлены единичными примерами. (ср. *гуд бай* (из англ. яз.), *carte blanche* (из франц. яз.), *finita la commedia* (из итал. яз.), *raison d'être* (из франц. яз.) и т. д., см. также отмеченные выше).

§ 49. Понятие «фразеологическая калька»

Значительный разряд существующих в современном русском литературном языке фразеологических оборотов составляют фразеологические кальки.

Под фразеологической калькой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота. Фразеологические кальки возникают тогда, когда чужой фразеологический оборот переводится на русский язык не целиком, а по составляющим его компонентам, т. е. по словам, из которых он складывается.

Тем самым, между прочим, фразеологическое калькирование в ряде случаев приводит к возникновению таких русских словосочетаний, в которых синтаксические связи и семантические отношения слов не соответствуют существующим в русском языке правилам и законом. Это обстоятельство позднее может отразиться в развитии новых переносных значений и новых моделей сочетания слов.

Поясним, что такое фразеологическая калька, на конкретных примерах. В современном русском литературном языке довольно часто употребляется фразеологический оборот *борьба за существование*. Это фразеологическая калька английского выражения *struggle for life*, восходящего к заключительным словам заглавия книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859). Соответствующий фразеологизм был переведен по своим частям: сущ. *struggle* — словом *борьба*, предлог *for* — предлогом *за*, сущ. *life* — словом *существование*.

В разговорной речи очень употребительно фразеологическое сращение *иметь зуб (против)*. Своим происхождением оно обязано французскому обороту *avoir une dent (contre)* и представляет его буквальный пословный перевод: *avoir* значит *иметь*, *une dent* (ср. *дантист*) — *зуб*, *contre* (ср. *контрудар*) — *против*. Соединенные вместе, эти слова и образуют фразеологическую кальку с французского выражения *иметь зуб (против)*. Простой перевод этого французского выражения в том или ином контексте может быть осуществлен употреблением его русского семантического эквивалента *злиться (на кого-нибудь)*.

Фразеологический оборот *разбить на голову* возник в результате калькирования немецкого выражения *auf's*

Haupt schlagen: предлог *auf* был переведен предлогом *на*, сущ. *Haupt* — сущ. *голова* (в вин. пад. — *голову*) и глагол *schlagen* — глаголом *разбить* и т. д.

§ 50. Точные и неточные фразеологические кальки

Пословный перевод иноязычного фразеологического оборота, каким является фразеологическая калька, может быть как абсолютно точным, так и в известной степени приближительным. Последнее в объективном плане объясняется прежде всего тем, что лексико-грамматические нормы языка, оборот которого калькируется, в известной степени отличаются от лексико-грамматических норм русского языка.

В силу этого фразеологические кальки могут быть точные и неточные.

Точные фразеологические кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чужого фразеологизма без каких-либо отступлений (ср. *задняя мысль*, передающее франц. *arrière pensée*; *иметь место*, передающее франц. *avoir lieu*; *синий чулок*, передающее англ. *blue stocking*; *бумага не краснеет*, калькирующее лат. *epistola non erubescit* и т. д.). Неточные фразеологические кальки — пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его отдельных компонентов. Например, тот факт, что в русском языке в качестве определения более обычны препозитивные прилагательные, нежели родительный падеж постпозитивного существительного, привел к тому, что в нем появились такие неточные кальки, как *железная дорога* (< франц. *chemin de fer*, буквально — «дорога железа»), *дневное светило* — «солнце»¹ (франц. *flambeau de jour*, буквально — «светило дня»), *с птичьего полета* (франц. *à vol d'oiseau*, буквально — «с полета птицы») и т. д. В качестве неточных фразеологических калек можно указать также такие обороты, как *от всего сердца* (франц. *de tout son coeur*, во французском обороте слово *сердце* имеет определение *mon* — «мой»), *аппетит приходит во время еды* (франц. *l'appétit vient en mangeant*, французское *en*

¹ Ср. *Погасло дневное светило* (Пушкин).

² В польском языке соответствующий французский фразеологизм дал точную фразеологическую кальку — *z lotu ptaka*.

mangeant, буквально — «в едении», передано сочетанием трех слов: *во время еды*), *быть как на иголках* (франц. *être sur des épines*; во французском обороте отсутствует сравнительный союз *как*) и т. д.

К неточным фразеологическим калькам примыкают фразеологизмы, возникшие в русском языке в результате неточного калькирования иноязычных сложных слов.

Как известно, в результате калькирования слов (поскольку оно является поморфемным переводом чужого слова с помощью соответствующих морфем, свойственных русскому языку) возникают слова¹ (ср. *плотность* < франц. *solidité*², *небоскреб* < англ. *skyscraper*, *сверхчеловек* < нем. *Übermensch* и т. д.). Однако это наблюдается не всегда. В ряде случаев на месте слова при калькировании появляется фразеологический оборот. Это явление наблюдается тогда, когда калькируются иноязычные сложные слова, составные части которых могут быть переданы не только морфемами (см. выше), но и целыми лексическими единицами.

Здесь (как и, например, при калькировании нем. *Übermensch*, давшего в русском языке сущ. *сверхчеловек*) перевод чужого слова осуществляется по морфемам, однако заменяются при этом они не аналогичными русскими морфемами, а соответствующими по своей семантике словами. Так возникали, например, в русском языке фразеологические обороты *детский сад*, *соломенная вдова*, *порядок дня*, *прибавочная стоимость*, *адамово яблоко* и т. п., передающие соответственно немецкие слова *Kindergarten*, *Stroh-witwe*, *Tagesordnung*, *Mehrwert*, *Adamsapfel* и др.

§ 51. Источники фразеологических калек в русском языке

Среди бытующих в настоящее время фразеологических калек наблюдаются как обороты, семантически эквивалентные слову (см. § 13, 14), так и обороты, смысл которых складывается из значения составляющих их компонентов.

Подавляющее большинство фразеологических калек,

¹ О лексических кальках см. Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., Учпедгиз, 1959, а также Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, ч. I. М., Учпедгиз, 1958, стр. 54—56.

² Сущ. *плотность* как лексическая калька франц. *solidité* является неологизмом А. Д. Кантемира.

представляющих собой единства и сращения и равнозначных словам, является буквальным переводом соответствующих французских выражений, влившихся в русский язык в конце XVIII — начале XIX вв.; значительно меньше в русском языке пословных переводов таких фразеологических единиц из других языков (латинского, греческого, немецкого, английского, итальянского). Что касается фразеологических калек, являющихся фразеологическими сочетаниями и фразеологическими выражениями, то здесь их преобладающий язык-источник назвать довольно трудно.

Основная масса фразеологических калек представляет собой обороты, иноязычность структуры которых совершенно не чувствуется. Это объясняется тем, что по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они никак не отличаются от тех оборотов, которые являются исконно русскими. В качестве примеров фразеологических калек, употребляющихся в современном русском литературном языке, кроме отмеченных в §§ 49—50, можно привести следующие:

1) Кальки французских выражений: *бросить тень (на)* (*jeter les ombres (sur)*), *носить отпечаток* (*porter l'empreinte*), *ломиться в открытую дверь* (*enfoncer une porte ouverte*), *убить время (tuer le temps)*, *сломать лед* (*rompre la glace*), *с первого взгляда* (*au premier aspect*), *начало конца* (*commencement de fin*), *лучше поздно, чем никогда* (*mieux vaut tard que jamais*), *башня из слоновой кости* (*tour d'ivoire*¹), *быть в числе* (*être dans le nombre*), *иметь немножко терпения* (*avoir un peu patience*), *игра не стоит свеч* (*le jeu n'en vaut pas la chandelle*), *видеть всё в черном свете* (*voir tout en noir*)², *работать как вол* (*travailler comme un bœuf*), *вопрос жизни и смерти* (*une question de vie et de mort*), *медовый месяц* (*la lune de miel*)³ и т. д.⁴

2) Кальки фразеологических оборотов из других языков:

¹ Выражение Сент-Бёва из его стихотворного послания «A. M. Villemain» для характеристики А. де Виньи.

² Ср. художественный образ, созданный на базе этого оборота А. С. Пушкиным: *Но от друзей спаси нас, боже! Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я. А что? Да так. Я усыпляю пустые, черные мечты* (мечты здесь значит «виденья»).

³ Выражение Вольтера из его философского романа «Задиг, или Судьба».

⁴ Другие примеры см. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, стр. 163—168.

состояние войны (лат. *status belli*), синий чулок (англ. *blue stocking*), железный занавес (англ. *iron curtain*), порочный круг (лат. *circulus vitiosus*), вот где собака зарыта (нем. *Da ist der Hund begraben*), крылатые слова (нем. *geflügelte Worte*), жизненный уровень (англ. *standard of life*), холодная война (англ. *cold war*), лебединая песня (греч. *kukneion asma*), невзирая на лица (нем. *ohne Ansehen der Person*) и т. п. Многие из такого рода фразеологических калек представляют собой дословный перевод так называемых крылатых слов, т. е. афоризмов, авторы которых известны говорящим до сих пор: *быть или не быть* (Шекспир), *о святая простота* (Ян Гус), *что и требовалось доказать* (Эвклид), *и ты, Брут* (Шекспир), *блистать своим отсутствием* (Мари-Жозеф Шенье), *король-то голый* (Андерсен), *слуга двух господ* (Гольдони), *стиль — это человек* (Бюффон), *золотая середина* (Гораций), *люди, будьте бдительны* (Фучек) и др.

§ 52. Фразеологические полукальки

Кроме фразеологических калек, в фразеологической системе современного русского литературного языка имеется также группа фразеологических полукалек. Фразеологической полукалькой является полуперевод, полужаимствование чужого фразеологического оборота. Она появляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода.

Так, французский фразеологизм *battre en brèche* подвергся в русском языке неполному калькированию, при котором слова *battre en* были переведены глаголом *пробить*, а слово *brèche* заимствовано. В результате возникла фразеологическая полукалька *пробить брешь*.

В качестве фразеологических полукалек (ср. лексические полукальки типа *гуманность*, *телевидение*, *адмиралтейство* и т. д.) можно указать обороты *бравурная ария* (франц. *air de bravoure*), *трен жизни* (франц. *train de vie*), *сделать сцену* (франц. *faire une scène*), *принять резолюцию* (франц. *prendre une résolution*)¹, *смешать карты* (франц. *brouiller les cartes*), *артезианский колодец* (франц. *puits artésien*), *дядя Сэм* (англ. *uncle Sam*), *желтая пресса* (анг. *jellow*

¹ Кроме полукальки, этот французский фразеологизм дал уже в русском языке XVIII в. и фразеологическую кальку — *принять решение*.

press) и т. д. Фразеологической полукалькой французского выражения *faire la cour* (правда, особой, в силу отложившейся в ней ложной, или так называемой «народной», этимологии) является и фразеологическое сращение *строить куры* — «ухаживать»¹. Оно появилось в русском языке в результате перевода слова *faire* глаголом *строить* (первоначально — *делать*)² и заимствования существительного *cour* — «двор» с переоформлением его затем в *куры* под влиянием существительного *куры* (ср. исконно русское *петушиться*).

§ 53. Фразеологическое калькирование и степень семантической слитности фразеологических оборотов языка-источника

Анализ калек и полукалек иноязычных фразеологизмов, наблюдающихся в современном русском литературном языке, показывает, что между степенью семантической слитности фразеологического оборота и способностью его калькироваться существует тесная и определенная связь и соотношение.

Совершенно свободно калькируются фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Среди имеющихся в русском языке фразеологических калек и полукалек больше всего именно оборотов этого рода.

В значительно меньшей степени способны калькироваться фразеологические единства, представляющие собой, как уже указывалось (см. § 14), обороты образного характера. Это объясняется тем, что во многих иноязычных фразеологических единствах содержится специфически национальная и в силу этого чуждая русскому языку мотивировка названия, выступают в качестве компонентов экзотические слова³, наблюдается неперевоаемая игра слов и т. д.

¹ Ср. также сращение этого оборота без перевода в слово *ферлак кур* — «волокита»: *Да уж не говорите, такой ферлак кур, что просто беда* (Григорович, «Лотерейный бал»).

² Ср. у Сумарокова: *Однако знанием хотела поблистать И ставила слова французские некстати, Сказала между тем: «Я еду делать кур». Сказали дурище, внимая то соседки: «Какой плетешь ты вздор, кур делают наседки».*

³ Т. е. слова, характеризующие быт и специфические национальные черты того или иного народа.

Именно поэтому иноязычные обороты подобного типа чаще всего передаются при переводе эквивалентными по смыслу и стилистической окраске фразеологизмами и словами русского языка.

Способностью легко калькироваться среди иноязычных фразеологических единств обладают лишь те, пословный перевод которых сохраняет всю лингво-стилистическую специфику оригинала (ср. при наличии буквы *i* в дореволюционной орфографии кальку французского оборота *mettre les points sur les i* — *ставить точки над и*). Почти все калькируются — в связи с их условностью и немотивированностью, а также особенностями в лексико-грамматическом составе — иноязычные фразеологические сращения (ср. франц. *entre chien et loup* — «в сумерки», буквально — «между собакой и волком») ¹; нем. *auf der Palme sitzen* — «быть вне себя», буквально — «на пальме сидеть»; франц. *se mettre sur son trente et un* — «разодеться в пух и прах», буквально — «пуститьсь в свои тридцать одно»; англ. *to cut off with a shilling* — «лишить наследства», буквально — «отрезать с шиллингом» и т. д.). В тех редких случаях, когда калькируется фразеологическое сращение, получившийся фразеологизм обязательно подвергается воздействию «народной» этимологии (ср. оборот *строить куры*, см. § 58).

§ 54. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления

Как в учебных пособиях, так и в специальных статьях при рассмотрении фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их происхождения собственно генетический аспект неправомерно смешивается с другими аспектами.

Особенно часто классификация фразеологизмов русского

¹ В индивидуально-авторском употреблении соответствующее французское фразеологическое сращение в виде кальки известно, однако оборот в этих случаях сознательно писателями разлагается, в определенных стилистических целях они пользуются им как если бы это было самым свободным сочетанием слов. Ср.: *Люблю я дружеские враки и дружеский бокал вина порою той, что названа поря меж волка и собаки, а почему, не вижу я* (Пушкин). Ср. также: *Между волком и собакой забегал он ко мне — выпивал галон пива, ел что попало, и когда волк брал верх над собакой, Мюллер уж сидел в райке какого-нибудь театра, заливаясь громким гуттуральным смехом и потом, струившимся со всего его лица* (Герцен).

языка с точки зрения их происхождения без каких-либо логических оснований «перебивается» классификацией с точки зрения первоначальной сферы их употребления как устойчивых сочетаний слов. Вследствие этого совершенно неправильно в один ряд ставятся разряды, однородными не являющиеся (например, идиомы, русские пословицы и поговорки, профессиональные выражения, библейские выражения, переводы иноязычных пословиц и поговорок, иноязычная фразеология в оригинале, меткие слова выдающихся людей, цитаты из русских литературных произведений и т. д.¹).

Выше (§§ 42—54) уже говорилось, на какие группы распадаются фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения. Ясно, что эти группы совершенно не совпадают с теми, которые можно выделить в современной русской фразеологии с точки зрения сферы первоначального употребления фразеологизмов как целостных значимых единиц языка, т. е. с точки зрения того, где соответствующие фразеологические обороты стали фразеологизмами. Так, профессиональные выражения могут быть как исконно русскими, так и кальками и полукальками, меткие слова выдающихся людей также могут быть заимствованными и т. д.

Поэтому классификация фразеологических оборотов с точки зрения первоначальной сферы их употребления носит подчиненный характер, уточняя и детализируя генетическую классификацию фразеологизмов в целом.

Имея в виду сферу первоначального употребления, фразеологические обороты исконно русского характера можно разделить на следующие группы:

1. Выражения из разговорно-бытовой речи, включая сюда и ходячие обороты, и пословицы, и поговорки (*потерять голову; на босу ногу; в сорочке родился; на безрыбе и рак рыба; терпенье и труд все перетрут; мал золотник, да дорог; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; не все то золото, что блестит; цыплят по осени считают; зубы заговаривать; сказка про белого бычка; скатертью дорога; за тридевять земель; сумя переметная; хоть кол на голове теши; красная девица; чудеса в решете* и т. д.).

2. Выражения из профессиональных диалектов и арго

¹ См. подобную классификацию, например, в кн. А. М. Финкель и Н. М. Баженов. Современный русский литературный язык. Киев. «Радянська школа», 1960, стр. 97 и сл.

(разделать под орех, топорная работа, без сучка без задоринки — из речи столяров; ставить в тупик, зеленая улица — из словоупотребления железнодорожников; играть первую скрипку, задавать тон — из профессионального диалекта музыкантов; ни в зуб ногой — из школьного аргю; втирать очки, карта бита, идти в гору — из аргю картежников; на всех парусах, закусить удила, тянуть канитель и т. д.).

3. Выражения из книжно-литературной речи, включая:

а) отслоения научной терминологии, например: отрицательная величина, центр тяжести, довести до белого каления, катиться по наклонной плоскости, привести к общему знаменателю и т. д.;

б) устойчивые обороты из художественной литературы и публицистики, которые обычно называются крылатыми словами: всерьез и надолго; лучшие меньше, да лучше; социализм — это учет (В. И. Ленин); а ларчик просто открывался; слона-то я и не заметил; Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку; наделала синица шуму, а моря не зажгла; медвежья услуга (Крылов); с чувством, с толком, с расстановкой; свежо предание, а верится с трудом; служить бы рад — прислуживаться тошно; и дым отечества нам сладок и приятен (Грибоедов); мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь; жалок тот, в ком совесть нечиста; не мудрствуя лукаво; окно в Европу; а счастье было так возможно; глаголом жги сердца людей (Пушкин); большому кораблю — большое плаванье; унтер-офицерская вдова сама себя высекла; мертвые души; есть еще порох в пороховницах (Гоголь); суждены нам благие порывы; вот придет барин, барин нас рассудит; рыцарь на час; кому на Руси жить хорошо (Некрасов); чего изволите; применительно к подлости; административный восторг; мягкотелый интеллигент (Салтыков-Щедрин); живой труп; чем люди живы (Л. Толстой); человек в футляре; двадцать два несчастя; как бы чего не вышло (Чехов); дворянское гнездо; отцы и дети; друг Аркадий, не говори красиво; дважды два — стеариновая свечка; лишние люди (Тургенев); в карете прошлого далеко не уедешь; Человек — это звучит гордо; рожденный ползать — летать не может; если враг не сдается — его уничтожают (Горький); кисейная барышня; мещанское счастье (Помяловский); ничто не ново под луной (Карамзин); во всех ты, душенька, нарядах хороша (Богданович);

*во весь голос (Маяковский); и кончен бал (Баратынский);
жалкие слова; обыкновенная история (Гончаров); маг
и волшебник (Сухово-Кобылин); муки слова (Надсон); мы
пахали (Дмитриев); на заре туманной юности (Кольцов);
смотри в корень (Прутков); что делать (Чернышевский);
и т. д.*

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ, СТРУКТУРЕ И СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

§ 55. Исторический характер современного вида фразеологических оборотов

В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологический оборот всегда имеет вполне определенное значение и постоянные состав и структуру (об этом см. § 4). Однако то значение, которое в данный момент является для него характерным, его состав и структура далеко не всегда совпадают с теми, которые для него были свойственны в момент появления в языковой системе. Процессы, происходящие в языке в целом, особенно изменения в лексике и грамматике, явления аналогического воздействия и народноэтимологического сближения и, наконец, эвфонической обработки очень часто приводят к тому, что с течением времени и внешний вид, и внутренняя сущность фразеологического оборота резко меняются. Так, фразеологический оборот *на тебе, боже, что нам не гоже*, обладающий ярко антирелигиозной направленностью имел первоначально совсем иной характер. Он возник в результате каламбурно-ритмической переработки из выражения *на тебе, убоже, что нам не гоже*, в котором *убоже* представляет собой форму звательного падежа от *убог* — «нищий, бедняк» (*у* — «не», ср. *утлый, урод* и т. д.; *бог* — то же, что *богатый*)¹. Еще более серьезной переделке — в силу народноэтимологического осмысления — подвергся фразеологизм *как кур (петух, ср. курица) в оцип*, переживший процесс своеобразного «переразложения» и превратившийся в сращение *как кур во щи*.

Однако особенно показательным в этом отношении

¹ Ср. в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: *Monsieur l'Abbé, француз убогий* («бедный, нищий»).

является история оборота *и никаких гвоздей*, в современной форме возникшего совсем недавно (ср. помету «новое» в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. И. Ушакова). На примере изменений, которым подвергся этот фразеологизм, можно продемонстрировать как процесс эллипсирования, так и обратный ему процесс распространения фразеологических оборотов.

Дело в том, что современная форма (с союзом *и* перед сочетанием местоимения и существительного) появилась в результате добавления к обороту *и никаких слова гвоздей* (ср. у Маяковского: *Светить и никаких гвоздей — вот лозунг мой и солнца*), в то время как оборот *и никаких* является сокращением ходячего выражения военной команды *Смирно, и никаких движений*, окончательно вошедшего в обиход в конце XIX в. Объяснение значения и стилистической оценки этого фразеологизма, а также его происхождения в общелитературной речи мы находим уже в романе «Перевал» П. Д. Боборыкина (Полн. собр. соч., т. 7, изд. Ф. Маркса, стр. 251—255):

«О чем-то заспорили, и вдруг Мод или сестра ее Мэдж пустила стремительно: — *И никаких!*»

Она хотела этим непонятным, бессмысленным словечком отличиться перед Гольцем. Он захолопал в ладоши, и все были в восхищении. Они отлично понимали, что это значит.

«Господи! — воскликнула про себя Нина — Что же это такое?» «*И никаких!*» — повторяла она, беззвучно переводя губами и стараясь запомнить таинственный термин... Единственное, что она получила от него, это подробно объяснение нелепого возгласа «*И никаких!*». Девицы и их кавалеры употребляют его тогда, когда надо сказать: «нечего тут разговаривать, это так или это превосходно». Пошло это с учений, когда взвод или эскадрону офицер кричит: «Смирно, и никаких движений!».

Поскольку фразеология русского языка в диахроническом аспекте почти не изучалась, сейчас трудно еще дать характеристику всем возможным процессам.

Ниже будут указаны поэтому лишь такие факты, которые являются наиболее очевидными и важными.

§ 56. Изменения в степени семантической слитности фразеологических оборотов

Краткий обзор изменений, наблюдающихся в значении, составе и структуре фразеологических оборотов, можно начать с разбора внутренних процессов «опрощения», «переразложения» и «усложнения», протекающих в фразео-

логизме по самым различным причинам. Под этими процессами следует понимать различного рода трансформации семантических связей и соотношений частей оборота по отношению к семантике его в целом. Известная аналогичность их тем процессам, которые наблюдаются в морфологической структуре слова¹, условно позволяет назвать эти явления фразеологизации «словообразовательными» терминами.

Под опрощением фразеологического оборота следует понимать превращение того или иного мотивированного фразеологизма в немотивированное, семантически неразложимое и целостное фразеологическое сращение. В качестве примеров фразеологизмов, переживших такой процесс, можно указать обороты *в бирюльки играть*, *в ногах правды нет*, *турусы на колесах* и т. д. Все они являются сейчас фразеологическими сращениями, но возникли в результате опрощения из фразеологических единств.

Образный характер этих оборотов стерся, мотивированность их семантики исчезла потому, что были утрачены те реалии, которые назывались соответствующими свободными сочетаниями слов: мы не знаем уже игру в бирюльки, состоявшую в «выбрании» из кучи одну за другой соломинок (бирюлек), не рассыпая при этом остальных; слова *в ногах правды нет* нами давно не связываются с приемами ведения в Древней Руси следствия²; говорящим на современном русском литературном языке не известныдвигающиеся на колесах осадные башни — турусы или тарасы (ср.: *И тарасы рубленые велелъ привести, яже приготовлены, против Казани поставити; И прикатишиа туры и щиты со всѣхъ странъ граду* и т. д.).

Под переразложением фразеологического оборота следует понимать то или иное изменение связей и соотношений между общей семантикой оборота и значением составляющих его отдельных компонентов, не ведущее к потере мотивированности.

Так, в момент своего появления в русском языке в качестве воспроизводимой единицы оборот *с красной*

¹ О них см. Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., Учпедгиз, 1959, стр. 124 и сл.

² Этот оборот существует как воспоминание о старинной судебной практике, «когда подвешивали подозреваемого и били по ногам толстыми прутьями, допытываясь правды, и, конечно, не добивались настоящей, а слышали лишь вымученную» (С. Максимов. Крылатые слова. М. Гослитиздат 1955, стр. 378).

строки был фразеологическим выражением; в котором все слова имели свободное употребление и целостная семантика которого являлась суммой значений отдельных слов. С течением времени (в связи с тем, что абзацные и заголовочные строки перестали начинаться красными (киноварными) буквами), слово *красная* в разбираемом обороте приобрело переносное и связанное по своему употреблению значение — «абзацная, заголовочная». Последнее повело к превращению фразеологического выражения *с красной строки* в фразеологическое сочетание, каким оно осознается и сейчас. Произошло переразложение: мотивированный характер фразеологического оборота сохранился, но степень семантической слитности изменилась.

Усложнением фразеологического оборота можно назвать переход фразеологического сращения в так или иначе мотивированный фразеологизм (т. е. в единство, сочетание или выражение).

Этот процесс, например, пережит фразеологизмом *вавилонское столпотворение* после превращения его из единства в сращение. Фразеологическое сращение *вавилонское столпотворение* (оно стало таким тогда, когда значение «шум, суматоха, беспорядок» перестало быть зависимым от библейского мифа о постройке в Вавилоне башни до неба) подверглось усложнению в силу того, что рядом с ним и на базе его появились эквивалентное ему по семантике существительное *столпотворение*. В настоящее время оборот *вавилонское столпотворение* осознается как фразеологическое сочетание.

Указанные изменения в степени семантической слитности фразеологических оборотов «внешних» сторон их непосредственно не затрагивают, хотя и могут потом сказываться и на их значениях, и на их составе и структуре.

§ 57. Изменения в семантике фразеологических оборотов

Наиболее частым и бросающимся в глаза процессом, происходящим в фразеологической системе русского языка, является всевозможное изменение значений, свойственных фразеологическим оборотам как целостным и воспроизводимым единицам. Поскольку ничего принципиально нового здесь по сравнению со словами не наблюдается, ограничимся двумя примерами. Фразеологический оборот *как пить дать*

значит в настоящее время «наверняка», однако еще во второй половине XIX в. его значение было иным (причем более «этимологическим») — «быстро, легко», т. е. так быстро, легко, как подать пить, как пить дать), ср. у Мельникова-Печерского в романе «В лесах»: *Небывалого, вот хоть тебя к прилепу взять, оплетут, как пить дать, мигнуть не успеешь.*

Еще более серьезные изменения произошли в семантике устойчивого сочетания слов *скатертью дорога*, имеющего сейчас значение «убирайся». Первоначальное значение этого оборота было прямопротивоположным, энантиосемическим, так как им выражалось пожелание счастливого пути, гладкой, как стол, т. е. скатерть, дороги.

При объяснении этого фразеологизма следует учитывать также старое значение и форму слова *скатерть* (< *дъскабрьть*), обозначавшего первоначально верхнюю крышку стола (такое значение у этого существительного в древнерусском языке было еще известно). Как видим, в данном случае в фразеологизме возникло энантиосемическое исходному для него значение, подобное по возникновению тем, которые отмечаются, например, для слов *наверное* (исходное значение — «наверняка»), *честить* (исходное значение — «оказывать честь») и т. д.

§ 58. Изменения в лексическом составе фразеологических оборотов

Изменения в лексическом составе фразеологических оборотов прямо и непосредственно связаны как с тем, что происходит в лексической системе языка в целом, так и с тем, в каком направлении осуществляется говорящими дальнейшая обработка фразеологизмов.

Наиболее важными процессами, которые здесь необходимо указать, являются следующие:

- 1) замена одного компонента фразеологического оборота другим, синонимичным или подобозначным;
- 2) возникновение в фразеологизме не существующих вне его слов;
- 3) возникновение в фразеологизме незначимых компонентов;
- 4) сокращение лексического состава фразеологических оборотов;
- 5) добавление к исходному лексическому составу новых

слов (иллюстрацией этого процесса может быть история оборота *и никаких звезд*, см. § 55).

Несколько примеров.

1. Фразеологический оборот *на том свете* первоначально имел вид *на оном свете* (< на ономъ свѣтъѣ), ср. в древнерусском языке: *На ономъ свѣтъѣ в огнь горѣть, на ономъ свѣтъѣ прилмутъ муку* и т. д. Его первоначальный лексический состав изменился (слово *онъ* — «тот» было заменено словом *тот*) потому, что этот оборот стал принадлежностью разговорно-бытовой речи, в которой слово *онъ* в качестве указательного местоимения было вытеснено словом *тот*. Такого процесса не наблюдается в книжном выражении *во время оно* именно в силу того, что оно является книжным.

По той же причине синонимическими словами *сразу* и *глаз* были заменены слова *вдруг*¹ и *око* в оборотах *Москва не вдруг строилась* и *бить в очи* (о нем см. § 43).

Замену компонентов мы будем наблюдать также в выражении *работа не волк — в лес не убежит*, однако причина здесь другая. Толчком к лексической перестройке фразеологизма послужил факт разрушения его эвфонической целостности при переходе из южновеликорусских говоров (с мягким *т* в окончании 3 лица глаголов: *уйдетъ, несеть, говорятъ, будутъ* и т. д.) в северовеликорусское наречие. Первоначально выражение имело вид *дело не медведь — в лес не уйдетъ* и было рифмованным.

В силу народноэтимологического осмысления непонятных, но близких по звучанию слов *кур* (< франц. *cour*) и *белуха* произошла их замена словами *куры* и *белуга* в оборотах *строить куры* и *реветь белугой* (см. § 20).

2. Возникновение в устойчивом сочетании слов лексических единиц, вне его более нигде не существующих, связано с выходом соответствующих слов из актуального и свободного употребления.

То или иное слово при появлении фразеологизма как воспроизводимой единицы было по своему употреблению свободным и принадлежало к активной лексике, тем самым употребляясь как внутри оборота, так и вне его, в сочета-

¹ Наречие *вдруг* здесь имеет архаическое значение — «одновременно, сразу», ср. такое же устаревшее значение этого слова во фразе: *Как с облаков ты можешь обозреть все царство вдруг: границы, грады, реки* (Пушкин, «Борис Годунов»).

нии с самыми различными словами. Позднее же сфера его реализации как лексической единицы сужается и становится фразеологически ограниченной зачастую одним-единственным оборотом (в таком случае с устойчивостью на 100%)¹.

Последнее обстоятельство ведет к возникновению в фразеологизмах только им свойственных лексических инкрустаций, потенциальных слов, поскольку их словная сущность семантически и грамматически почти не реализуются.

В качестве примеров (кроме тех, которые указывались в § 22) можно привести следующие фразеологизмы: *писать мыслете* (*мыслете* — старое название буквы *м*), *с гулькин нос* (*гулькин* — относительно-притяжательное прилагательное от *гулька* < *гуля* — «голубь», *с гулькин нос*, буквально — «с голубиный нос»), *всякая всячина, витать в эмпиреях* (*эмпиреи* — «воздушное пространство», ср. *витать в облаках*), *забубенная головушка* (*забубенная* — суффиксальное производное от *забубены* < *забобоны* — «вздор», ср. диал. *бобы* — «бестолковый человек», сербохорв. *бобонити* — «тупеть» и т. д.), *и в помине нет* (ныне устаревшее и фразеологически связанное *помин* значит «воспоминание» и является безаффиксным производным от *помянуть* — «вспоминать»), *в три погибели* (*погибель* — «сгиб»: «согнуть в три погибели» — значит не иначе, как таким мучительным способом, который практиковался при пытках и прямо доводил до смерти: привязывали к ногам голову; в веревку ввертывали палку и начинали накручивать ее до такой степени, чтобы голова пригнулась к ногам бесповоротно и вплотную. Тут можно добиться только того лишь, чтобы сосчитать действительно три «погибели» в смысле «погибов» тела»²), *фертом стоять* (*ферт* — старое название буквы *ф*), *кой чёрт* (*кой* — «который»), *неть числа* (*неть* — «нет», возникло в результате сращения *не есть*), *истошный голос* (*истошный*, вероятно, из *истоцный*, как *плашмя* из *плоцмя*, *пригоршня* из *пригорцня* и т. д., *истоцный* «предсмертный»), *торная дорога* (*торная* — суффиксальное производное от исчезнувшего *тор* — «дорога», ср. чешск. *tor*), *выпить на брудершафт* (*брудершафт* — «братство», из

¹ О понятии «устойчивость» см. И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». «Вопросы языкознания». № 4, 1960. стр. 73—75.

² С. Максимов. Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955, стр. 372—373.

нем. яз., где *Brüderschaft* — суффиксальное производное от *Bruder* — «брат»)¹ и т. д.

Не существующие вне фразеологизма слова возникли также и в таких фразеологизмах, какими являются обороты *не до жиру, быть бы живу, с жиру беситься, это еще на воде вилами написано, вся краска бросилась в лицо, огород городить, душа нараспашку, сыр-бор загорелся, нелегкая дернула, остаться с носом, на худой конец* и др., где, на первый взгляд, никаких особых лексических единиц нет.

Однако совпадение свободных и актуальных по своему употреблению слов *жир, вилы, краска, огород, душа, бор, нелегкая, нос, худой* с соответствующими словами в приведенных фразеологических оборотах носит чисто омонимичный характер и является мнимым. В указанных оборотах слово *жир* значит «богатство, имущество»², *вилы* — «круги» (ср. диал. *вил* — «завиток, кочан», *вилок* и т. д.), *краска* — «кровь» (такое значение до сих пор известно у этого слова в говорах), *огород* — «ограда», *городить* — «строить», *душа* — «ямочка на шее под кадыком»³, *бор* — «сосна» (ср. древнерусск. *бор* — *Под дубом и под боромъ*), *нелегкая* — «дьявол, черт», *нос* — «калым» (об этом см. на стр. 67), *худой* — «плохой» и т. д.

В целом ряде случаев появление внутри фразеологизма не существующих вне его компонентов приводит к тому, что он почти целиком начинает слагаться из «ирреальных» слов (ср. *семя и овамо, с бухты баракхты* и т. д.).

3. Менее ярким, но очень важным является процесс появления в лексическом составе фразеологизма таких слов, которые предстают перед нами как семантически пустые, играющие роль своеобразных усилительных экспрессивных частиц. Наиболее характерно это для именных фразеологизмов модели «прилагательное + существительное» и глагольных фразеологизмов модели «глагол + существительные», рядом с которыми сосуществуют (как их производные, об этом см. §§ 61—63) синонимические существительные и глаголы.

¹ Оборот *выпить на брудершафт* — фразеологическая полукалька нем. *trinken Brüderschaft*.

² Ср. в «Слове о полку Игореве»: *Кають князя Игоря, иже погрузи жир во днь Каяля, рькы половецкыя.*

³ См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. т. I, 1880, стр. 505.

В качестве примеров можно указать обороты *чучело гороховое*¹, *набитый дурак*, *лиса патрикеевна*,² *Аполлон Бельведерский*, *морочить голову*, *городить вздор* и т. д.

Отмечаемое изменение в лексическом составе фразеологического оборота, как правило, сопровождается процессом усложнения в семантической слитности фразеологического оборота и является следствием концентрации семантики всего оборота на одном его компоненте.

4. Одним из наиболее ярких изменений в лексическом составе фразеологических оборотов является процесс их сокращения. Чаще всего эллипсису подвергается вся вторая часть выражения, однако сокращения могут быть и иного рода (касаться первой его части, быть частичными и т. д.). Почти во всех случаях такая трансформация лексического состава фразеологизма сопровождается также и его структурной перестройкой. В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении и удобными с точки зрения их использования в динамичном по своему существу разговорном языке.

Приведем несколько примеров. Выражение *голод — не тетка* представляет собой сокращение оборота *голод не тетка, пирожка не подсунет*. Поговорка *бабушка надвое сказала* возникла в результате эллипсиса выражения *бабушка надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*. Фразеологизм *хлопот полон рот* раньше звучал *хлопот полон рот, а перекусить нечего*³, фразеологический оборот *все едино — как все едино, что хлеб, что мякина*, выражение *пьяному море по колено — как пьяному море по колено, а лужа по уши*, обороты *мокрая курица* и *вольному воля* соответственно — как *мокрая курица, а тоже петишились* и *вольному воля, спасенному рай* и т. д.

Эллипсисами по отношению к исходному обороту являются, например, фразеологизмы *какого рожна* (из *какого тебе рожна надо*), *чем свет* (из *раньше, чем свет*

¹ Первоначально — «пугало на гороховом поле».

² Оборот *лиса патрикеевна* возник, вероятно, в XIV в. Отчество *Патрикеевна* образовано от собственного имени литовского князя Патрикя Паримонтовича, отличавшегося хитростью и пронырством (см. М. И. Михельсон. Опыт русской фразеологии, т. I, стр. 509).

³ Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. «Ученые записки ЛГУ», серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 220.

настал), глаза на мокром месте (из глаза на мокром месте вставлены), нищие духом (из блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное), ни кола, ни двора (из ни кола, ни двора, ни милого живота)¹, как заведенные (из как заведенные часы) и т. д.

Переоформление структуры фразеологизма в результате его эллипсиса можно проследить на примере истории оборота как заведенные часы. В XIX в. этот фразеологизм имел лишь форму как заведенные часы и относился к модели как бог свят; как сидорову козу: Князь... по привычке, как заведенные часы, говорил вещи, которым он и не хотел, чтобы верили (Л. Н. Толстой); Василько молот без умоклу, как заведенные часы (В. Даль) и т. д. После устранения слова часы фразеологический оборот стал «оканчиваться» на причастие. Последнее обстоятельство повело к тому, что слово заведенные стало реализовать формы числа и рода и рядом с формой как заведенные появились формы как заведенный, как заведенная² и т. д.

§ 59. Изменения в структуре фразеологических оборотов

В предыдущем параграфе уже указывалось на изменения в структуре фразеологических оборотов, вызванные эллипсисом его отдельных частей. Однако структурная трансформация фразеологизмов может быть связана и с другими явлениями: с его эвфонической обработкой, с потерей грамматически стержневыми компонентами способности к образованию морфологических форм и т. д.

Так, если мы возьмем, к примеру, фразеологический оборот на сон грядущий, то он принадлежит сейчас к модели «предложно-падежная форма существительного + прилагательное» (см. § 31). Исходной же формой его была форма на сон грядущим (т. е. «отходящим ко сну»), представляющая собой название одного из разделов в молитвеннике.

Изменение в структуре оборота обусловлено в данном случае влиянием на структурно-изолированный фразеологизм таких фразеологизмов, которые принадлежат к регулярной

¹ Слово *кол* здесь имеет значение «небольшой участок земли», существительное *живот* — значение «лошадь» (в диалектах эта семантика у слова *живот* широко известна и сейчас).

² Подобную судьбу пережил также оборот как облупленного (из как облупленное ящико).

и продуктивной модели. По другой причине, а именно в силу потери грамматически стержневыми членами способности к реализации морфологических форм, изменились по своему строению фразеологизмы *как пить дать* и *как ни в чем не бывало*, в которых еще в первой трети XIX в. свободно «выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования» форм с субъектом действия¹. Ср.: *Тебя уже упекут под суд — как пить дадут* (Грибоедов); *За мою тележку четверка быков тащила другую как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху наложена* (Лермонтов); *Князь Фольгин, как будто ни в чем не бывал, также шутил* (Д. Н. Бегичев).²

Иной была структура также и у фразеологических оборотов *сами с усами* и *сбоку припеку*. Однако здесь уже изменение структуры связано с эвфонической обработкой фразеологизмов.

Оборот *сбоку припеку* принадлежал первоначально к модели «предложно-падежная форма существительного + + родительный падеж существительного» (типа *до мозга костей*, см. § 32) и звучал как *с боку припека*.

Оборот *сами с усами* звучал первоначально как *сам с усам*. Новая эвфоническая обработка исходной формы с соответствующей перестройкой структуры объясняется здесь тем, что северовеликорусский по возникновению фразеологизм (в говорах северовеликорусского наречия форма творительного падежа множественного числа совпадает с формой дательного) расширил сферу своего употребления и попал в южновеликорусские диалекты, где смешения форм дательного и творительного падежа множественного числа нет.

Чтобы сохранить художественно-поэтический характер у фразеологизма, пришлось в форме множественного числа поставить и определительное местоимение *сам*.

§ 60. Этимологический анализ фразеологических оборотов

Различный характер фразеологических оборотов с точки зрения происхождения (об этом см. §§ 42—54), а также

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 23.

² Примеры взяты из названной выше книги В. В. Виноградова.

изменения в их лексико-грамматическом составе и структуре с необходимостью требуют этимологического анализа устойчивых сочетаний слов. Объектом этимологического анализа являются все фразеологизмы современного русского литературного языка независимо от степени «прозрачности» и «общеизвестности», если анализ их структуры и лексико-грамматического состава не дает возможности уяснить также и их происхождение.

В качестве фразеологизмов, подлежащих этимологическому анализу, выступают, таким образом, все те обороты, которые или не являются исконно русскими, или деэтимологизировались и изменили свой первоначальный лексико-грамматический состав и структуру.

В соответствии с этим этимологическое объяснение должно быть дано следующим разрядам фразеологических оборотов: 1) всем исконно русским фразеологизмам непроизводного характера, представляющим собой фразеологические сращения; 2) всем исконно русским фразеологизмам производного характера (единства, сочетания, выражения), если они пережили деэтимологизацию и изменение своего лексико-грамматического состава или структуры; 3) всем фразеологическим калькам и полукалькам; 4) всем фразеологическим оборотам, употребляющимся без перевода.

Не нуждаются в этимологическом объяснении лишь такие исконно русские фразеологические обороты, о происхождении которых ясно и определенно говорит их структурно-семантический анализ. С точки зрения современного языкового сознания (ср. фразеологические обороты типа *как в аптеке* — «точно», *в три ручья* — «очень сильно», *товар лицом показать, смотреть сверху вниз, пограничная застава, легкий заработок, плавный сыр, набор слов, забота о человеке* и т. д.), сюда относятся многие исконно русские фразеологические единства и фразеологические выражения, а также целый ряд исконно русских фразеологических сочетаний, если они не имеют в своем составе только им характерных слов и значения фразеологически связанных компонентов легко объясняются как переносные.

В задачи этимологического анализа входит: 1) определение исконного или заимствованного характера фразеологического оборота, 2) установление времени его появления в русском языке как определенной значимой единицы с данным значением, лексико-грамматическим составом и структурой, 3) реконструкция его исходной формы и структурно-

семантического характера и 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появляется в языке как метафорическое название.

В отдельных случаях этимологический анализ может приводить также к определению среды, где возник тот или иной оборот, и даже автора свободного сочетания слов, которое превратилось затем в «крылатое слово»¹. В существующих этимологических словарях русского языка получают отчасти объяснение своего происхождения, как правило, только такие фразеологизмы, в лексическом составе которых имеются специфические лексико-семантические факты. Последнее обстоятельство определяется тем, что для установления того свободного сочетания слов, на базе которого появился данный оборот, иногда достаточно лишь этимологизации «темного» в своем происхождении компонента. Иначе говоря, дело идет здесь не столько об этимологизации оборота в целом, сколько об определении происхождения слова, известного как лексическая единица только в составе фразеологического оборота.

Не случайна постановка в качестве заглавного слова в таких случаях именно этимологически неясного компонента. Так, например, попутно объясняются в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской фразеологические обороты *разводить антимонию, бить баклуши, точить балясы, вниательный падеж, ни зги не видно, бить в набат, разинуть рот, скалить зубы* и т. д. под словами *антимония, баклуши, балясы, вниательный, зга, набат, разинуть, скалить* и др.²

В самом деле, при объяснении происхождения исконно русских оборотов типа *войти в раж, против рожна переть, переть на рожон, седалищный нерв, пеклеванный хлеб, плошки да черепки — те же горшки, на миру и смерть красна, во весь мах* и т. д. для уяснения признака, положенного в основу названия, и исходного, первоначально свободного сочетания слов достаточно знать, что слово *раж* значит «ярость» (< франц. *rage*), слово *рожон* (< древнерусск.

¹ О задачах этимологического анализа в целом см. В. Пизани. Этимология, М., ИЛ, 1956; Н. М. Шанский. Принципы построения этимологического словаря русского языка словообразовательно-исторического характера, «Вопросы языкознания», № 5, 1959.

² См. указ соч. М., Учпедгиз, 1961.

рожьнѣ, ср. старослав. *ражьнѣ*) обозначает «кол, вилы»¹; что прилагательное *седалицный* представляет собой суффиксальное производное от *седалице* — «то, на чем сидят», прилагательное *пеклеванный* является переоформлением под влиянием глагола *пеклевать*, заимствованного из польского языка слова *pytlowany*, производного от *pytlować* — «просеивать» (от *pytel* — «частое сито»); что слово *черепок* ранее (а в диалектах и сейчас) обозначало «горшок» (ср. древнерусск. *черепан* — «гончар»), слово *красна* имело значение «прекрасна, хороша», а слово *мир* равнозначно слову *люди*; что слово *мах*, наконец, — это один оборот мельничного колеса.

Совершенно иного характера фразеологические обороты *на третьем взводе; в Европу прорубить окно; битый час; нужда заставит калачи есть; ни дна, ни покрывки; собака на сене* и др. В них нет ни одного непонятого слова, и объяснения требует в силу этого весь фразеологизм в целом. Именно поэтому этимология таких оборотов в этимологических словарях русского языка, толкующих происхождение отдельных слов, обычно не дается. Даже в таком словаре, каким является «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера (с его максималистским словником и множеством непоследовательностей в объяснениях), словарные статьи по оборотам типа *адамово яблоко, Черное море, лебединая песня* и др.² являются единичными. Все соответствующие обороты должны толковаться, как уже говорилось, в особом пособии — этимологическом словаре фразеологических оборотов русского языка.

Фразеологическое сращение *на третьем взводе* — «очень пьян» при этимологическом анализе предстает перед нами как образное выражение каламбурного характера. *На третьем взводе* значит собственно «больше возможного, так как курок ружья, на который здесь намекается, имеет только два взвода»³.

Фразеологическое единство *в Европу прорубить окно*, давшее затем новый оборот *окно в Европу*, возникло под пером А. С. Пушкина как своеобразное переоформление афоризма Альгаротти *Petersburg est la fenêtre par laquelle*

¹ Связь этого слова с существительным *рог* является мнимой. В действительности *рожьнѣ* < * *oržьнѣ* как суффиксальное производное от * *orž-* < * *oržj-* связано как родственное с глаголом *разить*.

² Они объясняются выше, см. стр. 91, 93.

³ М. И. Михельсон. Опыт русской фразеологии. т. I, стр. 623.

la Russie regarde continuellement l'Europe (т. е. *Петербург — окно, через которое Россия постоянно смотрит в Европу*). Поэт чрезвычайно остро преобразовал и индивидуализировал афоризм Альгаротти, включив его в речь Петра Великого и придав ему — в соответствии с этим — яркое народное и профессионально-конкретное словесное обличье (*в Европу прорубить окно*)¹.

Фразеологическое сращение *битый час* — «очень долго» объясняется как иносказательное выражение, ранее обозначавшее целый час и возникшее как «намеки на час, который «пробил» после его начала»².

Учет реалий, в частности жизни крестьянства малоземельных северных губерний России, позволяет раскрыть происхождение на первый взгляд алогичного оборота *нужда заставит калачи есть*. Вот как — вслед за С. В. Максимовым³ — объясняется он в книге Эд. Вартапяна:

«Эту пословицу, может быть, и не следовало бы сюда включать — ведь разных пословиц очень много. Однако удивляет ее видимая цельность; калач — дорогое мучное изделие: зачем же «учиться его есть»? Скорее уж хлеб с мякиной, каким питались крестьяне в старой России, сумеет есть не каждый.

На эту странность обратил внимание тонкий знаток народного языка А. С. Пушкин. В его записной книжке дано такое объяснение этой поговорки: «То есть нужда — мать изобретения и роскоши». Что он этим хотел сказать?

На севере всегда была дорога белая пшеничная мука; северные жители мало ели белого хлеба, «но умели его есть». Но нужда гнала их в более богатые южные места; они уходили бурлачить на Волгу, косить травы в степи и там привыкли к дешевому и обильному пшеничному хлебу, «научились калачи есть».

Вот каково действительное происхождение этой странной пословицы. Читаешь: «калачи есть», а понимать надо — «уходить в далекие края за заработками». Довольно замысловато!⁴»

Этнографические и диалектные данные иллюстрирует фразеологизм *ни дна, ни покрывки* (пожелание говорящим

¹ В. В. Виноградов *Стиль Пушкина*. М., Гослитиздат, 1941, стр. 388—389. Ср. приводимое здесь же В. В. Виноградовым индивидуально-стилистическое использование этого же образа в «Старой записной книжке» П. Вяземского: *Не был забыт и памятник Петра Великого, и он предназначался к упаковке и отправлению в безопасное место водюю. И подлинно, слишком было бы грустно старику видеть, как через прорубленное им окно влезли в дом его недобрые люди.*

² М. И. Михельсон. *Опыт русской фразеологии*, т. I, стр. 53.

³ С. В. Максимов. *Крылатые слова*. М., Гослитиздат, 1955, стр. 100—111.

⁴ Эд. Вартапян. *Из жизни слов*. М., Детгиз, 1960, стр. 149—150.

кому-либо дурного или выражение им досады и раздражения) — исходно самое злое пожелание: «именно быть похороненным без гроба, умереть без покаяния и возвратиться в лоно матери-земли без обрядового честного погребения»¹. Слово *дно* здесь оказывается омонимичным общеупотребительному (ср. с *жиру бесится*, где сущ. *жир* употреблено в старом значении «богатство»), ибо оно обозначает гроб с неотъемной крышкой.

Фразеологический оборот *собака на сене* с этимологической точки зрения выступает как «осколок» фразеологического выражения пословичного характера *собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает*. Таким образом, *собака на сене* оказывается аналогичным таким оборотам, какими являются *голод не тетка; хлопот полон рот; глаза на мокром месте* и т. п.

При этимологизации фразеологических оборотов следует учитывать конкретную историю каждого фразеологизма, так как даже сходные по структуре и семантике обороты могут появляться по разным причинам и в разных видах.

Так было бы совершенно неверно (учитывая существующее явление эллипсиса) из наличных оборотов *ума палата; ума палата, да разума маловато; ума палата, но палата № 6* считать первый результатом сокращения второго или третьего. История русского литературного языка свидетельствует, что и второй, и третий фразеологизмы являются, напротив, каламбурно-шуточной переделкой первого: выражение *ума палата, но палата № 6* — после появления соответствующего чеховского рассказа.

Также неверным было бы, исходя только из структуры и состава, считать идентичными по своему происхождению, например, фразеологизмы *артезианский колодец, блудный сын* и *закадычный друг*.

Если фразеологическое сочетание *закадычный друг* (первоначально — «собутельник», слово *закадычный* возникло на базе фразеологического оборота *залить за кадык* — «выпить»²) является исконно русским, то обороты *артезианский колодец* и *блудный сын* отражают в себе (правда, в разной мере) иноязычное влияние: фразеологизм *артезианский колодец* представляет собой, как уже говорилось,

¹ С. В. Максимов. Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955 стр. 334.

² Об этом процессе подробнее ниже, стр. 119 и сл.

полукальку франц. *artésien puits*, фразеологизм *блудный сын* является заимствованием из старославянского языка.

Разной степени будут здесь и комментарии лексико-семантического характера, так как в фразеологических сочетаниях *артезианский колодец* и *закадычный друг* прилагательные являются фразеологически связанными с самого начала (слово *артезианский* неразрывно связано со времени его появления в русском языке с сущ. *колодец*, слово *закадычный* — с сущ. *друг* и *приятель*), тогда как в процессе употребления оборот *блудный сын* с точки зрения семантической слитности серьезно изменился. Если в древнерусском книжном языке он был фразеологическим выражением (ср. *жена блудная*, *блудное глумление*, *блудная одежда* и т. д.), то потом, с утратой прилагательным способности соединяться с другими словами и приобретением им значения «вышедший из повиновения родителям», этот оборот превращается в фразеологическое сочетание и даже — при переносном употреблении по отношению к члену какого-либо коллектива, не подчиняющемуся его воле, — в фразеологическое единство.

Заметим, что данной характеристике степени семантической слитности этого оборота не противоречит созданный на его базе фразеологический неологизм *блудный отец*, в котором прилагательное «блудный» как бы приобретает свое первоначальное значение, остро переосмысленное в плане притчи о блудном сыне по отношению к отцу.

Именно такое индивидуально-стилистическое использование оборота *блудный отец* в сатирических целях мы находим, например, в повести А. Былинова «Рота уходит с песней»:

«События развернулись стремительнее, чем ожидал Котельников. Семья его приехала из Вольска неожиданно-негаданно и встретила сочувствие у командующего и члена военного совета. Через много дней, очнувшись от всего происшедшего, Котельников понял, что семью нарочно вызвали, удружил кто-то из поборников нравственности. Встреча состоялась в холодной гостинице. Валентина постарела и казалась Котельникову совсем чужой. Ребята держали себя стойко, по-мужски, и с любопытством поглядывали на *блудного отца*¹.

Лексический анализ слов оказывается важным и при этимологизации родственных фразеологизмов, так как только он позволяет определить, какой или какие из фразеологиз-

¹ Пример взят из кн.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, стр. 195.

мов возникли на базе первоначально свободного сочетания слов, а какой или какие образованы по модели.

Так, фразеологические обороты *городить вздор*, *городить чепуху*, с одной стороны, и *городить ерунду*, *городить чушь*, с другой, по своему происхождению различны, и об этом недвусмысленно говорят уже исходные значения образующих слов. Прямое номинативное значение глагола *городить* — «огораживать, громоздить». А огораживать или громоздить в буквальном смысле можно было только *вздор*¹ (оно обозначало ранее «стружки, отходы») и *чепуху*² (оно обозначало ранее «щепки, мусор»).

Таким образом, фразеологизмы *городить вздор* и *городить чепуху* возникли, как видим, на базе первоначально свободного сочетания слов, в результате их метафорического использования. Что касается оборотов *городить чушь*, *городить ерунду*, то они являются вторичными и появились по модели на основе названных выше, в результате позднее сделанных синонимических подстановок. Об этом ясно свидетельствуют исходные значения слов *чушь* (< *чужь* — «чужое» < «непонятное, бессмысленное») и *ерунда* (< *герундий* — одна из наиболее трудных для усвоения глагольных форм в латинском языке), конкретных предметов, которые можно было бы огораживать и громоздить, никогда не обозначавших.

Задачи этимологического анализа фразеологических оборотов сложны и многообразны. Выше были проиллюстрированы лишь некоторые из них. Этимологическая работа в этом направлении требует не только глубокого и всестороннего исследования соответствующих языковых и исторических фактов, но и разработки целого ряда общетеоретических проблем этимологии в целом.

¹ Образовано безаффиксным способом от *вздирать*.

² Образовано суффиксальным способом от исчезнувшего *чепа*, того же корня, что и *щепка*.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 61. Фразеологический оборот и синонимичное ему слово

Как известно, наиболее характерные для фразеологических оборотов устойчивые сочетания слов являются равными по своему значению отдельно взятому слову, отличаясь от него в первую очередь определенной экспрессивно-стилистической окраской (ср.: *как пить дать* и *наверняка*, *у черта на куличках* и *далеко*, *медвежий угол* и *захолустье*, *камень преткновения* и *препятствие*, *обвести вокруг пальца* и *обмануть*, *держат экзамен* и *экзаменоваться* и т. д.).

Среди этих фразеологических оборотов, синонимических слову, особое внимание привлекают две близкие друг другу группы: 1) фразеологические обороты, которые содержат в своем составе слова, являющиеся синонимами по отношению к обороту в целом (ср.: фразеологизм *городить вздор*, равнозначный по своему значению слову *городить*, фразеологизм *вавилонское столпотворение*, семантически эквивалентный слову *столпотворение* и т. д.), и 2) фразеологические обороты, синонимические слова к которым являются родственными их отдельным компонентам (ср.: *зажмурить глаза* — *зажмуриться*, *вести беседу* — *беседовать*, *зачетная книжка* — *зачетка* и т. п.)

Специального рассмотрения такого рода фразеологические обороты требуют не только сами по себе, для выяснения их специфических свойств в современном русском литературном языке, но и для решения целого ряда важнейших проблем русского словообразования и этимологии.

Именно изучение таких устойчивых сочетаний слов, как *давать обещание*, *вогнать в гроб*, *чучело гороховое* (*обещать*, *угробить*, *чучело*) и т. д., позволяет понять, какое

большое значение имеет фразеологическая система русского языка для процессов словообразования, каково реальное происхождение отдельных слов в нашей речи, в каких связях и соотношениях друг к другу как определенные значимые единицы языка могут находиться слова и фразеологические обороты.

В самом деле, если взять такие устойчивые сочетания слов, как *принимать решение, пойти на лад, клевать носом, носить на руках*, то между ними (хотя все они принадлежат к одному и тому же структурному типу «глагол + существительное» и являются эквивалентными по своей семантике слову: *принимать решение — решать, пойти на лад — наладиться, клевать носом — дремать, носить на руках — обожать*) можно заметить серьезную разницу в том, как их целостное значение соотносится со значениями составляющих их слов. В фразеологизмах *клевать носом, носить на руках* оба полнозначных компонента являются смыслообразующими, хотя *клевать, носить* являются грамматически опорными словами, а *носом, на руках* — зависимыми. Все члены в этих устойчивых оборотах семантически равноправны.

Совершенно иное будет наблюдаться в выражениях *принимать решение, пойти на лад*. Весь их смысл как фразеологических оборотов в целом заключен в грамматически зависимых компонентах *решение и на лад*. Что же касается грамматически опорного слова, то оно оказывается по существу лексически пустым, выражая собой чисто грамматические значения, собственно, то же самое, что в синонимах *решать, наладиться* обозначается морфемами *а-ть* и *на + ить-ся* (ср. *решить, решил; наладилась, разладиться, налажу* и т. д.). Иными — по сравнению со связями между фразеологизмами *клевать носом, носить на руках* и *дремать, обожать* — будут и соотношения разбираемых нами выражений *принимать решение, пойти на лад* и синонимических им слов *решать, наладиться* в стилистическом плане, так как эти обороты четко воспринимаются нами как параллельные по отношению к словам обозначения описательного, перифрастического характера.

Однако основным, что резко различает эти два типа фразеологических оборотов, эквивалентных слову, друг от друга, является происхождение их синонимичности тому или другому слову. В то время как возникновение оборотов *клевать носом, носить на руках* и соответствующих

им слов *дремать*, *обождать* явно представляет собой различные, не связанные между собой процессы, в появлении оборотов *принять решение*, *пойти на лад* и соответствующих им слов *решать*, *наладиться* можно увидеть (и для целого ряда случаев это будет исторически верным) взаимоперекрещивающиеся процессы образования фразеологических оборотов и слов.

Действительно, для каждого ясно, что обороты *клевать носом*, *носить на руках* и т. п. и однозначные им слова *дремать*, *обождать* возникли в русском языке совершенно самостоятельно.

Иначе представляется соотношение со словами *решать*, *наладиться* фразеологических оборотов *принять решение*, *пойти на лад*. Относительно этих пар может появиться вопрос, что от чего образовалось. Фразеологические ли обороты представляют собой перифрастическое, описательное «разложение» слов или, наоборот, слова являются результатом «сжатия» в одну лексическую единицу фразеологических оборотов? Естественно, что такая постановка вопроса не исключает и того решения, которое является единственно правильным для оборотов типа *клевать носом*, *носить на руках*. Ведь и здесь могут быть, так сказать, случайные совпадения.

В частности, совершенно не связаны в своем появлении в русском языке слово *решать* и синонимическое ему выражение *принять решение*: первое было заимствовано в современном значении русским языком из старославянского языка, второе является точной фразеологической калькой XVIII в. французского оборота *prendre une résolution*¹.

§ 62. Образование слов на базе фразеологических оборотов

Так как слова выступают в языках как образования, состоящие из морфем, в то время как фразеологические обороты представляют собой значимые единицы языка, состоящие из слов, то кажется логичным думать, что здесь возможен только один путь — от слова к фразеологическому обороту.

Этим, кстати, прежде всего и объясняется недостаточная разработка вопроса о роли фразеологических оборотов

¹ Ср. полукальку с этого же выражения: *принять резолюцию*.

в словообразовательной системе языка. Между тем наблюдения показывают, что многие фразеологические обороты по отношению к синонимическим словам являются не вторичными, а первичными и их словные синонимы возникли на их основе. Так, слово *наладиться* появилось в нашей речи на базе синонимического ему выражения *пойти на лад*, *угробить* — на базе *вогнать в гроб*, *болтать* — на базе *болтать языком*, *чучело* (в так называемом переносном значении) — на базе *чучело гороховое* и т. д.

На анализе некоторых особенностей и частных случаев «сжатия» фразеологических оборотов в слова следует остановиться специально. Ведь многие словообразовательные процессы до сих пор трактуются упрощенно именно потому, что производное слово рассматривается в историческом аспекте вне того привычного словесного окружения, в котором употребляется производящее слово и в котором оно реализует себя как единица языка¹.

Анализируя образование слов на базе фразеологических оборотов, следует учитывать два обстоятельства: 1) на основе всего фразеологизма или какой-либо его части образуется слово и 2) с помощью какого способа словообразования.

При образовании слова на базе фразеологического оборота последний может быть представлен в этом производном как целиком, так и какой-либо частью, являющейся его смыслообразующим стержнем.

Слова *кривотолки*, *вездесущий*, *зарплата* возникли, хотя и различными путями, на основе фразеологизмов, взятых целиком: слово *кривотолки* — путем сложения на базе выражения *кривые толки*, ныне из употребления исчезнувшего (ср.: у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: *Иди же к невским берегам, новорожденное творенье, и заслужи мне славы дань—кривые толки, шум и брань*); слово *вездесущий* — путем сращения слов в одно слово на

¹ На важность учета этого при изучении истории слова обращает внимание, в частности, Р. А. Будагов (в статье «О так называемом «промежуточном звене» в смысловом развитии слов», см. «Сборник статей по языкознанию». Изд-во Московского университета, 1958, стр. 73 и сл.) указывая на возникновение слова *la grève* — «забастовка» из выражения *faire la grève* — «прекращать работу» (буквально — «делать гравий»). Мельком затрагивает этот вопрос (в статье «О структуре фразеологии», см. «Лексикографический сборник», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 34 и сл.) С. И. Ожегов, говоря о новом значении слова *канитель* (из фразеологизма *тянуть канитель*).

базе фразеологического оборота *везде сущий*, первоначально обозначавшего «везде существующего» бога; слово *зарплата* — путем сложения сокращенной и полной основы на базе устойчивого словосочетания *заработная плата*.

Что касается слов *угробить*, *городить*, *винтовка*, *осточертеть*, *столпотворение*, то они образовались с использованием не целого оборота, а его отдельных компонентов: *угробить* — одного слова *гроб* (из выражения *вогнать в гроб*); *городить* — одного слова *городить* (из выражений *городить вздор*, *городить чепуху*) — «блтать вздор» (ср. у Чехова: *Вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что*); *винтовка* — одного слова *винтовое* (из выражения *винтовое ружье*); *осточертеть* — слов *сто чертей* (из выражения *надоесть, как сто чертей*); *столпотворение* (из выражения *вавилонское столпотворение*, первоначально обозначавшего постройку в Вавилоне столпа «до неба»).

С точки зрения способа словообразования, с помощью которого слова могут возникать на базе фразеологизмов, их можно разделить на следующие разряды:

1) слова, появившиеся на базе фразеологического оборота в результате опущения некоторых его компонентов;

2) слова, возникшие на базе фразеологического оборота в результате слияния его компонентов в целостную лексическую единицу;

3) слова, образованные на базе фразеологического оборота с помощью того или иного морфологического способа словообразования

Слова, появившиеся на базе фразеологических оборотов в результате опущения некоторых их членов обычно интерпретируются как лексические единицы, возникшие в языке с помощью лексико-семантического или морфологосинтаксического способа словообразования

Последнее зависит от того, на базе какого — грамматически опорного или грамматически зависимого — члена фразеологизма возникает равнозначное ему по семантике слово.

Если значение, которое ранее было присуще всему фразеологическому обороту, получает грамматически опорное слово, в языке появляется новое омонимическое образование, налицо лексико-семантический способ словообразования. Если значение, ранее присущее всему фразеологическому обороту, концентрируется на грамматически зависимом

слове, в языке появляется новое оморфемное образование, налицо переход одной части в другую, т. е. морфолого-синтаксический способ словообразования.

Так, лексико-семантическим путем, в результате опущения грамматически зависимых компонентов фразеологических оборотов, возникли на базе выражений *вавилонское столпотворение, чучело гороховое, воспрянуть духом, болтать языком, разрешиться от бремени, помешаться в уме, перегнуть палку* и т. д. слова *столпотворение, чучело, воспрянуть, болтать, разрешиться, помешаться, перегнуть* и др., имеющие то же значение, что и оборот в целом (речь идет именно о тех значениях этих слов, которые совпадают со значениями соответствующих фразеологических оборотов; эти же слова в других значениях, например *болтать* в заключении «двигать», существовали в языке до возникновения самих фразеологических оборотов или наряду с ними).

Если же взять такие слова, как *мостовая, портной* и т. п., то они будут иллюстрировать возникновение слов морфолого-синтаксическим путем, так как они появились на базе фразеологических оборотов *мостовая улица, портной швец* и т. п. в результате концентрации семантики выражения в целом на компоненте, являющемся грамматически зависимым.

Слова, возникающие на базе фразеологических оборотов в результате сращения составляющих их слов в одно единое слово, представляют собой лексические единицы, появившиеся в языке посредством лексико-синтаксического способа словообразования (ср.: *сегодня* — из *сего дня, сальто-мортале* — из *сальто мортале, кровопролитие* — из *крови пролитие* (с последующим аналогическим *о* вместо первоначального *и* по образцу сложных слов на *о—е*), *намедни* — из *ономь дъни* — «того дня» и т. д.).

Особенно многочисленны и разнообразны слова, образованные на базе фразеологических оборотов с помощью морфологического способа словообразования: сложения (как чистого, так и суффиксированного), суффиксации и суффиксально-префиксального способа словообразования. Сюда относятся, например, слова: *кривотолки* (см. выше), *гос-экзамены* (на базе выражения *государственные экзамены*), *скалозуб* (на базе оборота *скалить зубы*), *пустопорожний* (на базе фразеологизма *переливать из пустого в порожнее*), *костить* (на базе выражения *перемывать косточки*), за-

жмуриться (на базе оборота *зажмурить глаза*), *смотаться* (на базе фразеологизма *смотать удочки*), *дурачить* (на базе выражения *дурака валять*), *огорошить* (на базе оборота *сыпать, как горох*), *насобачиться* (на базе выражения *собаку съел*), *осточертеть* (см. выше), *наладиться* (см. выше), *баклушничать* (на базе фразеологического оборота *бить баклуши*), *чураться* (на базе выражения *чур меня*), *одурачить* (на базе оборота *оставить в дураках*) и т. д.

Фразеологическое происхождение слов в отдельных случаях совершенно не ощущается, в силу чего их образование на базе именно фразеологического оборота, а не отдельной лексической единицы вскрывается только с помощью этимологического анализа. Приведем несколько иллюстраций, сознательно выбирая слова, различные как с точки зрения их структуры, так и значения.

Очень древним, общеславянским по времени, образованием, возникшим в результате слияния в одно слово фразеологического оборота *без съда* — «снаружи сидение», является слово *беседа* (первоначальное *безсъда* > *бессъда* > *бесъда* > *беседа*). Это существительное сначала имело значение «сидение снаружи», т. е. перед домом. Слово *без* выступает в исходном выражении *без съда* не с современной (предложной) семантикой, а в старом (наречном) значении «снаружи». Современное значение существительного *беседа* развилось в результате переноса названия с одного действия (сидение) на другое (разговор), так как, отдыхая около дома, люди, естественно, в это время разговаривали друг с другом. В результате того же процесса появилось у слова *беседа* и другое переносное значение — «скамья», в древнерусском языке и фольклоре известное (ср. в былинах: *На беседе сидит Купав молодец*), которое отложилось в производном от него существительном *беседка* (ср. диалектное *бесѣдка* — «сиденье, лавка за воротами или в сенях»).

Результатом «сжатия» фразеологического оборота *повилая трава*, в диалектах еще употребительного, является существительное *повилика*. Оно образовалось на базе выражения *повилая трава* с помощью того же суффикса *-ика*, посредством которого были образованы — также на основе фразеологизмов — такие слова, как *черника* (ср. польск. *czarne jagody* — «черника»), *пьяника* — «голубика, багульник» (ср.: диалектное *пьяная трава* с тем же значением), *брусника* (от исчезнувшего выражения *брусная*

ягода, в котором *брусная* — «красная» — является производным с помощью суффикса *-н-* от *бруск* — «пурпур, краснота», в диалектах еще встречающегося; *-скн-* > *-сн-*, как в *блеснуть* и т. п.), *земляника* (ср. нем. *Erdbeere* — «земляника»), диалектное *дурника* (ср. диалектное *дурная трава* с той же семантикой) и т. д. Слово *повилая* в выражении *повилая трава* выступает как суффиксальное образование (суффикс *-л-*) от *повить* — префиксального производного слова от *вить*. Таким образом, выясняется, что *повилика* (ср. другие ее названия того же корня в диалектах — *повой*, *повитель* и пр.) получила название по своей способности виться.

Прилагательное *злободневный* — «важный, существенный для настоящего момента» — возникло сложносуффиксальным путем на базе заимствованного древнерусским языком из старославянского языка выражения *довлеет днєви злѡба єго* — «хватает для каждого дня его заботы» (ср.: современное *злѡба дня*).

Глагол *взбелениться* образован суффиксально-префиксальным способом на базе существительного *белена*, извлеченного из фразеологического оборота *белены обѡелся*.

Наречие *навекы* (как, между прочим, и прилагательное *вековечный*) образовалось на базе выражения *на веки вечныє*: определение было отброшено, а предлог и существительное слились в одно слово.

Существительное *материк* в качестве определенной лексической единицы появилось в русском языке в результате «сжатия» в одно слово выражения *матерая земля* — «твердая земля, суша», которое в диалектах еще употребляется.

Слово *скалиться* представляет собой один из глаголов, в которых агглютинативный суффикс *-ся*, с помощью которого они образованы (ср.: *надуться* — из *надуть губы*, *теряться* — из *терять голову*, *зжмуриться*, *смотаться* и т. д.), как бы заменяет выраженный существительным грамматически зависимый член соответствующего фразеологического оборота. Оно появилось на базе и ныне существующего выражения *скалить зубы*, где глагол *скалить* этимологически является производным с помощью суффикса *-ить* от существительного *скала* в утраченном русском языке значении «щель» (ср. польск. *skalina* — «щель, трещина») и буквально значит «делать щель», как и диалектное *ощеливаться*. По корню *скала* и *щель* явля-

ются родственными (ср. подобные отношения в *оскоми́на — щемить*): *ск* перешло в *щ* перед гласным переднего ряда *е*.

Слово *тимофеевка* (ср. *винтовка, зачетка, вечерка, антоновка, тушенка, фугаска* и т. д.) появилось на базе фразеологического оборота *тимофеева трава* — кормовая трава *phleum palustre*¹.

§ 63. «Разложение» слов и возникновение фразеологических оборотов

Как уже указывалось, существование рядом с фразеологическими оборотами равнозначных им по значению слов того же «корня» может объясняться не только процессом появления на базе фразеологизмов синонимичных и генетически родственных им слов. Оно может быть обусловлено и другими факторами: 1) самостоятельным возникновением в языке независимых по отношению друг к другу слов и оборотов и 2) процессом «разложения» слова на компоненты, образующие или составляющие устойчивое сочетание слов.

Так, синонимическое «трио» *хранить молчание — играть в молчанку — молчать* возникло в русском языке в силу того, что рядом с исконно русским по своему происхождению глаголом *молчать* в книжной речи появилась фразеологическая калька латинского оборота *silentium servare*, а в разговорном языке фразеологическое единство *играть в молчанку* (из свободного сочетания слов *играть в молчанку*, в котором *молчанка* — «молчание»: игра в молчанку заключалась в том, чтобы не проговориться первому, первый что-либо сказавший тому, с кем он играет, платил штраф).

Иного рода по своему возникновению синонимическая пара *наводить чистоту — чистить*. Фразеологический оборот *наводить чистоту* появился рядом с глаголом *чистить* в результате «разложения» глагола на перифразу,

¹ Ср. использование этого выражения как свободного сочетания слов в комических целях в басне «Помещик и трава» К. Пруткива: *Что ж здесь мое? — Да все, — ответил голова. — Вот тимофеева трава... Мошенник, — тот [помещик. — Н. Ш.] вскричал, — ты поступил преступно, корысть мне недоступна; чужого не ищущу, люблю свои права! Мую траву отдать, конечно, пожалею; но эту возвератить немедля Тимофее.*

т. е. в результате процесса, прямо противоположного возникновению слов на базе фразеологических оборотов. Такими же оборотами являются также *дать гудок, придать восторг, вести борьбу, дать обязательство, впасть в ошибку, нанести удар, поставить в известность* и т. д. (ср. *загудеть, восторгаться, бороться, обязаться, ошибаться, ударить, известить* и др.).

Подавляющее большинство фразеологических оборотов, входящих в синонимические связи с «однокоренными» словами, несут на себе яркую стилистическую окраску книжности и четко сознаются как перифрастические. Однако есть среди них и такие, которые характеризуют живую разговорно-бытовую речь (ср. хотя бы *всхрипнуть — задать храповицкого*).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

§ 64. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств

Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств принципиально ничем не отличается от классификации с этой же точки зрения отдельных слов. Поэтому вопрос о стилистической дифференциации фразеологических оборотов (как и единичных лексических единиц) «выступает как вопрос о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются ими вследствие их предпочтительного или даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения»¹.

Различия фразеологических оборотов по стилистической принадлежности и экспрессивной окраске объясняются тем, что язык выступает как совокупность нескольких стилей, каждому из которых присущи особые языковые средства и приемы, привлекаемые говорящими из общенародного речевого запаса для выражения определенного содержания.

Закрепленность или преимущественное употребление того или иного устойчивого сочетания слов в каком-либо стиле языка и связанные с этим его различные экспрессивные свойства составляют сущность этих различий.

С одной стороны, многие фразеологические обороты выступают перед нами как значимые единицы, употребление которых в отличие от других устойчивых сочетаний слов, в большей или меньшей степени ограничено рамками опре-

¹ О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, стр. 242.

деленного стиля языка. Так, обороты *ни к селу, ни к городу; отпустить душу на покаяние; казанская сирота; за юбку держаться; топтаться на месте* являются принадлежностью разговорно-бытовой речи, фразеологизмы *глухие звуки, деепричастный оборот, вопросительный знак, часть речи, производная основа и веиние воды, светило дня, уснуть вечным сном* будут принадлежать уже книжной речи, соответственно входя в терминологическую и поэтическую фразеологию, и т. д.

С другой стороны, многие фразеологические обороты не только называют то или иное явление объективной действительности, но и содержат в себе указание на определенное отношение говорящего к этому явлению. Фразеологическими оборотами, в которых название сопровождается оценочным «обертон» (неодобрения, иронии, ласки, риторичности и т. д.), являются, например, устойчивые сочетания слов *прожужжать все уши* (ср. *надоесть*), *ворон считать* (ср. *быть невнимательным*), *пустить слезу* (ср. *заплакать*), *хранить в памяти* (ср. *помнить*), *кануть в вечность* (ср. *исчезнуть*), *курить фимиам* (ср. *восхвалять*) и т. д.

Особенно наглядно и ярко различие фразеологических оборотов с экспрессивно-стилистической точки зрения, позволяющее дифференцировать их в этом отношении на несколько разрядов, выявляется при сопоставлении между собой таких устойчивых сочетаний слов, которые входят в один синонимический ряд (ср. *сложить свою голову* (кн.) и *сломать себе шею* (разг.), *заснуть вечным сном* (кн.) и *сыграть в ящик* (разг.), *вводить в заблуждение* (кн.) и *водить за нос* (разг.) и т. д.).

Исходя из сферы их употребления и присущих им экспрессивных особенностей, фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на три больших разряда: межстилевая фразеология, разговорно-бытовая фразеология и фразеология книжная.

Классифицируя таким образом фразеологизмы, следует учитывать, конечно, что стилистическая дифференциация устойчивых сочетаний слов, равно как и принадлежность конкретного фразеологизма к тому, а не другому разряду представляют собой явление историческое: все большее число фразеологических оборотов становится в процессе развития нашей речи межстилевыми, интенсивно возникают новые группы и модели среди фразеологии разговорно-

бытовой и книжной, постоянно происходит экспрессивно-стилистическая переоценка отдельных фразеологизмов и т. д.

Первый из отмеченных процессов является для современного состояния русского литературного языка особенно характерным (см. о расширении первоначальной сферы употребления фразеологизмов в § 54).

§ 65. Межстилевые фразеологические обороты

Под межстилевыми фразеологическими оборотами понимаются устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка и представляющие в силу этого фразеологизмы с «нулевой» стилистической характеристикой¹ (*сдержат слово, от всего сердца, тайное голосование, во всяком случае, игра слов, по свежим следам, под открытым небом, между тем как, время от времени* и т. д.).

Межстилевые фразеологизмы, как межстилевые слова, являются, таким образом, простыми наименованиями явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они экспрессивно не окрашены и общеупотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные (ср. *сошел с ума и не все дома; сошел с ума и повредился в уме, винтика не хватает; поднять голову и задрать нос; сидеть сложа руки и лодыря корчить, бить баклуши; Черное море и Понт Эвксинский* и т. д.).

Количество фразеологических оборотов межстилевого характера является большим и, как уже отмечалось, в настоящее время постоянно растет. Однако — в отличие от межстилевых слов, составляющих основу лексики в целом — их все же меньше, нежели фразеологизмов, ограниченных в своем употреблении определенной сферой общения. Это обстоятельство объясняется тем, что подавляющее большинство фразеологизмов, эквивалентных по семантике слову, функционирует в русском языке в качестве образных синонимов слов и имеет какую-либо «сниженную» или «повышенную» экспрессивно-стилистическую окраску.

¹ Используется термин О. С. Ахмановой (Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, стр. 243).

§ 66. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера

Фразеологизмы разговорно-бытового характера отличаются от межстилевых фразеологизмов, с одной стороны, более узкой сферой употребления (это фразеологические обороты, преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи), а с другой стороны, своей специфической «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.).

Эти специфические свойства фразеологических оборотов разговорно-бытового характера особенно ярко видны при сравнении их с общеупотребительными синонимическими словами (ср. *убежать* — *наострить лыжи*, *говорить* — *точить лысы*, *нестерпимо* — *мочи нет*, *пьяный* — *быть под мухой*, *разбогатеть* — *набить карман*, *насквозь* — *до последней нитки*, *вылечить* — *поднять на ноги*, *встревозить* — *поднять на ноги*, *выдумать* — *высосать из пальца*, *трудиться* — *гнуть спину*, *вмешиваться* — *совать нос*, *смелый* — *о двух головах*, *шататься* — *писать мыслете*¹, *быстро* — *со всех ног*, *враждовать* — *быть на ножках*, *отругать* — *разделать под орех*, *поглупеть* — *жить из ума*, *точно*, *ровно* — *ни много ни мало*).

Почти все разговорно-бытовые фразеологизмы имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты и, более того, даже некоторой «вольности»: *заморить червячка*, *свинью подложить*, *ни за пюньишку табаку*, *танцевать от печки*, *как сельди в бочке*, *сколько лет*, *сколько зим*, *собачья старость*, *последняя спица в колеснице*, *тряхнуть стариной*, *может статься*, *по всем статьям*, *шутки в сторону*, *теплая компания*, *веревки вить*, *раз и навсегда*², *и не подумаю*, *в нектором роде*, *пушкой не прошибешь*, *талия рюмочкой*, *ездить в Ригу*, *юмор висельника*³, *стрелять из пушек по воробьям*, *медный лоб*⁴, *сидеть на бобах*, *каши не сварить*, *маменькин сынок*, *подлить масла в огонь*, *грязь месить*,

¹ «Мыслете» — старое название буквы «м».

² Оборот представляет собой фразеологическую кальку франц. *une fois pour toujours*.

³ Оборот является калькой нем. *Galgenhumor*.

⁴ Оборот является фразеологической калькой франц. *front d'airain*.

мелкая сошка, мягко выражаясь, первый блин комом, вбить в голову и т. д.

Отмеченные свойства разговорно-бытовой фразеологии обуславливают ее большую роль в художественных произведениях: «при её помощи писатель добивается яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения»¹.

§ 67. Фразеологизмы книжного характера

Фразеологизмы книжного характера отличаются от разговорно-бытовых фразеологических оборотов, с одной стороны, совершенно иной сферой употребления (это фразеологизмы, преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи), а с другой стороны, своей специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д.).

Тем самым, подобно книжной лексике, книжная фразеология выступает как разряд устойчивых сочетаний слов, основной сферой употребления которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, язык художественных произведений и т. д.

Именно поэтому наиболее яркие группы среди книжной фразеологии образуют фразеологические обороты терминологического, поэтического и публицистического характера.

Как это отмечалось по отношению к фразеологизмам разговорно-бытового характера, особые качества книжных фразеологизмов также легче и яснее всего ощущаются тогда, когда они сравниваются с общеупотребительными лексическими синонимами (ср. *происходить* — *вести начало*, *сдаться* — *сложить оружие*, *деньги* — *золотой телец*, *женщины* — *женский пол*, *случай* — *игра судьбы*, *похороны* — *последний путь*, *уничтожить* — *стереть с лица земли*, *мгновенно* — *в мгновение ока*, *умереть* — *сойти в могилу*, *жизнь* — *житейское море*, *старость* — *вечер жизни*, *воздух* — *воздушный океан*, *армия* — *вооруженные силы* и т. д.).

¹ А. И. Ефимов. *Стилистика художественной речи*. М., Изд-во Московского университета, 1957, стр. 280.

§ 68. Фразеологические архаизмы и историзмы

Особое место среди фразеологических оборотов книжного характера занимают устаревшие фразеологизмы, так же, как и слова, распадающиеся на две категории: фразеологические историзмы и фразеологические архаизмы¹.

Под фразеологическими историзмами следует понимать фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности. В качестве примеров фразеологических историзмов можно указать: *частный пристав*, *требовать удовлетворения*, *божьей милостью*, *временно обязанный*, *статский советник*, *мировой судья*, *держатъ стол*, *столбовые дворяне*, *суконное рыло*, *боярский сын*, *черта оседлости* и т. д.

Под фразеологическими архаизмами следует понимать фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями слов или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий. В качестве примеров фразеологических архаизмов можно назвать: *биться об заклад* — *спорить*, *держатъ пари*; *блуждающие звезды* — *планеты*; *Новый Свет* — *Америка*; *камень горючий* — *сера*; *обладать собой* — *владеть собой*; *сырная неделя* — *масленица*; *трен жизни* — *образ жизни*; *турецкие бобы* — *фасоль*; *Христова невеста* — *монахиня, оставшаяся в девицах, не вышедшая замуж*.

Степень устарелости фразеологических оборотов может быть разной: одни фразеологизмы в настоящее время вообще вышли из употребления и без специальных справок рядовому носителю современного русского литературного языка совершенно непонятны (ср. *рать держатъ* — «воевать»², *сидя на санях* — «на старости лет»³, *биллионный*

¹ О лексических архаизмах и историзмах см. Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., Учпедгиз, 1959, стр. 228 и сл. или ст.: Устаревшие слова в русском языке. «Русский язык в школе», № 3, 1954.

² Ср.: *Почя Всеславъ рать дръжати* — «начал Всеслав воевать» (I Новгородская летопись).

³ Ср.: *На санехъ съдья, безльпницю си молвилъ* — «на старости лет глупость эту сказал» (Поучение Владимира Мономаха). Этот фразеологический оборот в своем возникновении связан с тем, что сани употреблялись для перевозки покойников (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, стр. 258).

человек — «тринадцатый, лишний человек»¹, *елисейские поля* — «рай» и т. д.), другие фразеологизмы, четко осознаваясь как устаревшие, известны говорящим на современном русском литературном языке и в определенных стилистических целях могут быть использованы и сейчас (ср. *брать в жены, третье отделение, Христа ради, царство небесное ему, чай да сахар, иметь честь, голубая кровь, черная сотня, воздушный океан, как птица небесная, великий немой*² и т. д.).

Употребление устаревших фразеологизмов с определенной художественно-выразительной и изобразительной установкой в известной степени аналогично устаревшим словам. Наряду с соответствующими лексическими единицами они могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи и того или иного комического эффекта. Однако в силу их лексического состава и структуры стилистическое использование фразеологических архаизмов и историзмов иногда может быть подобным тому, какое характерно для фразеологических оборотов, входящих в активный словарный запас языка. В таком случае они подвергаются индивидуально-авторской обработке и выступают в соответствующем контексте уже как фразеологические неологизмы (о них см. § 69 и сл.).

¹ Намек на миллиард (1 000 000 000 000), состоящий из тринадцати цифр.

² Название кино дозвукового периода.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

§ 69. Виды использования фразеологизмов в стилистических целях

Фразеологические обороты — яркое стилистическое средство сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной.

Меткое крылатое слово, полная народной мудрости поговорка, выразительная идиома оживляют язык, при помощи них он становится более сочным и эмоциональным. Эти специфические качества фразеологических оборотов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-образительных целей говорящими не преследуется.

Однако особенно ясно отмеченные свойства фразеологизмов видны в произведении художественной литературы и публицистики. В умелых руках художников слова — писателей и публицистов — фразеологические обороты становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, колоритной авторской речи, для обрисовки речевого портрета героев и т. д.

Особенно охотно и часто фразеологические обороты используются с определенными выразительными и образными целями в поэзии, где возможно построение на устойчивых сочетаниях слов даже целых стихотворных структур. Как правило, в таких случаях привлекаются фразеологизмы, имеющие общий для всех компонент.

Так, целиком на использовании фразеологических оборотов со словом *красный* построено стихотворение А. Ситковского «Все лучшее, что есть на свете»:

Все лучшее, что есть в природе
И всюду, где мы ни найдем,
Как в русском повелось народе
Мы красным искони зовем.

Есть в каждом доме *красный угол*,
Почетный, праздничный, для тех,
Кто честь имеет быть нам другом,
С кем делим горе и успех!

И девушку, какой не встретишь,
Хоть обойди весь мир кругом,
Из тех, что лучше есть на свете,
Мы *красной девицей* зовем.

И *площадь Красная* издревле
Прославлена, вознесена!...
Есть даже *красные деревья*,
А на *миру и смерть* *красна*.

И наше знамя боевое
За силу вечной правды в нем,
Неугасимое, родное,
Мы *Красным знаменем* зовем!

Так же (но на фразеологизмах с прилагательным *воздушный*) строится шуточная стихотворная миниатюра С. Кирсанова:

Позволь ты мне иметь *воздушный замок*,
Чтобы побродить в его воздушных залах,
Где будем мы, покинув город *душный*,
Сидеть вдвоем и есть *пирог воздушный*.
Не в замке мы, не бродим, не пируем...
Я разве сыт *воздушным поцелуем*,
Я разве рад, что в небо над бульваром
Любовь летит *воздушным детским шаром*.

Стилистическое использование фразеологических оборотов писателями и публицистами всегда является творческим, а приемы их употребления могут быть самыми различными.

Фразеологические обороты могут использоваться в определенных стилистических целях как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным смысловым значением и структурой или новыми экспрессивно-стилистическими свойствами.

Так, в том виде, в каком оборот известен в общем употреблении, однако очень оригинально (создавая сатирический оксюморон) использует А. С. Пушкин фразеологизм *отец семейства* (калька лат *pater familias*):

Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой.

Так же, но сталкивая как антонимы «целое» (*любовь*) и «часть» (*первая любовь*), употребляет К. Ваншенкин фразеологический оборот *первая любовь*:

Любовь бывает не у всякого,
Но *первая любовь* у всех.
И оба парня одинаково
Рассчитывали на успех.

Напротив, в совершенно ином — трансформированном — виде даются обороты *знай сверчок свой шесток*, *тоска зеленая*, *делать из мухи слона* соответственно у М. Дудина, Н. Грибачева и Э. Кроткого:

Мой век прекрасен и жесток,
Он дорог мне и мил.
Я не сверчок, чтоб свой шесток
Считать за целый мир (Дудин).
С зеленоватой чешуей по коже,
С открытой серой пастью до виска,
На чудищ ископаемых похожа,
И к нам вползает иногда тоска (Грибачев).

Делать муху из слона нерентабельно: слишком много отходов (Кроткий).

Трудно сказать, какой из этих двух способов в художественной и публицистической литературе является преобладающим. Важно отметить, что оба они представляют способы активные и продуктивные, в отличие от того, что наблюдается в разговорно-бытовой речи, для которой характерно использование фразеологических оборотов лишь как готовых и целостных смысловых единиц языка, т. е. в том виде, как они есть.

§ 70. Стилистическое использование фразеологических оборотов в их общенародной форме

При использовании в определенных художественных целях фразеологических оборотов без изменения они выступают в авторской речи как одно из средств, делающих речь более разнообразной, живописной, выразительной, а в речи персонажей — как одно из средств их языково-стилистической характеристики.

Фразеологический оборот при таком употреблении не несет на себе никаких дополнительных экспрессивно-стили-

стических свойств, кроме тех, которые свойственны ему самому по себе. В качестве такого употребления фразеологических оборотов (кроме указанных выше) можно привести следующие примеры:

Чудо! Вообразите себе: говорит, как профессор; что за чувства, что за страсти! И вместе с тем эти *синие чулки* бывают обыкновенно страшные уроды; а это, представьте себе, красавица, образованна и учена так, что меня просто *в тупик поставила* (Писемский).

— Твой отец *добрый малый*, — промолвил Базаров: — но он человек отставной, его *песенка спета* (Тургенев).

— Ну, уж, батюшка мой, ты — совсем *мокрая курица*, осовел, жених, — говорила ему Ольга Леонтьевна, — минутки без невесты не может — *нос на квинту*... Сейчас, сейчас мы поедем (А. Н. Толстой).

Я полагаю с своей стороны, *положа руку на сердце*: по восьми гривен на душу, это самая *красная цена!* (Гоголь).

— Но чтоб одни материалы собирать — как это у вас говорится — у ученых мужей... *слуга покорный* (Салтыков-Щедрин).

Да мы сами ведь с *усами*.

Так *мотай себе на ус* (из солдатской песни декабристов).

Куда, куда вы удалились,

Весны моей золотые дни (Пушкин).

Здесь фразеологические обороты *синий чулок*, *поставить в тупик*, *добрый малый*, *песенка спета*, *мокрая курица*, *нос на квинту*, *положа руку на сердце*, *красная цена*, *слуга покорный*, *сами с усами*, *мотать на ус*, *весны моей золотые дни*¹, привлекаясь по разным причинам в художественный контекст, употребляются одинаково во всех указанных случаях: как обычно, без каких-либо изменений.

Все они имеют здесь семантику, структуру и стилистические свойства, присущие им в общеязыковом употреблении.

Иное наблюдается тогда, когда фразеологические обороты употребляются писателями и публицистами в измененном, переоформленном или обновленном виде, с иной семантикой или структурой.

В этих случаях фразеологический оборот получает, помимо заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые эстетические и художественные качества. Такое использование фразеологических оборотов чаще всего наблюдается (и в авторской речи, и в речи персонажей) как средство для создания всякого рода художественно-стилистических

¹ Выражение *весны моей золотые дни*, так же как *дневное светило*, *дева красоты* и т. п., идет из французской поэзии. В таком виде мы встречаем его уже в переводе элегии Мильвуа Милоновым: *Как призрак легкий, улетели весны моей золотые дни* (ср. у Шенье: *O jour de ton printemps*).

эффектов (каламбуров, словесной игры, красочного образа и т. д.).

Если использование фразеологизма таким, какой он есть, не требует особых комментариев, то приемы употребления фразеологизмов в стилистических целях в трансформированном виде в силу их многообразия приходится разбирать довольно детально.

§ 71. Стилистическое использование фразеологических оборотов в авторской обработке

Исследование писательской и публицистической практики XIX—XX вв. позволяет выделить следующие основные приемы индивидуально-художественной обработки и употребления общенародного фразеологического фонда:

1. Очень часто наблюдается наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности.

Примером такого употребления фразеологических оборотов может служить использование Тургеневым мятевского оборота *Как хороши, как свежи были розы*¹ в его стихотворении, озаглавленном этим оборотом. Цитируя этот оборот, Тургенев говорит читателю о милых и дорогих днях юности, о ставшей далеким прошлым любви и о горькой и одинокой старости.

С новым, не общепринятым в языке, значением употребляет Маяковский выражение *ни дна, ни покрывки*, являющееся по смыслу пожеланием дурного, выражением досады или раздражения и т. д.: *Дохлая рыбка плывет одна. Висят плавнички, как подбитые крыльшки. Плывет недели, и нет ей ни дна, ни покрывки.*

Новыми оттенками в семантике наполняется грибоедовское выражение во фразе Чехова: *Весь декабрь не работал у Суворова и теперь не знаю, где оскорбленному есть чувству уголок.*

Такой прием использования фразеологического оборота

¹ Выражение является первой строкой стихотворения Мятлева «Розы». Ср.:

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!...*

ведет лишь к обновлению семантики, не затрагивая лексико-грамматической целостности.

2. Не менее частым является обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его семантики и основных черт структуры.

Обновление фразеологического оборота в таких случаях заключается или в замене одного из его компонентов синонимом, или в расширении его состава новым словом.

Иллюстрацией такого рода авторской обработки общеязыковых фразеологизмов могут быть, например, следующие контексты:

Не боюсь ни ошибки, ни сплетни,
Ни жестокой *девятой волны*,
Но глаза *восемнадцатилетних*
Не имеют еще глубины (Ошанин).
Мы много в этот день *курили*
Среди *крошечной тишины*.
Мы ничего не говорили —
Слова нам были не нужны (Полякова).
Вагон еще лежал *в объятьях сна*,
Не пили чай, не мыслили и не брились (Кобзев).

Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине *канули в реку забвенья*, в какую-нибудь *эдакую Лету*, как называют поэты (Гоголь).

А славянофилы? Народники? — *«Одних уж нет, а те далеке»* от действительности, — ответил Туробаев (Горький).

Пушки эти не заговорят,
И *это молчание — золото!* (Н. Поляков).
А я, тупей полена,
Вновь свернул — хоть стражу призови —
И опять побрел бы по колено
В *непролазных горестях любви* (С. Наровчатов).

В оборотах *девятый вал*, *в объятьях Морфея* существительные *вал* и *Морфей* заменены синонимами *волна* и *сон*, выражения *кануть в лету*, *одних уж нет, а те далеке*, *молчание — золото* расширены соответственно новыми компонентами *в реку забвенья*, *в какую-нибудь эдакую*, *от действительности*, *это*, в фразеологизмах *крошечная тьма непролазная грязь* вместо опорных слов *тьма* и *грязь* введены существительные *тишина* и *горесть*.

В качестве аналогичных примеров можно привести также: *За нее дрожу, как за зеницу глаза*, *чтоб конфетной не был красотой оболган* (Маяковский); *Поднимает площадь шум, экипажи движутся. Я хожу, стилишки пишу в записную книжицу* (Маяковский); *Первый данный блин вышел, кажется, комом* (Чехов); *Цензура привыкла совать свой смрадный нос в самое святилище*

мысли писателя (Салтыков-Щедрин); *Омочив слезами садик, сел щенок на битый задик. Изю всех щенячьих сил нищий щен заголосил* (Маяковский).

В оборотах как *за зеницу глаза*¹ и *записная книжица* слово *око* и *книжка* заменены синонимами *глаз* и *книжица*, а в обороты *первый блин комом*, *совать свой нос*, *изю всех сил* включены соответственно слова *данный*, *смрадный*, *щенячьих*.

3. Очень эффективным представляется использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов. Такой стилистический прием использования фразеологизмов часто связан с изменением их значения и грамматических свойств.

Таким, например, является использование Маяковским оборотов *свои люди* — *сочтемся* и *работать не покладая рук*: *Сочтемся славою, ведь мы свои же люди; А работает как! Не покладает рук. Может заработать до смерти. Вертит пальцем большим большого вокруг, то быстрее, то медленнее вертит.*

4. Не менее выразительным приемом использования фразеологического богатства русского языка является образование по аналогии с фразеологизмами, существующими в общелитературном употреблении, новых, индивидуально-художественных оборотов. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеязыкового оборота, так и с использованием одной лишь его структуры.

По модели существующих фразеологизмов и с использованием отдельных их членов созданы, например, такие новообразования:

Мы — трудовое поколение.
Мы вовремя явились в мир.
*Нам море было по колени,
По щиколотку был Памир.*
Белее белого каленья
В победном пламени ума
*Нам горе было по колени,
По щиколотку — смерть сама* (Антокольский; по образцу *пьяному море по колено*);

Мне сорок лет. Я медленно хожу.
Иду-бреду, слегка сутуля плечи.
Я в суматошном ведомстве служу

¹ В этом обороте, кроме синонимической замены, наблюдается также вставка предлога *за*.

И устаю до чертиков под вечер (К. Мурзиди; по образцу *напиться до чертиков*);

Ваше местоимение (Чехов; по образцу *ваше благородие*); *Капитал — его препохабие* (Маяковский; по образцу *его преподобие*); *Его сивушество* (Салтыков-Щедрин; по образцу *его сиятельство*); *Халтурных дел мастера* (Заглавие одного из фельетонов в «Известиях»; по образцу *часовых дел мастера*); *Люблю я земщину, но странною любовью* (Салтыков-Щедрин; по образцу *люблю отчизну я, но странною любовью*); *Но в ответ коварная она: «Как-нибудь один живи и грейся. Я теперь по мачты влюблена в серый «Коминтерн», трехтрубный крейсер* (Маяковский; по образцу *влюблен по уши*); *Виноват перед Вами по самое горло и сам сознаю это* (Чехов; по образцу *сыт по горло*); *Во всю ивановскую трату деньги, которые получил за своего «Иванова»* (Чехов; по образцу *кричать во всю Ивановскую*).

Только с использованием структуры общеупотребительных фразеологизмов созданы такие обороты, как *за пять выстрелов, за десять песен* (Л. Ошанин):

Кто придумал, что мир очень тесен?
Побывайте в таежной глуши, —
За пять выстрелов, за десять песен,
Здесь живая душа от души
(по модели *за тридевять земель*);

Йоркширом йоркшир (Маяковский; *посмотришь в ширь — йоркширом йоркшир*; по модели *дурак дураком или темным-темно*); *Сочинения сочиняешь* (Чехов: *Нешто музыка без барабана может существовать? И того не понимаешь, а еще сочинения сочиняешь*; по модели *шутки шутить, думы думать, дело делать* и т. д.).

И то и другое сразу можно наблюдать, например, в отрывке: *Пользы от него, что молока от черта, что от пшенной каши золотой руды* (Маяковский). Оба выражения возникли на базе фразеологического оборота как *от козла молока*, но второе с использованием лишь структуры, а первое также и с использованием компонента *молока*.

5. Оригинальным и ярким приемом для создания определенного стилистического эффекта является употребление фразеологического оборота одновременно и как фразеологического, и как свободного сочетания слов.

В качестве примеров такой игры на омонимичности фра-

зеологизма и свободного сочетания слов, возможности восприятия группы слов и как фразеологического оборота, и как свободного словосочетания можно привести следующие: *Сматывай удочки сейчас же, — обратился Сухарько к Павке. — Ну, быстрее, быстрее, — говорил он, видя, что Павка спокойно продолжает удить* (Н. Островский);

Оказия сия, по мне уже не нова,
Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону (Прутков);
Я не хватаю с неба звезд.
На три ступеньки выше стану —
И то, пожалуй, не достану.
Не дотянусь, такой уж рост (К. Мурзиди);
Раз архитектор с птичницей спознался.
И что ж? в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора — он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только куры (Прутков);

Спички были готовы *сгореть от стыда* за выпустившую их фабрику, но никак не могли зажечься (Кроткий);

Когда вагоновожатый *ищет новых путей*, вагон сходит с рельсов (Кроткий);

Если бы все *хватали звезды с неба*, не было бы звездных ночей (Кроткий);

Здесь общее всё — и подушки, и кружки,
Здесь глаз не косят, на узлах не сидят.
Здесь всё *нараспашку* — *двери* теплушки,
И *телогрейка*, и *души* ребят (Дмитриев);
Я начал писать на плодах и колосьях,
На шкурке крота, на чешуйках лосося,
Я строки веслом расплескал на пруде,
Я *вилами даже писал на воде!* (Кирсанов);

«Пришел к вам не поздравления выслушивать, а *бросить перчатку*». Он с деланной серьезностью снял рукавицу и кинул ее на лед: «Вызываю на борьбу» (Ажаев);

Не надо чваниться! Смири гордыню, друже. Ты *ходишь гоголем*, а пишешь... много хуже (Кроткий);

«А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома *куда глаза глядят*». Подумала Светлана и спрашивает: «А *куда твои глаза глядят?*» (Гайдар);

— В этой части он *собаку съел*. — Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива (Чехов);

На предложение лечь на пол и глядеть на эти прекрасные вещи мать отвечала с досадой:

— Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того *руки отваливаются* Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал — когда у нее начнут отваливаться руки (А. Н. Толстой).

6. Пожалуй, наиболее часто встречающимся приемом является употребление с целью особой художественной выразительности не фразеологического оборота как такового, а его общего образа или содержания. Фразеологического оборота как целостной языковой единицы здесь собственно уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду и фразеологизм как таковой, т. е. в том виде, в каком он употребляется в языковой системе.

Например, для того чтобы верно понять следующие далее восемь строк из стихотворения Некрасова «Балет» и оценить художественное мастерство поэта, которое им здесь проявляется в создании иронии, необходимо иметь в виду как различные значения слова *звезда* (1) небесное тело, светящееся собственным светом, 2) орден в форме звезды), так и фразеологический оборот *звезд с неба не хватает*:

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба.
Звезды неба не ярки у нас.

Приведем несколько примеров аналогичного характера:

Мне грустно наблюдать, что кто-то,
О битвах поболтав слегка,
Упрямо тянет на болото

С привычной страстью кулика. (Грибачев; используется оборот *всякий кулик свое болото хвалит*);

И помнишь только пени да обиды,
И осень, что еще не так близка,
И те надежды, что давно убиты,

Поскольку возводились из песка. (Грибачев; используется оборот *строить на песке*); Живопись не каша, — ее и маслом испортить можно (Э. Кроткий; используется оборот *каши маслом не испортишь*);

Что будет — радуюсь тому,
Пою о том, что есть.

Пылать здесь сердцу моему

И разрываться здесь (М. Дудин; используется оборот *разрыв сердца*);

Самое последнее выеденное яйцо гораздо дороже и ценнее вкуса, предлагаемого аскетизмом (Салтыков-Щедрин; используется оборот *выеденного яйца не стоит*); Сани здесь — подобной дряни не видал я на веку. Стыдно сесть в чужие сани коренному русаку (Вяземский; используется оборот *не в свои сани не садись*); Всех младенцев перебили по приказу Ирода, а молодость ничего — живет (Маяковский; используется оборот *избиение младенцев*); В этой теме, и личной, и мелкой, перепетой

не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и хочу кружиться
опять (Маяковский; используется оборот *как белка в колесе*).

Что вы знали, кроме хлеба и воды,
С трудом
перевиваясь со дня на день?
такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен? (Маяковский; исполь-
зуется оборот *и дым отечества нам сладок и приятен*);

Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим пря-
мым наследникам, которые на его полки положат свои зубы (Чехов;
используется оборот *положить зубы на полку*); Мне делается неловко
за публику, которая ухаживает за литературными болонками только
потому, что не умеет замечать слонов (Чехов; используется оборот
слона-то я и не заметил); Все собираюсь написать Вам, да, видно,
моя повивальная бабка имела дело сначала с ленью, а потом уж со
мною (Чехов; используется оборот *лень вперед тебя родилась*).

7. Встречается также (правда, значительно реже, нежели
отмеченные выше приемы) контаминация двух фразеологиз-
мов. Такое использование фразеологических оборотов может
быть двоякого рода: или «сливаются» воедино два фразео-
логических оборота, имеющих в качестве компонента одни
и те же или омонимические слова, или объединению подвер-
гаются фразеологизмы с синонимами и антонимами.

Например, в фельетоне Г. Рыклина «Тысяча глупостей»
контаминируются обороты *и никаких гвоздей* и *гвоздь се-
зона* (калька франц. *clou de saison*): *Солдаты требовали,
чтобы им показывали иностранные фильмы..., даешь Фер-
бенкса и Мэри Пикфорд, и никаких других «гвоздей сезона»!*

В его же фельетоне «Чертов палец» объединяются
в одно целое фразеологизмы *чертов палец* и *перст божий*:

Автор статьи раскаляется и продолжает: «Камни раскололись, дали
трещины, горы осели. Упал «Монах»... сломался даже «Чертов палец»...
И газета радостно живописует: «В этом крымском землетрясении сим-
вол. И люди и камни вопиют о возмездии». Словом, это не чертов
палец, а перст божий...

8. Довольно охотно и свободно писатели и публицисты
для создания определенного художественного эффекта ис-
пользуют рядом с фразеологическим оборотом одно из обра-
зующих его слов (естественно, уже в качестве лексической
единицы свободного употребления).

В качестве примеров намеренного сталкивания в пределах
одной фразы фразеологизма в целом и его «части» можно ука-
зать следующие:

Но тут-то и кончается соседство.
С годами я твой почерк забывал.
Чинила ты пороги в клубе сельском,
А я пороги прессы обивал (Иодковский);
На его палитре были все краски, кроме краски стыда
(Э. Кроткий);

И перед ним бессилён *Белый дом*,
Тот Белый дом, что перестал быть белым
С тех самых пор, как квартиранты в нём
Наш *белый свет* марают черным делом
(С. Наровчатов);

Нередко трон занимали *цари без царя в голове*
(И. Рябов);

Я спрашиваю снова: чья вина?
Приговоренный зваться человеком,
Я четверть века всем платил *сполна*,
За все, что не *сполна* давалось веком
(С. Наровчатов);

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти с *пустым рукавом*,
Чем с *пустой душой* (Сурков)

§ 72. Разные вариации одного и того же фразеологического оборота

Стилистическое использование фразеологических средств общенародного характера всегда носит у авторов оригинальный характер и тесно связано с теми художественно-образительными задачами, которые писателем или публицистом в данный момент ставятся. Поэтому трансформация какого-либо фразеологического оборота в разных литературных контекстах может быть различной даже у одного и того же художника слова. Такая возможность то той, то другой переделки или вариации общенародной фразеологической единицы определяется прежде всего теми образными и языковыми свойствами, которыми она обладает в общем употреблении, хотя, естественно, так или иначе реализуется в зависимости от особенностей индивидуального стиля автора, его творческой школы, лингвистического образования и, в первую очередь, — от ее художественной необходимости или, напротив, ненужности в каждом конкретном случае. Как бы то ни было, но наблюдения над употреблением одного и того же фразеологизма в разных литературных контекстах очень ярко демонстрирует те богатые и разнообразные образительные возможности, которые заложены в устойчивых сочетаниях слов русского языка как определенных значимых единицах.

Разберем в качестве примера стилистическую переработку фразеологического оборота *за тридевять земель*, являющегося своеобразным усилительным синонимом наречия *далеко*. В стихотворении Л. Ошанина «Друг» этот фразеологизм встречается дважды.

В начальном четверостишии авторская переработка общенародного оборота выразилась в замене опорного слова *земель* словами *гор* и *рек*:

Есть друг у меня. Чудак человек.
Он часто неуловим.
За *тридевять гор* и *тридевять рек*
Мы вечно бываем с ним.

Далее поэт деформирует также и первоначальную структуру фразеологизма. Из последнего берется (в качестве обозначения понятия «далеко») одно лишь количественное слово *тридевять*, которое Л. Ошанин сознательно связывает с синонимичным словом *далеко*:

Пришлет телеграмму он раз в году —
Писать не доходит рука.
Но если он скажет: «Приди», — приду
из *тридевять далека*.

Поскольку им берется структура с предлогом *из* (ср. *из далека* и *из прекрасного далека*¹), постольку *тридевять* (чтобы сохранить структуру и характер словосочетания надо было бы *из тридевяти далека*) выступает в сущности как часть слова *тридевять далека* со значением «сверх, очень».

Третий вид творческой переделки фразеологического оборота *за тридевять земель* может иллюстрировать другое стихотворение того же Л. Ошанина «Кто придумал, что мир очень тесен». В нем поэт использует одну лишь модель с предлогом *за*, создавая тем самым фразеологическое новообразование, семантически эквивалентное общенародному фразеологизму:

Кто придумал, что мир очень тесен?
Побывайте в таежной глуши,—
За *пять выстрелов*, за *десять песен*
Здесь живая душа от души.

Сохраняя значение оборота, но отчасти меняя лексический состав и структуру, употребляет анализируемый оборот в стихотворении «Железная дорога» поэт С. Орлов:

¹ Крылатое слово, представляющее собой выражение из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя: *Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного прекрасного далека, вижу тебя* (ч. I, гл. II).

В нем поет за *тридесвятой* далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны.

Его трансформация устойчивого сочетания слов за *тридесять земель* выразилась в замене слова *земля* словом *даль* и превращении количественного числительного *тридесять* в порядковое прилагательное *тридесятая*. Последнее прилагательное на месте количественного числительного *тридесять* мы наблюдаем и в поэме С. Наровчатова «Разговор с дочкой», однако его употребление здесь носит уже иной характер (*тридесятый* — «сказочный») и взято уже не из выражения за *тридесять земель*, а из выражения в *тридесятом царстве*:

Оле сон *тридесятый* снится,
Снится в ярких цветах земля.
Пусть приснится моей синице,
Что я в небе словил журавля.

В стихотворении «Разговор в блиндаже» этого же поэта мы находим еще одну трансформацию оборота за *тридесять земель*. Полнозначные слова фразеологизма С. Наровчатова использует для образования прилагательного-определения к существительному *далеко*:

Сведены дорогой фронтовой,
Говорили мы накоротке
Обо всем, чем жили мы взапой
В *тридесятьземельном* далеке.

§ 73. Мнимая переделка фразеологического оборота

При анализе стилистического использования фразеологических оборотов художниками слова следует всегда исходить из наличной фразеологической системы, строго и четко дифференцируя от авторской трансформации факты свободного употребления слов. Особенно важно — в силу возможности принять одно за другое — учитывать это при анализе речевой практики писателей и публицистов прошлого. Несколькими примерами.

В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» встречаются контексты, которые можно понять (рассматривая их с точки зрения современного языкового сознания) как целые, содержащие в себе переделку фразеологизма *кануть в Лету*:

И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной (гл. 2, строфа 40);
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета (гл. 6, строфа 22).

Однако если мы объясним это именно так, то совершим серьезную ошибку, выдав за факты первой трети XIX в. то, что характерным является лишь для современного языка. В действительности, контексты, кажущиеся нам трансформацией устойчивого сочетания слов, таковыми не являются, так как в первой трети XIX в. употребление существительного *Лета* фразеологически связанным еще не было.

Индивидуально-авторским «разложением» слова на фразеологический неологизм может показаться словосочетание *кривые толки* (ср.: *Иди же к невским берегам, новорожденное творенье, и заслужи мне славы дань — кривые толки, шум и брань*; А. С. Пушкин), если мы не будем знать, что в фразеологической системе первой трети XIX в. оборот *кривые толки* был очень обычной воспроизводимой и целостной единицей разговорно-бытовой речи.

Напротив, если не учитывать данных фразеологии первой трети XIX в., можно не заметить яркого и оригинального фразеологического новаторства А. С. Пушкина, например, в таких отрывках, как: *Вы, украшенные проворно Толстого кистью чудотворной* (Евгений Онегин, гл. 4, строфа 30), *И Страсбурга пирог нетленный* (там же, гл. 1, строфа 16).

Поэтическую смелость, своеобразную прелесть фразеологической находки великого поэта можно хорошо представить себе и оценить лишь в том случае, если будет известно, что прилагательные *чудотворная* и *нетленный* в его время были фразеологически ограниченными в своем употреблении и реализовались лишь в религиозных по содержанию и характеру сочетаниях *чудотворная икона*, *нетленные мощи* и т. д.

Таким образом, анализируя фразеологические обороты с точки зрения их стилистического использования, необходимо так же строго разграничивать факты разных эпох и систем, а также факты общенародного употребления от индивидуально-авторского использования, как и при их анализе с точки зрения семантической слитности (см. §§ 12, 17).

ЛИТЕРАТУРА ПО ФРАЗЕОЛОГИИ

Авалиани Ю. Ю. К вопросу о сложных лексикализованных словосочетаниях в русском языке. В сб.: «Краткие сообщения кафедры русского языка Узбекского ун-та». Самарканд 1959.

Амосова Н. Н. О целостном значении идиомы. В сб.: «Исследования по английской филологии». сб. 2. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1961.

Амосова Н. Н. О синтаксической организации фразеологических единиц. «Уч. зап. ЛГУ», серия филол. наук, вып. 60. Л., 1961.

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка, гл. 9. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1957.

Архангельский В. Л. Заметки о синтаксическом аспекте в изучении русской фразеологии. «Уч. зап. Таганрогского пединститута», вып. 6 Таганрог, 1958.

Архангельский В. Л. Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей ее изучения. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону пединститута», вып. 4. Ростов-на-Дону, 1955.

Ахманова О. С. Эквиваленты слов и их классификация в современном английском языке. В сб.: «Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ», вып. 6. М., 1948.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957.

Базыленко А. М. Да пытання аб фразеалагічных адзінках у беларускай мове. «Уч. зап. Белорусского ун-та», вып. 18. Минск, 1954.

Балли Ш. Французская стилистика. М., ИЛ, 1961, стр. 87—111.

Бертагаев Т. А., Зимин В. И. О синонимии фразеологических сочетаний в современном русском языке. «Русский язык в школе», № 3, 1960.

Бровко А. С. К вопросу о семантико-структурной классификации фразеологических единиц русского языка. «Уч. зап. Запорожского пединститута», т. IV. Запорожье, 1957.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., Учпедгиз, 1958, стр. 98—107.

Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, § 4.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: «А. А. Шахматов». М., Изд-во АН СССР, 1947.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В сб.: «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний. «Вопросы языкознания», 1954, № 3.

Вовчок П. А. К вопросу о природе идиом. «Уч. зап. Уральского ун-та», вып. 20. Свердловск, 1958.

Вульфийус И. М. К вопросу о классификации идиом. «Русский язык в советской школе», 1929, № 6.

Гаврин С. Г. О связи синтаксических функций фразеологизмов с грамматической формой опорного слова. «Уч. зап. Пермского пединститута», вып. 28, Пермь, 1961.

Гелнер Ю. Р. Фразеологизмы в системе русского литературного языка. «Науч. зап. Харьковского пединститута», вып. 20. Харьков, 1957.

Городкова М. Д. Устойчивые словосочетания, соотносительные с глаголом в современном русском языке. «Уч. зап. МОПИ», т. 36, вып. 2. М., 1956.

Дементьева Г. Я. Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке. Алма-Ата, 1955 (автореферат канд. дисс. — Алма-Атинский пединститут).

Донец Н. А. Фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого. «Уч. зап. Латвийского ун-та», т. 48. Рига, 1961.

Доискова З. В. К вопросу о выражении подлежащего фразеологическими единицами. «Уч. зап. Ростовского ун-та», т. 14, вып. 5. Ростов-на-Дону, 1957.

Дубинский И. В. Наблюдения над лексикой фразеологических единиц. В сб.: «Вопросы русского языкознания». Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1961.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., Изд-во Московского университета, 1957, стр. 273—302.

Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., Изд-во Московского университета, 1953.

Ефимов А. И. О фразеологических контекстах слова *путь*. «Уч. зап. МГПИ», т. 56, вып. 2. М., 1948.

Жуков В. П. Видо-временная характеристика устойчивых сочетаний слов. «Уч. зап. Гурьевского пединститута», вып. 1. Гурьев, 1959.

Замкова В. Фразеологизмы как часть словарного состава языка. «Русский язык в национальной школе», 1959, № 5.

Золотова Г. А. О лексическом и грамматическом свойствах устойчивых словосочетаний в русском литературном языке. «Русский язык в школе», 1950, № 6.

Кирсанова Н. А. К вопросу о соотношении фразеологической единицы и слова. В сб.: «Вопросы русского языкознания». Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1961.

Клюева В. Н. Прилагательные, обозначающие цвет во фразеологических единицах. «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», т. X. М., 1956.

Козырев И. С. Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке. Л., 1953 (автореферат канд. дисс.).

Коломиец Л. И. О фразеологических сочетаниях языка украинских актов XIV—XVI вв. В сб.: «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., Изд-во Ленинградского университета, 1961.

Кочетков А. К. Устойчивые словосочетания с глаголом в функции сказуемого. «Уч. зап. Сызранского пединститута», вып. 1. Сызрань, 1956.

Краснов Ф. А. Некоторые вопросы синтаксического употребления фразеологических единиц. В сб.: «VIII научная конференция. Секция русской филологии». Фрунзе, 1959.

Кумачева А. В. Фразеологические сочетания как часть словарного состава. «Иностранные языки в школе», 1953, № 6.

Куниин А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии. В кн.: «Англо-русский фразеологический словарь». М., ГИС, 1956, стр. 1433—1445.

Лавров И. И. Устойчивые сочетания в современном русском литературном языке. «Уч. зап. МГПИ», т. 17, вып. 6. М., 1959.

Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. «Уч. зап. ЛГУ», № 198, серия филол. наук, вып. 24. М., 1956.

Ларин Б. О. Про народну фразеологію. В кн.: «Праці 10 республіканської діалектологічної наради». Київ, 1961.

Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. М. Учпедгиз, 1956, стр. 207 — 226.

Лейкина Б. М. Программа анализа фразеологических комплексов. В сб.: «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текстов», вып. 8. М. Изд-во АН СССР, 1961.

Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

Мордвилко А. И. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний. «Русский язык в школе», 1961, № 4.

Москальская О. И. Устойчивые сочетания с грамматической направленностью. «Вопросы языкознания», 1961, № 5.

Никитевич В. М. О лексико-грамматической структуре не-свободных определительных сочетаний в современном русском языке. В сб.: «Вопросы фразеологии». Самарканд, Изд-во Самаркандского университета, 1961.

Николенко Л. В. Фразеологические обороты, выполняющие функцию наречия. «Русский язык в школе», 1955, № 5.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии. В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1957.

Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка. Тезисы докладов. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1961.

Рогова Н. П. Проблема фразеологического оборота как эквивалента слова. В сб.: «Некоторые вопросы изучения словарного состава языка». М., 1954.

Рожанский А. Я. Фразеологизмы с числительными. «Русский язык в школе», 1957, № 1.

Рожанский А. Я. Идиомы и их перевод. «Иностранные языки в школе», 1948, № 3.

Ройзензон Л. И. Некоторые вопросы теории фразеологии. В сб.: «Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава». Самарканд, Изд-во Самаркандского университета, 1957.

Ройзензон Л. И. Фразеология как лингвистическое явление. «Труды Самаркандского университета». № 113. Самарканд, 1961.

Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Заметки по теории фразеологии. «Труды Узбекского ун-та», серия 95 Самарканд, 1959.

Рудов В. Ф. К вопросу о сущности фразеологических выражений «Уч. зап. Таганрогского пединститута», вып. 5. Таганрог 1958.

Рудов В. Ф. О некоторых взаимоотношениях фразеологии со словарным составом языка. «Уч. зап. Таганрогского пединститута», вып. 3. Таганрог, 1957.

Селиванов Т. Тавтологические словосочетания как самобытные русские фразеологизмы. «Русский язык в школе», 1955, № 3.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1956, гл. 6.

Соколова Л. и Суворова С. К определению границ фразеологии. В сб.: «Некоторые вопросы изучения словарного состава». М., 1954.

Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений. «Известия ОРЯС», т. X. СПб, 1873.

Тихонов А. Н. К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц. «Труды Самаркандского ун-та», вып. 106. Самарканд, 1961.

Ткаченко П. В. Вопрос о пословицах как материале фразеологии. «Уч. зап. Саратовского пединститута», вып. 30. Саратов, 1958.

Уткина В. П. Перифрастический оборот в русской художественной литературе. «Известия Крымского пединститута», т. 33, вып. 1. Симферополь, 1959.

Цой А. А. Структурно-семантические особенности некоторых видов устойчивых предложно-падежных сочетаний в современном русском языке. В сб.: «Вопросы фразеологии», серия 106. Самарканд, 1961.

Чернышев В. И. Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях. В сб.: «Доклады и сообщения Ин-та русского языка», вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1948.

Чернышева И. И. Семантические процессы в фразеологии и фразеологическая деривация. В сб.: «Законы семантического развития в языке». М., 1961.

Шанский Н. М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке. «Русский язык в школе», 1957, № 3.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизованных конструкций в строе русской разговорной речи. «Вопросы языкознания» 1958, № 2.

Шмелев Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи. «Русский язык в национальной школе», 1959, № 6.

Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1958, № 6.

Яковлевская А. В. Факторы возникновения фразеологических единиц. «Уч. зап. Волгоградского пединститута», вып. 14. Волгоград, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	2
---------------------	---

Введение во фразеологию русского языка

§ 1. Предмет и задачи фразеологии русского языка	3
§ 2. Формирование фразеологии как лингвистической дисциплины	6
§ 3. Фразеологические словари	10

Фразеологический оборот как значимая единица языка

§ 4. Понятие «фразеологический оборот»	17
§ 5. Структура фразеологического оборота	22
§ 6. Значение фразеологического оборота	23
§ 7. Состав фразеологического оборота	27
§ 8. Фразеологический оборот в его отношении к части речи	29
§ 9. Морфологические свойства фразеологического оборота	30
§ 10. Варианты фразеологического оборота	33
§ 11. Фразеологические обороты синонимического характера	35

Фразеологические обороты с точки зрения их семантической слитности

§ 12. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности	37
§ 13. Фразеологические сращения	39
§ 14. Фразеологические единства	41
§ 15. Фразеологические сочетания	43
§ 16. Фразеологические выражения	44
§ 17. Определение степени семантической слитности фразеологического оборота	45
§ 18. Вопрос о месте фразеологизмов терминологического характера	46

Фразеологические обороты с точки зрения их лексического состава

§ 19. Классификация фразеологизмов русского языка по их лексическому составу	48
§ 20. Фразеологические обороты из слов свободного употребления	49
§ 21. Фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями	51

§ 22. Фразеологические обороты со словами, известными лишь в их составе	51
§ 23. Фразеологические обороты со словами устаревшей или диалектной семантики	54
§ 24. Соотношение семантической слитности фразеологического оборота и его лексического состава	56

Фразеологические обороты с точки зрения их структуры

§ 25. Структурные типы фразеологических оборотов в русском языке	58
§ 26. Фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению	59
§ 27. Классификация фразеологических оборотов, представляющих собой сочетания слов	60
§ 28. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное»	—
§ 29. Фразеологические обороты модели «существительное + родительный падеж существительного»	62
§ 30. Фразеологические обороты модели «существительное + + предложно-падежная форма существительного»	64
§ 31. Фразеологические обороты модели «предлог + прилагательное + существительное»	65
§ 32. Фразеологические обороты модели «предложно-падежная форма существительного + родительный падеж существительного»	66
§ 33. Фразеологические обороты модели «предложно-падежная форма существительного + предложно-падежная форма существительного»	—
§ 34. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное (с предлогом и без предлога)»	67
§ 35. Фразеологические обороты модели «глагол + наречие»	69
§ 36. Фразеологические обороты модели «деепричастие + существительное»	70
§ 37. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами	—
§ 38. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с подчинительными союзами	71
§ 39. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с отрицанием <i>не</i>	72
§ 40. Нерегулярные модели фразеологических оборотов	73
§ 41. Фразеологические обороты с особенностями художественно-поэтического характера	—

Фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения

§ 42. Классификация фразеологических оборотов по их происхождению	75
§ 43. Исконно русский фразеологический оборот как языковая единица	76
§ 44. Причины превращения свободных сочетаний слов во фразеологические обороты	77

§ 45. Исконно русские фразеологические обороты, образованные по модели	82
§ 46. Понятие «заимствованный фразеологический оборот»	83
§ 47. Фразеологические обороты, заимствованные из старославянского языка	85
§ 48. Фразеологические обороты без перевода из западноевропейских языков	87
§ 49. Понятие «фразеологическая калька»	89
§ 50. Точные и неточные фразеологические кальки	90
§ 51. Источники фразеологических калек в русском языке	91
§ 52. Фразеологические полукальки	93
§ 53. Фразеологическое калькирование и степень семантической слитности фразеологических оборотов языка-источника	94
§ 54. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления	95

Изменения в семантике, структуре и составе фразеологических оборотов

§ 55. Исторический характер современного вида фразеологических оборотов	99
§ 56. Изменения в степени семантической слитности фразеологических оборотов	100
§ 57. Изменения в семантике фразеологических оборотов	102
§ 58. Изменения в лексическом составе фразеологических оборотов	103
§ 59. Изменения в структуре фразеологических оборотов	108
§ 60. Этимологический анализ фразеологических оборотов	109

Фразеология и словообразование

§ 61. Фразеологический оборот и синонимичное ему слово	117
§ 62. Образование слов на базе фразеологических оборотов	119
§ 63. «Разложение» слов и возникновение фразеологических оборотов	125

Фразеологические обороты с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств

§ 64. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств	127
§ 65. Межстилевые фразеологические обороты	129
§ 66. Фразеологические обороты разговорно-бытового характера	130
§ 67. Фразеологизмы книжного характера	131
§ 68. Фразеологические архаизмы и историзмы	132

Стилистическое использование фразеологических оборотов

§ 69. Виды использования фразеологизмов в стилистических целях	134
§ 70. Стилистическое использование фразеологических оборотов в их общенародной форме	136

- § 71. Стилистическое использование фразеологических оборотов в авторской обработке
- § 72. Разные вариации одного и того же фразеологического оборота
- § 73. Мнимая переделка фразеологического оборота
Литература по фразеологии

Николай Максимович Шанский
ФРАЗЕОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Л. Н. Паньшина*
 Художественный редактор *Н. Л. Кузнецова*
 Технический редактор *В. А. Мурашова*
 Корректор *М. И. Сокова*

Переплет художника *Л. М. Чернышева*

Сдано в набор 13/VIII—1962 г. Подписано к печати 13/XII—1962 г.
 Бумага 84 × 108₃₂. 4,88 печ. л. 8,00 усл. печ. л. 8,25 уч.-изд. л.
 Тираж 25000 экз. А — 10933. Изд. № Г/18. Зак. 482. Цена 27 коп.
 Государственное издательство «Высшая школа»,
 Москва, К-62, Подсосенский пер., 20.

Типография изд-ва «Звязда». Минск, Ленинский проспект, 79.

138

145

147

149

27 коп.

ЫҒЫШНАУАТ ШКОЛАСЫ - 1963